Р.В.ОВЧИННИКОВ

НАД «ПУГАЧЕВСКИМИ» СТРАНИЦАМИ ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·НАУКА·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Р. В. ОВЧИННИКОВ

НАД «ПУГАЧЕВСКИМИ» СТРАНИЦАМИ ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

О–35

Овчинников Р. В. **Над «пугачевскими» страницами Пушкина.**— М.: Наука, 1981,— 160 с.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

В книге рассказывается об архивных разысканиях, связанных с выявлением новых данных о событиях, лицах и документах, упоминаемых в произведениях А. С. Пушкина «История Пугачева», «Капитанская дочка» и в подготовительных материалах к ним. Значительное внимание отводится рассказу о поездке Пушкина в Поволжье и Оренбургский край, где в 1773—1775 гг. происходили главные события Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Беседы с очевидцами помогли Пушкину отчетливее уяснить социальный смысл «Пугачевщины», глубже понять незаурядную личность Пугачева.

Р. В. Овчинников — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР Академии наук СССР, специалист в области истории России XVIII в., автор монографий «Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»)» (Л., 1969); «Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование» (М., 1980) и других работ.

5.5.1

Ответственный редактор

доктор исторических наук

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

$О \frac{10604-181}{054(02)-81}$ 32–81. НП 0505010000

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1773—1775 гг. на юго-востоке Российской империи прогремела Крестьянская война — антикрепостническое восстание, предводительствуемое Емельяном Пугачевым. События восстания получили отображение в двух произведениях Пушкина: в монографии «История Пугачева» [а] и повести «Капитанская дочка». Работая над ними, поэт-историк стал признанным знатоком «Пугачевщины»; сам он в одной из записок к Александру Ивановичу Тургеневу аттестовал себя — в шутливой, правда, форме — историографом Пугачева [б]. Дружеский тон послания к Тургеневу объясняет эту шутку, но и по самым серьезным основаниям за Пушкиным было неоспоримое право на звание историографа Пугачевского восстания; с его «Истории Пугачева» собственно и началась научная историография последней Крестьянской войны в России. К созданию этой книги Пушкин подошел с арсеналом и навыками опытного профессионала, собрал и критически изучил массу исторических источников и, опираясь на них, мастерски исполнил главную свою задачу, заключавшуюся в «ясном изложении происшествий, довольно запутан-

---

[а] Переименована при издании в «Историю Пугачевского бунта» (СПб., 1834), что было сделано по указанию Николая I — «августейшего» цензора книги.

[б] Записка от 9 сентября 1834 г.— *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., В 17-ти т. Л., 1948, т. 15, с. 190. Далее все цитаты из сочинений и писем Пушкина приводятся (кроме особо оговоренных случаев) по этому изданию (Л., 1937—1959. Т. 1—17); при отсылках в тексте указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра). «История Пугачева» и материалы к ней напечатаны в двух книгах 9-го тома издания, имеющих валовую нумерацию страниц (Л., 1938, т. 9, кн. 1, с. 1—488; Л., 1940, т. 9, кн. 2, с. 489—950), при ссылках на том 9 номера книг не указываются. Ссылки на другие издания сочинений Пушкина сообщаются в примечаниях, помещенных в конце книги.

ных»[в], дал впечатляющие картины стихии народного движения и отчаянной борьбы повстанцев с войсками Екатерины II. Характеризуя источники «Истории Пугачева», приемы их изучения и оценки, Пушкин писал: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio[г] разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою» (IX, 389). О кропотливой работе Пушкина с источниками свидетельствуют как страницы «Истории Пугачева», так в особенности многочисленные рукописные заготовки к этой книге: копии и конспекты документов в «архивных» тетрадях, записи рассказов современников восстания и заметки в дорожной записной книжке (IX, 492—551, 617—794). Некоторые из этих материалов были использованы поэтом при написании повести «Капитанская дочка».

Среди источников пушкинских произведений о Пугачеве особое место принадлежит материалам, собранным в поездке, предпринятой поэтом в августе-сентябре 1833 г. в Поволжье и Оренбургский край, где он встречался со стариками, в том числе и с бывшими пугачевцами, живо еще помнившими и Пугачева и его время. Их рассказы, отмеченные печатью «истины, неукрашенной и простодушной», и «живой современности» повествуемого (IX, 112, 390), коренным образом отличались от трактовки «Пугачевского бунта» в документах екатерининской администрации и в известной поэту отечественной и зарубежной литературе. Рассказы, предания и песни, услышанные и отчасти записанные Пушкиным в поволжских селениях, Оренбурге, Уральске, Бердской слободе и уральских казачьих станицах, освещали события восстания и фигуру Пугачева с позиции народа. Это помогло Пушкину во многом преодолеть официально-казенную оценку восстания, отчетливее уяснить его социальный смысл, глубже понять незаурядную личность Пугачева — подлинного вожака народного движения, увидеть в его ха-

---

[в] Из письма Пушкина к поэту И. И. Дмитриеву от 25 апреля 1835 г. (XVI, 21). О том же писал Пушкин 22 июля 1835 г. к лицейскому другу В. Д. Вольховскому (XVI, 42).

[г] Фолиант — книга или архивное дело большого формата размером в лист.

рактере те положительные свойства, которые составляют неотъемлемые и типичные черты русского человека из простого народа. Такая трактовка образа Пугачева с особенной силой и выразительностью была воплощена в повести «Капитанская дочка». В этом произведении, как и в «Истории Пугачева», Пушкин стоял на позиции историзма, а при освещении событий и в характеристиках действующих лиц во многом опирался на реальные факты, документы и предания, органично и в образной передаче введя их в ткань художественного повествования.

Отмечая драгоценные свойства воспоминаний очевидцев восстания, Пушкин в то же время считал возможным использовать такие показания лишь после тщательного установления их реальной истинности. В статье «Об „Истории Пугачевского бунта"» он писал: «Что касается до преданий, то если оные, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то, с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности» (IX, 390). Поиски истины, выявление достоверности свидетельств о прошлом шли путем критического сопоставления источников, сличения воспоминаний очевидцев и показаний «мертвых документов» (IX, 385, 389, 390). Иными словами, поэт применил в своем исследовании метод внутренней критики исторических источников, прочно утвердившийся ныне в практике и теории источниковедения.

К оценке своей «Истории Пугачева» Пушкин подошел как взыскательный исследователь, отметив, что книга эта — плод добросовестного двухлетнего труда, но в то же время указывал и на ее несовершенства. Последние, судя по высказываниям поэта, выражались главным образом в том, что ему не удалось с необходимой полнотой осветить отдельные события Пугачевского движения из-за недоступности важнейших документальных источников (прежде всего протоколов следственных показаний Пугачева и его ближайших соратников), находившихся со времени восстания на секретном хранении в государственном архиве [д]. Кроме того, в предвидении вероятных цензорских замечаний Николая I Пушкин вынужден был ограничивать себя в освещении ряда политически острых

[д] Предисловие к «Истории Пугачева», «Замечания о бунте», письмо к А. Х. Бенкендорфу от 26 января 1835 г. (IX, 1, 374; XVI, 7—8). Речь идет о Государственном санкт-петербургском архиве старых дел.

вопросов кануна Пугачевского движения, самого его хода и непосредственных результатов (причины массовых выступлений крестьянства в поддержку Пугачева; социальные противоречия между простым народом и дворянством, с особой непримиримостью и обнаженностью выявившиеся в дни «Пугачевщины»; продиктованная восстанием необходимость преобразований в общественном строе и государственном управлении — проблемы, актуально созвучные и обстановке николаевской эпохи). Не затронув этих вопросов в книге, Пушкин свои наблюдения и суждения по ним изложил в рукописных «Замечаниях о бунте» (IX, 371—376), посланных Николаю I 26 января 1835 г. вместе с экземпляром «Истории Пугачевского бунта», вышедшей в свет в середине декабря 1834 г.

Десять лет назад вышла в свет монография об архивных разысканиях Пушкина, связанных с собиранием и изучением документальных источников для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» [c]. В последующие годы работа над этой темой была продолжена, в результате чего и появилась книга, предлагаемая вниманию читателя. В ней рассказывается о лицах, событиях и документах Пугачевской эпопеи, упоминаемых в пушкинских произведениях и в подготовительных материалах к ним; речь идет также и о лицах, с которыми беседовал Пушкин во время путешествия в Оренбургский край. В очерках, вошедших в книгу, использованы документы, выявленные в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Башкирской АССР (ЦГА БАССР) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а также в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Новые архивные источники содержат сведения, которые дополняют, а порой и уточняют сообщения Пушкина о деятелях и событиях Пугачевского движения.

Нашли в книге отражение и впечатления от поездок по памятным местам Крестьянской войны: в Оренбург, Бердскую слободу, бывшие приуральские крепости Татищеву, Нижне-Озерную, Рассыпную, в Уральск, где осенью 1833 г. побывал Пушкин. Спутником автора в большинст-

[c] *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). Л., 1969.

ве этих поездок был замечательный знаток археологии и истории Южного Урала научный сотрудник Оренбургского краеведческого музея Сергей Александрович Попов, которому выражается глубокая благодарность за увлекательные рассказы о памятниках пугачевского времени и об оренбургских собеседниках Пушкина, а особенно за указания на документы Оренбургского архива по теме книги. С большой признательностью вспоминает автор доцента Уральского педагогического института Александра Иосифовича Белого, ознакомившего с историческими реалиями Пугачевского восстания в Уральске и его округе, в бывших казачьих крепостях и форпостах. Благодарен автор и Инге Михайловне Гвоздиковой, научному сотруднику Башкирского филиала Академии наук СССР, сообщившей данные о документах по истории уральского казачества, хранящихся в Центральном государственном архиве Башкирской АССР в Уфе (ЦГА БАССР).

Глава 1

«В ГРУБЫХ, НО СИЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ...»

Слова, вынесенные в заглавие, взяты из того места главы «Пугачевщина» повести «Капитанская дочка», где Пушкин рассказывает о пугачевском указе, который был отобран у башкира-повстанца, схваченного у стен Белогорской крепости. Комендант крепости, капитан Иван Кузьмич Миронов, созвав офицеров, прочел «воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей» (VIII, 317).

Передавая содержание пугачевского послания в Белогорскую крепость, Пушкин опирался на подлинные тексты указов предводителя восстания, обнаруженные поэтом среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии, которые были получены им в феврале 1833 г. из архива Военного министерства. С большинства указов Пушкин снял копии, сохранившиеся в его «архивных» тетрадях [1]. При сопоставлении текстов устанавливается, что сконструированное Пушкиным пугачевское воззвание в Белогорскую крепость имеет некоторое сходство с первыми указами Пугачева, направленными 19 сентября 1773 г. к гарнизону Яицкого городка (так именовался при Пугачеве будущий Уральск) и 20 сентября к атаману, старшинам и казакам Илецкого городка (IX, 684—685, 681). Но все-таки ближе всего «белогорское» воззвание по содержанию и стилю к именному указу Пугачева, посланному 5 ноября 1773 г. в Оренбург, где самозванный «император Петр III», обращаясь к губернатору И. А. Рейнсдорпу, чиновникам губернской канцелярии и «всякого звания людям», призывал их: «Выдите вы из

града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем — и за то великий государь не прогневался, что вы учинили великую пальбу, и в этом великий государь прощает чиновных и солдат и казаков и всякого звания людей, а когда вы не выдите из града вон, да учините вы великую противность, то не будет вам от великого государя прощения; и власти великого создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас от нашея сильныя руки защитить не может» (IX, 686) [2]. Следует упомянуть, кстати, еще об одном совпадении пушкинского повествования с реальной исторической ситуацией: указ 5 ноября 1773 г. был составлен яицким казаком Иваном Яковлевичем Почиталиным, любимцем Пугачева и первым его секретарем, не весьма, правда, твердым в грамоте; и в «Капитанской дочке» пугачевское воззвание в Белогорскую крепость написано было «каким-нибудь полуграмотным казаком».

Документы повстанческого происхождения, и прежде всего воззвания Пугачева, наиболее полно отражающие социальные чаяния и требования восставших, не могли не привлечь внимания Пушкина. Собирая в 1833—1834 гг. материалы для «Истории Пугачева», он внес в свои «архивные» тетради до 20 копий указов Пугачева, предписаний его Военной коллегии и писем пугачевцев [3]. На страницах своих произведений Пушкин неоднократно упоминал указы Пугачева, отмечая их огромную роль в подъеме народа на восстание. Так, например, рассказывая в главе VIII «Истории Пугачева» о грандиозном размахе повстанческого движения на Правобережье Волги в июле-августе 1774 г., Пушкин прямо связывал это с повсеместным распространением манифестов Пугачева, которыми он «объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли» (IX, 68—69). По условиям времени и цензуры Пушкин не мог, разумеется, опубликовать собранные им документы повстанческого лагеря; ему удалось напечатать в примечаниях к «Истории Пугачева» лишь один документ подобного рода — послание Военной коллегии Пугачева к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (IX, 104).

Обратимся теперь к тем пугачевским документам, которые вызвали наибольший интерес у Пушкина.

«Удивительный образец народного красноречия...»

С середины августа 1773 г. в степных хуторах под Яицким городком втайне вызревал дерзкий политический заговор. Беглый донской казак Емельян Иванович Пугачев, самозванно присвоивший себе титул и имя «императора Петра Третьего», вел с группой единомышленников подготовку вооруженного выступления в защиту старинных казачьих вольностей и привилегий, попранных правительством Екатерины II и старшинской верхушкой Яицкого казачьего войска. Обсуждая вопросы, связанные с подготовкой выступления, Пугачев и радикально настроенные казаки рассчитывали в перспективе на поддержку крестьянства («черного народа»), участие которого значительно укрепило бы силы восстания, придав ему общую антикрепостническую направленность.

Восстание началось 17 сентября. В тот день, находясь на Толкачевом хуторе, вблизи Бударинского форпоста, Пугачев обнародовал свой первый именной указ, обращенный к яицким казакам.

На другой день, в среду 18 сентября, Пугачев с отрядом из трехсот казаков подошел к Яицкому городку, остановившись в трех верстах от него, за рекой Чаган. Комендант городка подполковник И. Д. Симонов выслал против пугачевцев премьер-майора С. Л. Наумова, в команде которого было до 500 казаков, 270 солдат, с двумя единорогами [а] и тремя 3-фунтовыми пушками [4]. В авангарде этой команды, как писал Пушкин в «Истории Пугачева», шли «двести казаков при капитане Крылове» [б]. Когда они сблизились с отрядом Пугачева, «к ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца, и потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город» (IX, 16).

Именной указ Пугачева казакам Яицкого войска от 17 сентября 1773 г. (по определениям Пушкина, «возму-

---

[а] Единорог — крупнокалиберная пушка с конической казенной частью (зарядной каморой).

[б] Командир 6-й легкой полевой команды капитан Андрей Прохорович Крылов, отец знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова.

тительное[в] письмо» и «первое возмутительное воззвание») сохранился до наших дней. Большой лист грубой серой бумаги, неровно обрезанный по краям; текст написан старательной и в то же время неуверенной рукой, человеком, не вполне овладевшим грамотой и не привыкшим еще к систематическому каждодневному письму,— таким увидел этот уникальный документ Пушкин, просматривая бумаги первой книги Секретной экспедиции Военной коллегии[5]. Текст указа гласил:

«Самодержавнаго императора, нашего великаго государя, Петра Федаровича Всеросийскаго и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежным царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы вашы, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Фе[до]ровичю, винныя были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебныим правиянтом.

Я, великий государь амператор, жалую вас, Петр Федаравич.

1773 году синтября 17 числа»[6].

Тотчас же по обнаружении этого указа Пушкин снял с него копию (IX, 680—681). Она сделана явно наспех, карандашом, некоторые слова переданы сокращенно, пятью-тремя начальными буквами, а то и одной. Эта импульсивная стремительность письма свидетельствует о том, что в тот момент Пушкин был в состоянии ажитации, в азарте, хорошо известном каждому исследователю, который, натолкнувшись в архиве на редкостный документ, сразу же спешит воспроизвести его в своей тетради, чтобы потом снова — и не один раз — возвратиться к архивному оригиналу. По цензурным соображениям Пушкин не мог привести текст указа в «Истории Пугачева», ограничившись лишь кратким упоминанием о нем в рассказе о первом приступе Пугачева к Яицкому город-

---

[в] Возмутительное, т. е. побуждающее к выступлению, к восстанию.

ку. Но зато в непредназначавшихся для печати «Замечаниях о бунте», посланных 26 января 1835 г. к Николаю I вместе с экземпляром «Истории Пугачевского бунта», Пушкин смог дать емкую и выразительную характеристику пугачевского указа: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации,* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, 371).

Пушкин не получил доступа к протоколам допросов Пугачева и его ближайших соратников, а потому и не мог знать ни обстоятельств происхождения пугачевского указа 17 сентября 1773 г., ни его автора (сам Емельян Иванович был, как известно, неграмотен). Материалы следствия говорят о том, что Пугачев с конца августа 1773 г., с первых встреч на Таловом умете с казаками-единомышленниками, был озабочен подысканием «письменного человека», который сумел бы, руководствуясь его советами, составить воззвание к яицким казакам, оформив его в виде именного указа от «великого государя Петра Федоровича». С этой целью он вместе с хозяином Талового умета Степаном Оболяевым (по прозвищу Еремина Курица) отправился 27 августа в старообрядческий монастырь, находившийся в Мечетной слободе у реки Иргиз, объявив ему, что поездка эта предпринята им потому, что «казаки в середу [г] приедут к ним и что-нибудь положут [д],— так вить это надобно написать, а у нас грамотея нет, так я хочу съездить в Верхней монастырь и там взять писаря,— так он покуда и станет всякия дела писать» [7]. Однако поездка в Мечетную слободу, едва не стоившая Пугачеву свободы, окончилась неудачей: «письменного человека» не нашли, а Оболяев был арестован монастырскими старцами.

Две недели спустя Пугачев, укрывавшийся в степном лагере у речки Усихи, отправил своих эмиссаров казаков Козьму Фофанова и Дмитрия Лысова в Яицкий городок, приказав им среди прочих поручений (вербовка новых сторонников, изготовление знамен, приобретение парадной казачьей одежды для «великого государя») прислать

[г] Ближайшая среда приходилась на 28 августа 1773 г.

[д] Положут, т. е. примут какое-то решение относительно выступления и признания Пугачева «Петром Третьим».

к нему «какова ни есть письменного человека», ибо «для переписывания набело писарь потребен»[8]. В Яицком городке посланцы Пугачева обратились к казаку Якову Филатьевичу Почиталину, чтобы он разыскал и отправил к «царю», «ежели можно, двоих, а нето · одного писаря для письма»[9]. Были на примете два таких казака-грамотея, Иван Мирошихин и Иван Герасимов, к которым и пошел Почиталин, но один из них был в отъезде, а другой отказался ехать на Усиху, сославшись на занятость «должностью»[10]. Почиталин вернулся ни с чем. Вечером в его дом (служивший местом тайных встреч сторонников Пугачева) пришли Козьма Фофанов, Василий Плотников, Тимофей Мясников, был тут с Яковом Почиталиным и его 19-летний сын Иван. Собравшиеся стали «разсуждать: ково бы послать им из грамотных людей» на Усиху. И тут неожиданно для всех Фофанов, обратившись к Якову Почиталину, сказал: «Да чем-де далеко-то ходить, да еще искать,— вот у тебя Иванушка — свой грамотей, пошлитка ево». Фофанова поддержали Мясников и Плотников: «И впрямь так, чево ж де тово лутче. Ну-тка, благословясь, с богом, посылай!» Яков Почиталин высказал сомнение относительно пригодности сына Ивана к должности писаря у «великого государя»: «Как-де ево послать? Он-де человек молодой, небывалой при таких делах. Где-де ему это исправить?» Но казаки возразили на это: «Вот-те-ка, пустяки какия! Как не исправит? Вить на нем взыскивать государь не будет,— знает, что он в таких делах небывалой. А он человек молодой, так лутче понатореет. А за ето-де, сам ты знаешь, он будет человек, и не будет оставлен». В пользу избрания Ивана Почиталина приводился и тот аргумент, что истинная цель его поездки на Усиху не получит огласки в Яицком городке и уж наверняка не будет известна начальству[11].

Яков Почиталин согласился наконец с доводами собеседников, решил отпустить сына Ивана к «государю», подумав, «что и вподлинну за ето государь ево не оставит, наградит и зделает человеком». Посылая сына, он дал ему «чистое свое родительское благословение» и велел «верно служить государю и все делать, что ни заставит, учиться добру и привыкать к делам», а притом дал ему «зипун новой зеленой з золотым позументом (который было сшил для оного своего сына), бешмет канаватной подержанной, кушак шелковой хорошей да шапку бархатную чорную, приказывая все оное вручить

государю, чтоб он изволил посить оное на здравие», и приказал: «Смотри жа, друг Иванушка, как ты придешь пред государя, так поклонись в землю, встань пред ним на колени, поцелуй руку, и называй его: „Ваше величество“» [12].

Вечером 15 сентября Иван Почиталин вместе с Мясниковым и Плотниковым выехали из Яицкого городка и, переночевав в степи, утром другого дня добрались до речки Усихи. Следуя по ее берегу, они вскоре подъехали к становищу, где у костра возле ветхой палатки, стоявшей под высоким осокорем, увидели Ивана Зарубина — Чику, Василия Коновалова, Идеркея Баймекова и еще трех или четырех знакомых казаков. Приехавших ввели в палатку и представили Пугачеву; об Иване Почиталине сказано было, что он — верный и знающий грамоту человек; а сам он, поклонившись, поднес в дар Пугачеву привезенные с собой казачьи одеяния. Пугачев сказал ему: «Благодарствую, я тебя не оставлю, и будь ты при мне секретарем»,— и пояснил: «Пиши, что я велю». Почиталин предупредил: «Я пишу худо». Но Пугачев успокоил его: «Письма будет мало, и человек-де ты молодой, еще выучисся» [13].

Вскоре после полудня на Усиху примчался верховой казак Степан Кожевников и поднял тревогу вестью о том, что из Яицкого городка выступила розыскная команда, которой велено найти и схватить «государя» и его сторонников. Пугачев тотчас скомандовал: «Казаки на кони!» и, оставив лагерь, бросился со своим отрядом на восток к Яику (так до 1775 г. называлась р. Урал), к хутору братьев Толкачевых. В пути, обратившись к Зарубину и Почиталину, Пугачев сказал: «Што едем мы к Толкачевым собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас письменнова ничего нету, штоб могли народу объявить»,— и распорядился: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко!» [14]. Тут же, прямо в степи, отряд стал на привал, а Почиталин, пристроившись на земле, приступил к составлению указа. Никакого предварительного собственного замысла к сочинению такого документа он, конечно, не имел. Ни в чем не мудрствуя, он лишь старательно и — в меру своего умения — связно изложил те идеи, которыми жили мятежные казаки в дни подготовки восстания.

Почиталину хорошо были известны предания о льготах, предоставленных Яицкому казачьему войску преж-

ними царями за службу, в частности предание о грамоте царя Михаила Федоровича, который пожаловал казаков «рекою Яиком с вершины и до устья, и впадающими в нее реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью безпошлинно, а также крестом и бородою» [15]. Присутствуя в доме своего отца на беседах казаков-заговорщиков, Иван Почиталин слышал их суждения относительно того, что все они готовы верно служить новоявленному «Петру Третьему», если он восстановит старинные казачьи вольности и привилегии: «Мы до последней капли крови верныя слуги и охотно его принимаем в свое Яицкое войско, лишь только бы он нас не покинул; а мы рады ему, великому государю, служить» [16]. Эти и другие известные ему положения и внес Почиталин в текст указа. Содержание его определялось, несомненно, и напутствием Пугачева, сказанным Почиталину. Указ «велел я написать в такой силе,— вспоминал при допросе Пугачев,— что государь Петр Третий принял царство и жалует реками, морями, лесами, крестом и бородою,— ибо сие для яицких казаков было надобно». Написав указ, Почиталин прочел его, и он «пондравился больно» как Пугачеву, так и казакам, и «все хвалили и говорили, што Почиталин гораст больно писать» [17].

К полуночи отряд Пугачева добрался до хутора Толкачевых, и туда вскоре собралось до сорока казаков с соседних хуторов и зимовий. Обратившись к ним, Пугачев сказал: «Слушайте, детушки, што будет читать Почиталин, и будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать». После того как Почиталин прочитал указ, Пугачев спросил казаков: «Хорошо ль? И вы слышали ль?» Все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали, и служить тебе готовы!» Пугачев вспоминал позднее, что при чтении указа «все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весьма прилежно» [18].

Пушкин с первого взгляда верно понял и оценил силу воздействия пугачевского воззвания на яицких казаков. Внимание к указу 16 сентября — один из примеров глубокого интереса Пушкина к документам повстанческого происхождения и к следственным показаниям пугачевцев — колоритным памятникам, запечатлевшим поэзию народного языка и идейные побуждения восставших. Интересно совпадение оценок указа 17 сентября у Пугачева (ему указ «пондравился больно») и у Пушкина

(он определил этот указ как «удивительный образец народного красноречия»).

Обнародование указа в форпостах и казачьих селениях по Яику дало возможность Пугачеву в течение двух дней 17—18 сентября собрать под свои знамена до 300 казаков, с которыми он смело пошел на приступ к Яицкому городку. К выступившей оттуда против пугачевцев воинской команде Пугачев послал со своим указом казака Петра Быкова. Подъехав к авангарду команды, Быков передал указ казачьему старшине Ивану Акутину со словами: «Вот-де вам указ от государя, прочтите всему миру» [19]. Но Акутин ответил: «У нас есть государыня, которой мы служим; а государь Петр Третий скончался, и на свете ево нет»,— и, несмотря на требования казаков, не стал читать указ, а передал его капитану Крылову [20]. Стоявший поблизости Яков Почиталин запомнил, что Крылов, прочитавши указ про себя и пряча его в карман, крикнул казакам: «Пропали вы, войско Яицкое!» [21].

Установлена и последующая судьба первого пугачевского указа. Комендант Яицкого городка И. Д. Симонов отправил указ в Оренбург губернатору И. А. Рейнсдорпу, а тот переслал его 7 октября 1773 г. в Петербург [22], где он со времен Екатерины II находился в полном забвении наряду со всеми делами о «внутреннем возмущении, происшедшим от донского казака Емельки Пугачева», преданными «вечному забвению и глубокому молчанию» [23]. Шестьдесят лет спустя, просматривая архивные бумаги Секретной экспедиции Военной коллегии, Пушкин обнаружил этот уникальный документ первых дней Крестьянской войны, вышедший из ставки Пугачева, упомянул о нем в своей книге, а в «Замечаниях о бунте» по достоинству оценил его выдающееся значение в зарождении повстанческого движения.

В продолжение шести с половиной месяцев, с первых дней восстания до битвы у Сакмарского городка (1.IV. 1774), Иван Почиталин был секретарем при Пугачеве, исполнял он эту должность и после того, как был назначен думным дьяком в Государственную военную коллегию восставших, учрежденную в ноябре 1773 г. в Бердской слободе под Оренбургом. Перу Почиталина принадлежат первое воззвание Пугачева и 11 последующих его именных указов и манифестов [24], он участвовал в составлении и подписал до полутора десятков распоряжений Военной коллегии [25]. И речь здесь идет лишь о

сохранившихся текстах посланий Пугачева и указов его Военной коллегии [26]; а Почиталин, как известно по свидетельствам источников, участвовал в составлении многих других документов повстанческого центра, которые не дошли до нас, будучи утрачены и в дни восстания, и в последующие годы [27]. Почиталин безотлучно находился при Пугачеве в походах к Оренбургу, под Верхне-Озерную крепость и к Бузулуку, при взятии прияицких крепостей, в битвах под Оренбургом, под Татищевой крепостью и у Сакмарского городка. Во время одной из поездок с Пугачевым в Яицкий городок Почиталин женился на дочери казака Семена Головачева. Расходы по свадьбе взял на себя Пугачев, он же исполнял роль посаженного отца у жениха. А когда сам Емельян Иванович вздумал жениться на 17-летней казачке Устинье Кузнецовой, то сватами к ее отцу послал Ивана Почиталина с Михаилом и Аксиньей Толкачевыми. На этой свадьбе, состоявшейся 1 февраля 1774 г. в Яицком городке, Почиталин был в числе почетных гостей со стороны жениха — «больших бояр».

В ближайшем окружении Пугачева было немало преданных ему людей, прошедших с ним до последней черты, до эшафота на Болотной площади. И даже из среды этих испытанных в верности соратников Пугачев особенно выделил юного Почиталина, одарив его истинно братской любовью, и, подчеркивая это, ласково звал его «Иванушка» или «Ванюшка». Сам Почиталин рассказывал на следствии, что Пугачев «любил меня потому, что [я был] из первых, сначала вступивших в его службу, и писал ему о вступлении на царство манифест» [28]. Но, кроме того, были и другие причины, определявшие характер отношения Пугачева к молодому казаку,— прежде всего незыблемая верность Почиталина. Она выдержала испытание в крайне драматичной ситуации для Пугачева, в момент смертельной для него опасности; ее удалось устранить благодаря Почиталину, который решительно отвел роковой удар. Событие это имело место в конце февраля 1774 г. Пугачев вместе с Иваном Почиталиным и полковником Дмитрием Лысовым возвращался из Каргалы в Бердскую слободу. В пути Пугачев стал укорять Лысова, что команда его безобразно своевольничает, разоряет не только помещичьи имения, но и крестьянские пожитки, сопротивляющихся тому крестьян избивает и даже убивает, а на самого Лысова поступают

жалобы от многих казаков «в побоях безвинно»[29]. Находившийся в крепком подпитии Лысов, разгорячившись, неожиданно вскинул копье и стальным острием его с силой ударил в бок Пугачева. Надетый под шубу панцырь спас его от тяжелой раны. Лысов снова занес было копье, но Почиталин, бросившись на Лысова, оттолкнул его, сшиб с лошади, не дал нанести нового удара[30].

Начало весны 1774 г.— время тяжелых военных неудач Пугачева. В битве 22 марта у Татищевой крепости его войско потерпело поражение от карательного корпуса генерала П. М. Голицына. 24 марта подполковник И. И. Михельсон разбил отряды атамана Ивана Зарубина под Уфой. Неделю спустя, 1 апреля, Пугачев снова вступил в сражение с войсками Голицына под Сакмарским городком и вновь потерпел сокрушительный разгром. Здесь в суматохе беспорядочного отступления Почиталин потерял своего коня и потому не смог догнать Пугачева; Иван укрылся в казачьем дворе, но на другой день был разыскан и арестован гусарами[31]. Пугачев, оторвавшись от погони, добрался с несколькими сотнями конных повстанцев до села Ташлы (в сотне верст от Сакмарского городка) и, остановившись здесь, вспоминал проигранную битву, сокрушаясь о потерянном войске и горюя о своих любимцах Иване Почиталине, Максиме Шигаеве, Андрее Витошнове и Максиме Горшкове, оставшихся в Сакмаре[32]. А тем временем Почиталина вместе с другими арестованными доставили в Оренбург и заключили в тюремный острог. Месяц спустя в Оренбург прибыла секретная следственная комиссия и с 8 мая приступила к допросам пленных пугачевцев. Одним из первых допрашивали Почиталина, который дал пространные показания о службе у Пугачева[33]. Один из следователей секретной комиссии, гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, допрашивавший Почиталина, оставил о нем такую характеристику: «Любимец Пугачева. Упражнялся хотя в глупых пасквилях, но считал за царя Пугачева от чистого сердца, и всюду следовал за ним. В убивстве людей не примечон[e] и имеет раскаяние, хотя и поздно. От роду ему с небольшим 20 лет»[34].

В ноябре 1774 г. Почиталина с группой других заключенных привезли в Москву, где в Тайной экспедиции Сената началось главное дознание по делу Пугачева и

---

[e] Не примечон, т. е. не уличен, не повинен.

его сподвижников. Месяц спустя открылся судебный процесс. 10 января 1775 г. Сенат обнародовал приговор, предварительно согласованный с Екатериной II. В отношении Ивана Почиталина и семерых его товарищей (Максим Горшков, Илья Ульянов, Василий Плотников, Денис Караваев, Григорий Закладнов, Канзафар Усаев, Астафий Долгополов) приговор гласил: «Высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу», а пятерым последним еще и «поставить знаки» — выжечь на лице каторжные клейма (IX, 189—190). Местом каторги был назначен Балтийский порт (Рогервик) [ж], о чем тогда же и сообщено сенатским указом генерал-губернатору Ревельской губернии фельдмаршалу П.-А. Гольштейн-Бекскому [35]. 10 января всех осужденных вывели на Болотную площадь, и тут Почиталин впервые после долгой разлуки и в последний уже раз увидел Пугачева и с ним Афанасия Перфильева, Максима Шигаева, Тимофея Падурова и Василия Торнова, которых палач готовил к смертной казни [з]. Вслед за их казнью палачи приступили к истязанию осужденных к каторжным работам. По окончании экзекуции их сразу же отправили из Москвы. Начальнику конвойной команды поручику А. Максутову было приказано везти колодников самым спешным порядком, не задерживаясь без крайней необходимости в пути, по маршруту Москва — Тверь — Новгород и, обходя Петербург стороной, через Нарву направиться в Ревель. К смотрителям почтовых станций по Петербургскому тракту были направлены ордера, предписывающие предоставлять поручику Максутову, следующему на 20 подводах с арестантами и конвойной командой, по первому его требованию, без каких-либо отговорок по 22 лошади на каждой станции [36].

Чрезвычайная спешность перевозки колодников была продиктована особой причиной: в те дни Екатерина II собиралась к отъезду со своим двором в Москву, а потому случайная дорожная встреча императрицы с партией каторжан-пугачевцев представлялась крайне нежелательной. Этого удалось избегнуть. 28 января Максутов доставил колодников в Ревель и сдал губернской канцелярии [37]. Здесь их отправку к месту каторги задержали

[ж] Ныне город Палдиски в Эстонии.

[з] К смертной казни был приговорен и Иван Зарубин, но его казнили позднее, 24 января 1775 г., в Уфе.

на два дня, что было связано со смертью и похоронами Закладнова и Плотникова [38]. Наконец, 31 января колодников привезли в Балтийский порт и поместили в каторжный каземат. Позднее, но в том же 1775 г. туда пригнали еще трех осужденных к каторжным работам пугачевцев: Емельяна Тюленева (2 июля), Салавата Юлаева и Юлая Азналина (19 ноября) [39]. Первое время каторжан использовали на строительных работах в морской гавани: они ломали на берегу камень-плитняк, отвозили его в гавань и укладывали на мол, но вскоре работа эта была оставлена из-за полной бесполезности, ибо в штормовую погоду море до основания размывало мол.

Прошло более 20 лет, 19 мая 1797 г. комендант Балтийского порта полковник Г. Экбаум составил список «каторжным невольникам», среди которых значатся шесть бывших пугачевцев: Иван Почиталин, Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Юлай Азналин, Емельян Тюленев и Астафий Долгополов, из них только первые трое признаны, по медицинскому освидетельствованию, здоровыми, а остальные дряхлы и больны [40]. Минуло еще пять с половиной лет, 16 декабря 1802 г. был составлен новый список каторжных, содержавшихся в Балтийском порту, где упомянут лишь один пугачевец — Канзафар Усаев [41]. Следовательно, на основании обоих списков можно утверждать, что Иван Почиталин и четверо других пугачевцев скончались в Балтийском порту между маем 1797 — декабрем 1802 г. [42]

Иван Яковлевич Почиталин занимает видное место на страницах истории Крестьянской войны как ближайший сподвижник Пугачева, автор первого именного указа, возвестившего начало восстания,— документа, который был высоко оценен Пушкиным как «удивительный образец народного красноречия» (IX, 371).

«Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича»

В августе 1832 — январе 1833 г. Пушкин внес в рабочие тетради планы повести о дворянине-пугачевце Шванвиче (VIII, 929, 930). Планы эти отражали начальную стадию развития замысла «Капитанской дочки» [43]. В то время Пушкину было известно единственное имевшееся в печати сообщение о Шванвиче: приговор Сената по делу Пугачева и его сподвижников под названием «Сентенция,

1775 года января 10.— О наказании смертной казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников», опубликованная в 20-м томе «Полного собрания законов Российской империи» [44]; полный комплект этого издания (45 томов) был получен Пушкиным от Николая I при письме шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа от 17 февраля 1832 г. (XV, 12). Восьмой пункт приговора, определивший меру наказания офицерам, служившим у Пугачева, открывался словами: «Подпоручика Михайла Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу» (IX, 190). Это судебное определение обходит молчанием конкретные деяния Шванвича в стане Пугачева. Но Пушкину, пытливо собиравшему сведения о Шванвиче — предполагавшемся герое «Капитанской дочки», удалось установить один из важнейших фактов его биографии. Встретившись в начале августа 1833 г. в Петербурге с Н. Свечиным [45] и слушая рассказы о Михаиле Шванвиче и его отце Александре Мартыновиче, Пушкин со слов рассказчика записал: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича» (IX, 498).

Это свидетельство не могло не напомнить Пушкину о том, что сам он, изучая бумаги четвертой книги Секретной экспедиции Военной коллегии (полученной из архива Военного министерства 29 марта 1833 г.) [46], прочел и законспектировал запись журнала Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа») относительно немецкого указа и двух других документов, подброшенных пугачевцами в сражении 20 декабря 1773 г. к стенам Оренбурга (IX, 527). В записи сообщалось: «При сем сражении и при переговорке здешних легких войск передано от злодея три соблазнительные листа, из коих первой на российском, другой на немецком диалекте, а третей, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находившихся в толпе его, намаранной и не изъявляющий никаких литер», которые «в орегинале под № 2-м при сем приобщаются» [47]. И действительно, за последней страницей журнала следуют приложенные к нему: указ Пугачева Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. [48], указ аналогичного содержания на немецком языке [49], «автограф» Пугачева — лист с рукописными упражне-

ниями неграмотного Емельяна Ивановича [50]. Пушкин не мог пройти мимо трех подлинных документов из стана Пугачева. С указа 17 декабря он снял для себя копию (IX, 687—688); заключительную часть «автографа» Пугачева, три последние строки, воспроизвел среди иллюстраций к «Истории Пугачева», снабдив надписью «Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева» (IX, 3-я иллюстрация после с. 154). «Немецкий» указ представлял для Пушкина наибольший интерес потому, что он свидетельствовал о нахождении в стане Пугачева высокообразованного человека, свободно владевшего немецким языком. Такого человека Пугачев не мог найти ни среди яицких казаков, ни среди заводских крестьян, из которых вышли виднейшие вожаки восстания. Составителем «немецкого» указа, вероятнее всего, был дворянин, вольно или невольно оказавшийся в лагере повстанцев. Несколько месяцев спустя после того, как Пушкин обнаружил «немецкий» указ, он из рассказа Н. Свечина узнал, что его составителем был Михаил Александрович Шванвич.

Указ написан уверенной рукой человека, свободно владевшего немецким языком и графикой старонемецкого готического письма; вот текст этого указа в переводе на русский язык:

«Нашему губернатору Рейнсдорпу.

Каждый наш верноподданный знает, каким образом злобные люди и недоброжелатели лишили нас по всем правам принадлежащего нам всероссийского престола. Но ныне всемогущий бог своими праведными помыслами и, услышав сердечные к нему молитвы, снова преклоняет к нашему престолу наших верноподданных, а злодеев, исполненных недоброжелательства, повергает к нашим монаршим ногам. Однако и ныне есть такие люди, которые, не желая признавать нас, не хотят выйти из мрака недоброжелательства и сопротивляются нашей высокой власти, и при том стремятся, как и прежде, ниспровергнуть наше блистательное имя, и наших подданных, верных сынов отечества, хотят сделать сиротами. Однако мы, по природной нашей склонности и любви к тем верноподданным, которые ныне, оставя заблуждение и злобу, будут чистосердечно и верноподданнически служить нашей высокой власти, будем милостиво отмечать и жаловать отеческой вольностью. А если кто не пожелает нас признавать и впредь будет оставаться в прежнем недобро-

желательстве и озлоблении, то таковые отступники, по данной нам от создателя высокой власти и силе, испытают на себе наш справедливый и неизбежный гнев. Обо всем этом и сообщается от нас во всеобщее сведение, дабы важность этого осознал каждый наш верноподданный. Декабрь 1773 года»[51].

Следственные показания Пугачева, его секретарей Максима Горшкова и Ивана Почиталина, а также и самого Шванвича дают возможность установить обстоятельства составления «немецкого» указа и посылки его в осажденный Оренбург. Пугачев рассказывал на следствии, что однажды он призвал к себе пленного офицера Шванвича и «приказал ему написать на немецком языке указ к оренбургскому губернатору в такой силе, чтоб он здался мне без супротивления и не морил бы людей в городе голодом. А Шванович, написав такой указ, принес ко мне, которой я, приняв от него, не смотря, отдал Почиталину, и велел запечатать и послать к губернатору»[52]. Более подробно освещен этот эпизод в показаниях Горшкова. Он вспоминал, что Пугачев, «призвав однажды меня к себе, говорил: „Я-де приказывал прислать к тебе атамана Швановича (офицер 2-го гранодерскаго полку). Как-де скоро он к тебе придет, так ты заставь его перевести последней мой указ, которой ты с Почиталиным писал[*], и принеси перевод ко мне“. А вскоре после того пришел ко мне в коллегию и оной Шванович, которому я, пересказав самозванцовы слова, дал тот указ. И Шванович переводил оной сперва начерно, а потом и набело переписал, которой я потом отнес к самозванцу. А самозванец отослал оной, как я после о том слышал, к оренбургскому господину губернатору. Черной же швановичев перевод куда девался,— я не знаю, и никогда не видывал»[53]. Так же примерно запомнилось это событие и Шванвичу: к нему был прислан от Пугачева казак и велел идти в Военную коллегию, «а как пришел, то секретарь... Горшков сказал: „До тебя-де есть дело“, и вынув указ тот, в котором в заглавии написано „Небезызвестно есть каждому“, говорил: „Батюшка-государь Петр Федорович велел тебе перевесть оной указ на немецкой язык“, которой я и перевел»[54]. Краткие упоминания о «немецком» указе имеются в протоколах допросов Почиталина[55] и члена повстанческой Военной коллегии Максима

---

[*] Речь идет об указе Пугачева от 17 декабря 1773 г.

Шигаева[56]. Шванвич написал беловик указа 19 декабря, накануне отправления его в Оренбург вместе с двумя другими пугачевскими посланиями («автограф» Пугачева и его указ от 17 декабря). Показания Пугачева сообщают любопытные подробности передачи «немецкого» указа в осажденный город. Операция эта была поручена казаку-повстанцу Ивану Солодовникову, который, «взяв письмо, повез и потом, возвратясь назад, сказал ему [Пугачеву], што письмо подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланной из города казак то письмо взял и поскакал в город»[57].

Рейнсдорп, получив три пугачевских послания, отправил их 24 декабря 1773 г. в Петербург в Военную коллегию[58]. Полученные из Оренбурга бумаги президент коллегии фельдмаршал З. Г. Чернышев доложил Екатерине II. Появление из лагеря пугачевцев документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу. Она и раньше склонна была считать, что восстание на юго-востоке империи было будто бы инспирировано либо зарубежной агентурой, либо оппозиционными деятелями из высшего дворянства. Несомненно, что «немецкий» указ Пугачева еще более усилил ошибочные представления Екатерины II относительно истинных причин восстания и его инициаторов. Именно поэтому императрица была крайне заинтересована в установлении личности человека, писавшего для Пугачева указ на немецком языке.

В наказе чиновникам секретной комиссии, отправленным в конце апреля 1774 г. для производства следствия над пугачевцами, захваченными в плен под Оренбургом, Екатерина II предписала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине»[59]. Прибыв в начале мая в Оренбург, секретная комиссия сосредоточила главное внимание на расследовании дел ближайших сподвижников Пугачева. На первом заседании комиссии, 8 мая 1774 г., были допрошены Горшков, Почиталин и Шигаев, которые — независимо друг от друга — показали, что «немецкий» указ Пугачева был написан Шванвичем[60]. 17 мая комиссией был допрошен и сам Шванвич, подробно осветивший историю своего пребывания в лагере Пугачева, признавшийся в составлении «немецкого» указа и заявивший в конце своих показаний, что

«в разсуждении так нещастного казусу, последовавшего со мною, прошу у милосердой государыни помилования»[61]. 21 мая секретная комиссия направила Екатерине II свой доклад о результатах дознания над видными пугачевцами, особо отметив там: «...что касается до немецкого письма от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го гренадерского полку подпоручик Шванович, бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейскую гренадерами, которого допрос в копии под литерою „Н" у сего подносится», и что «Пугачев не имеет, кажется, постороннего, а паче чюжестранного руководства и споспешествования»[62]. Эти известия до какой-то степени успокоили, видимо, Екатерину II, и она широко использовала их в переписке со своими зарубежными корреспондентами. В письме к Вольтеру, характеризуя Пугачева, Екатерина II отмечала: «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы он был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушениям. И надо полагать, что господин Пугачев — разбойник-хозяин, а не слуга»[63].

Важнейшими источниками для биографии Михаила Шванвича являются протокол его показаний на допросе в Оренбургской секретной комиссии[64], а также его послужной список, недавно обнаруженный в ЦГВИА[65]. Согласно последнему Михаил Шванвич родился в 1749 г. в мелкопоместной военно-служилой дворянской семье; отец его Александр Мартынович Шванвич имел во владении 36 крепостных мужского пола; Михаил Шванвич вступил в службу в 1765 г. капралом в Ингерманландский полк, зная к тому времени «грамоте писать поросийски, по-французски и по-немецки; также часть арифметики, танцовать, фихтовать и на манеже ездить». Из протокола допроса Шванвича видно, что он был крестником императрицы Елизаветы Петровны[66]. Находясь в рядах 1-й армии, Шванвич участвовал в войне с Турцией, в кампании 1771 г. был в боях у Негошты и Журжи, при взятии Бухареста[67]; некоторое время служил ординарцем у генерала Г. А. Потемкина. Осенью 1772 г. Шванвич был переведен на службу в Петербург прапорщиком 2-го гренадерского полка; 28 июня 1773 г. он был произведен в подпоручики, а 10 сентября того же

года послан с командой поручика А. Карташева в Симбирск для приема рекрутов и привода их в Петербург [68]. Находясь в пути, команда эта в конце октября была включена в состав корпуса карательных войск генерала В. А. Кара, направленного к Оренбургу против Пугачева. Следуя в авангарде корпуса Кара, команда Карташева 6 ноября 1773 г. была внезапно окружена и атакована повстанцами у деревни Юзеевой, в 100 верстах от Оренбурга. Большая часть солдат и Шванвич с тремя офицерами оказались в плену [к], и их вскоре пригнали в Бердскую слободу. Здесь Шванвича, как и других офицеров, ждала смертная казнь, но пленные солдаты заступились за него перед Пугачевым, заявив, что молодой офицер был добр и ласков к ним и они все просят сохранить ему жизнь. Приметив любовь и уважение солдат к Шванвичу, Пугачев не только простил его, но и оказал ему большую честь, назначив его вскоре есаулом полка пленных солдат, а потом и определив в свою Военную коллегию в качестве секретаря [69]. А произошло это, судя по показаниям Пугачева, следующим образом: однажды он встретил Шванвича и «зжалился по нем и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку, а потом спросил ево: „Умеешь ли ты по-немецки?". Шванович сказал: „Умею". Тогда Пугачев, вручив ему „бумаги лоскут, велел написать по-немецки". Шванвич написал и показал Пугачеву, а он, „взяв бумагу, хотя и ничего не смыслит, однакож дал знать, что он бутто читал, и потом сказал: „Хорошо пишешь. Так будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по иностранны случиться писать, ты пиши"» [70].

Это «испытание в грамоте» запомнилось и Шванвичу, он показал на следствии, что однажды «призвал меня Пугачев к себе и говорил: „Я-де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках". На то я сказал: „Умею, надёжа-государь". А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказывал написать внизу, указав место пальцом, по-швецки. Но как я не знал по-швецки, то написал по-немецки. А потом [он] говорил: „Напиши еще, какой ты знаешь язык?" То я написал ему и по-

---

[к] Командование долго не знало о судьбе Шванвича и, судя по его послужному списку от 3 марта 1774 г., все еще полагало его «командированным в город Синбирск для привозу в Санкт-Петербург рекрут», хотя к тому времени Шванвич уже почти четыре месяца находился в лагере Пугачева под Оренбургом.

французски (писал же сии слова: «Ваше величество Петр Третий»). А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: „Мастер“» [71].

Листок с рукописными упражнениями Шванвича сохранился среди документов Оренбургской секретной комиссии [72]. Внизу листка рукой Шванвича написано по-немецки: «Ihre Majestete, Peter der Dritte» [л], и по-французски: «Votre Majeste, Pierre le Grande» [м]. Вверху листка, непосредственно над словами, написанными Шванвичем, рукой Пугачева начертаны те самые знаки, которые он выдавал за иностранную скоропись. Свой «текст» неграмотный Пугачев написал некоторое время спустя после упражнений Шванвича. Двойной автограф Пугачева и Шванвича был обнаружен вместе с двумя другими «автографами» Емельяна Ивановича в Бердской слободе, в доме казака Ситникова, где в ноябре 1773 — марте 1774 г. квартировал предводитель Крестьянской войны [73].

Вскоре после того, как Шванвич был «проэкзаменован» Пугачевым в знании иностранной грамоты, он и составил «немецкий» указ к Рейнсдорпу. В показаниях на следствии Шванвич признался также и в том, что по просьбе Почиталина составил для него русскую азбуку, «потому что он худо грамоте знает», а для повытчиков Военной коллегии — французскую азбуку; кроме того, он переводил на русский язык перехваченную повстанцами французскую и немецкую корреспонденцию [74] и, в частности, письмо генерала П. М. Голицына к Рейнсдорпу.

В январе 1774 г. Пугачев произвел Шванвича в атаманы, назначив командиром полка пленных солдат. И хотя Пугачев и отзывался о Шванвиче, что тот «служил ему охотно, бывал на сражениях под Оренбургом» [75], но в действительности он служил с неохотой, а по большей части уклонялся от службы и, сказавшись больным, большую часть времени укрывался в земляной бане, «лежал тамо день и ночь со свечкой месяца два слишком» [76]. Это показание Шванвича подтверждается свидетельствами лиц, знавших его по совместному невольному житью

[л] «Ваше величество, Петр Третий».

[м] «Ваше величество, Петр Великий». Обе надписи обведены справа круглой скобкой и сопровождены пометой секретаря секретной комиссии С. З. Зряхова: «Оное писал подпоручик Шванович, о чем и в допросе его показано».

в Бердском лагере Пугачева. Поручик Лев Черкасов в рапорте Рейнсдорпу от 27 марта 1774 г. писал, что Шванвич, будучи в плену у пугачевцев, «хотя должность и нес есаульскую, а напоследок атаманскую, только всегда удалялся от нее, и по большей части имел себя больным, и лежал в земляной бане, где и никакова свету не было» [77]. А илецкий казак Леонтий Творогов показал на следствии, что, находясь в Бердской слободе, он «прихаживал к есаулу Швановичу (которой тогда был болен) и советовали с ним о побеге. Но Шванович сказывал, что я теперь еще не могу. А как выздоровеем, то и уйдем в Оренбург» [78].

Побег в Оренбург Шванвич совершил 23 марта 1774 г., когда Пугачев, потерпевший накануне поражение в битве у Татищевой крепости, выводил свое войско из Бердской слободы, надеясь прорваться к Яицкому городку. В Оренбурге Шванвич явился в губернскую канцелярию к Рейнсдорпу, где дал показание о пребывании у Пугачева, был приведен к присяге, а потом отправлен в комендантскую канцелярию. 31 марта в Оренбург вступили войска генерала П. М. Голицына, в составе которых был и 2-й гренадерский полк. Шванвич явился к командиру полка полковнику В. В. Долгорукову, которым тотчас же был взят под арест. 17 мая Шванвич предстал перед следователями секретной комиссии. Он понимал, что его ставкой на жизнь может быть только откровенное признание и полное раскаяние. Шванвич не пытался скрыть своих деяний в стане Пугачева, его ответы в основном не расходятся со свидетельствами пленных вожаков восстания. Он откровенно признался, что истинной причиной его перехода на сторону Пугачева был страх за жизнь: «Служил у него из страху, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо если бы меня поймали, то повесили» [79].

Следователи разошлись во мнениях при выборе меры наказания Шванвичу. Склонен был к снисхождению чиновник секретной комиссии гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, писавший о Шванвиче, что он «взят неволей [в плен к Пугачеву], явился сам, и притом не из числа мудрецов. Мнитца, что простить можно». На иной позиции стоял начальник секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин, полагавший, что хотя Шванвич по характеру его «прост и шал» и служил Пугачеву по принуждению, но как офицер, изменивший присяге, он подлежит суровому осуждению [80].

Но судьба Шванвича решалась в Москве, где в ноябре 1774 г. в Тайной экспедиции производилось следствие над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками, а в конце декабря открылся судебный процесс. Сенат приговорил Шванвича к лишению чинов, дворянства и к пожизненной ссылке в Сибирь. 10 января 1775 г. на Болотной площади казнили пятерых осужденных во главе с Пугачевым, подвергли экзекуции и клеймению приговоренных к каторге, а над Шванвичем был произведен обряд гражданской казни. Сразу же после того он был отправлен под конвоем в Тобольск. Конвойный офицер вез сенатский указ к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, предписывающий ему назначить место ссылки Шванвичу, где бы тот содержался «с возможною осторожностию, дабы иногда не сделал утечки» [81]. 31 января Чичерин сообщил Сенату, что Шванвич отправлен в ссылку в Сургут, а одновременно просил указаний о кормовом довольствии ссыльного [82]. Стоящий на правом берегу Оби острог Сургут, затерянный среди глухой тайги и гиблых болот, в 800 верстах от Тобольска, был по каким-то причинам признан Сенатом непригодным местом для ссылки Шванвича, а потому и было решено сослать его подалее, в заполярную Мангазею [н], «в такой город, откуда уйти не может», что же касается пропитания ссыльного, то «никакой из казны выдачи производить не следует..., а дать ему свободу питаться своею работою», о чем и был послан 17 марта указ к Чичерину. Получив этот указ, Чичерин 21 мая 1775 г. рапортовал Сенату, что он дал распоряжение об отправлении Шванвича из Сургута «до Томска, оттуда в Енисейск, а из сего места и в Мангазею» [83].

Прошло 25 лет, и в самом начале XIX в. имя ссыльного Шванвича вновь появилось на бумагах столичных канцелярий. В марте 1801 г. на престол вступил Александр I, начался период некоторых преобразований государственного управления. Была упразднена Тайная экспедиция Сената. Для пересмотра участи лиц, осужденных по решениям Тайной экспедиции, в 1801 г. была создана Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел, начавшая свою деятельность со сбора ведомостей о каторжных, ссыльных, тюремных и монастырских арес-

---

[н] Точнее, в Новую Мангазею, известную более как Туруханск — острог в низовьях Енисея, в двух тысячах верст от Тобольска.

тантах. В ведомости, присланной в комиссию из Сибирской губернии, значились находившиеся в Туруханске ссыльные, а среди них Михаил Шванвич вместе с двумя другими пугачевцами — яицким казаком Семеном Толкачевым и сибирским крестьянином Степаном Арзамасцовым [84]. По поводу всех ссыльных пугачевцев комиссия 18 апреля 1802 г. подала Александру I доклад, высказав мнение о желательности оставить этих ссыльных в прежнем положении, без какого-либо облегчения участи. Согласившись с мнением комиссии, Александр I утвердил доклад, распорядившись: «Быть по сему» [85]. «Либеральный» курс правления Александра I не коснулся судьбы ссыльных пугачевцев. В ноябре 1802 г. Михаил Шванвич скончался и был погребен в Туруханске [86].

Следственное дело по процессу Пугачева, содержащее показания о пребывании Шванвича в лагере повстанцев, находилось в 1830-х годах на секретном хранении, а потому Пушкин и не мог получить доступа к этому делу: «...к сожалению я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения»,— писал поэт в «Замечаниях о бунте» (IX, 374). Этой полупросьбой, обращенной к Николаю I, Пушкин пытался получить доступ к засекреченным документам. Не знал Пушкин и об архивных документах, касающихся сибирской ссылки Шванвича. Но тем не менее отдельные биографические данные о Шванвиче попали в 1834—1836 гг. к Пушкину. Работая в конце 1834 г. над текстом «Замечаний о бунте» [87], он вносит в него новый рассказ об Александре Мартыновиче Шванвиче и его сыне Михаиле, рассказ, записанный со слов какого-то петербургского знакомого, возможно, со слов того же Н. Свечина, а может быть и других лиц, знавших родных племянников Михаила Шванвича, отставных гвардейских офицеров Дмитрия Николаевича и Сергея Николаевича Шванвичей, живших в то время в Петербурге [88]. Рассказ посвящен преимущественно похождениям Александра Мартыновича Шванвича, его столкновениям в молодые годы с Алексеем Григорьевичем Орловым. Что же касается Михаила Шванвича, о нем сообщается, что он, находясь «в команде Чернышева °, имел малодушие пристать к Пугачеву и

° Фактическая неточность. В действительности Шванвич был взят в плен повстанцами 6 ноября 1773 г., а карательная команда полковника П. М. Чернышева попала в плен неделю спустя, 13 ноября.

глупость служить ему со всеусердием. Г[раф] А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора [п]» (IX, 479—480). В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского главного архива Министерства иностранных дел рукописи «Пугачевского» портфеля академика Г.-Ф. Миллера, а среди них записки оренбургского священника И. С. Полянского «История о происхождении самозванца Пугачева» [89]. В записках сообщалось, что захваченный в плен повстанцами подпоручик Шванвич верно служил Пугачеву, «так что не только русские, но и немецкие в Оренбург присылал на Емелькино имя с большим титулом письма и манифесты» (IX, 594). И, наконец, в 1836 г. в руки Пушкина попали записки современника Крестьянской войны полковника М. Н. Пекарского [90], где наряду с достоверным известием о службе Шванвича «письмоводителем» у Пугачева сообщались явно вымышленные известия о том, что Шванвич будто бы сделал донос на пленных офицеров, которые «согласились, найдя удобный случай, Пугачева убить», за что доносчик и был произведен в полковники, а потом, когда Шванвич добровольно явился в Оренбург, солдаты изобличили его в преступлении, за что он и был «сослан в каторжную работу» (IX, 606), чего, как известно, в действительности не было.

Собранные Пушкиным биографические данные о Михаиле Шванвиче и других офицерах, сотрудничавших с Пугачевым (капитан И. Башарин, подпоручик Ф. Минеев и др.), послужили реальным историческим материалом для создания образов героев «Капитанской дочки» — поручика Алексея Швабрина и прапорщика Петра Гринева.

«Секретари Пугачева не остались в долгу...»

Разбирая архивные бумаги Секретной экспедиции Военной коллегии, Пушкин натолкнулся на любопытный документ — бранное послание пугачевцев в осажденный Оренбург, адресованное губернатору Рейнсдорпу [91].

[п] Никаких документов, свидетельствующих о заступничестве А. Г. Орлова за М. А. Шванвича, не имеется. К тому же во время следствия и суда над Шванвичем Орлова не было в России, он находился в командировке в Италии, откуда возвратился лишь в феврале 1775 г.

Этот документ стал композиционной основой рассказа, помещенного Пушкиным среди примечаний к четвертой главе «Истории Пугачева» (IX, 103—104).

...Шел февраль 1774 г., пятый месяц оренбургской осады, в блокированном пугачевцами городе наступил голод. Войска генерал-аншефа А. И. Бибикова, посланные к Оренбургу, медленно продвигались вперед, преодолевая упорное сопротивление авангардных отрядов пугачевцев. Рейнсдорп «ежечасно ожидал прибытия нового войска, и не получал о нем никакого известия, будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха» — так обрисовал Пушкин обстановку, сложившуюся в осажденном Оренбурге, а далее поведал об одной «военной хитрости» Рейнсдорпа: «...вздумал он, по совету Тимашева, расставить капканы около вала, и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военною хитростию, хотя им было не до смеха» (IX, 36). Последний текст опирается на показания очевидца оренбургской осады поэта И. А. Крылова, рассказ которого Пушкин записал в апреле 1833 г. (IX, 492).

Однако основным источником при описании этого происшествия послужила «Хроника» П. И. Рычкова, опубликованная Пушкиным в приложениях к «Истории Пугачева». «По совету г. советника Тимашева, для поимки злодеев поставлено сего числа (12 февраля 1774 г.— *Р. О.*) за городом в разных местах 27 капканов (машинки железные, коими в здешней стороне обыкновенно ловят волков, лисиц, бобров и других зверей), в том намерении, чтобы выехав за город яицким казакам заманить злодеев на сие место, и когда оным инструментом под кем из них уязвлена и подшиблена будет лошадь, чтоб, наскакав, подхватить его было удобнее. Сия выдумка хотя и казалась некоторым нужною и полезною, однако не только никакой пользы и успеха от того не произошло, но и оные капканы, как после слышно было, кроме немногих, неведомыми людьми раскрадены, а злодеи, узнав, прямо делали разные о сей выдумке насмешки».

Рассказывая о дальнейшем развитии событий, Пушкин писал: «Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца, он

А. С. ПУШКИН

Е. И. ПУГАЧЕВ

Гравюра, приложенная к пушкинской «Истории Пугачевского бунта». СПб., 1834

Самодержавнаго амиператора нашего
великаго государя Петра Федаровича
Всеросиискаго.

Iмпрaтор Iмпрaтор Iмпрaтор

Во имянном моем указе изображено
Яицкому войску как вы други мои
прежним царям служили до капли
своей до крови дяды и отцы ваши
так и вы послужити за свое отече-
ство мне великому государю ампера-
тору Петру Федаравичу когда вы
устоити за свое отечество и ни истечет
ваша слава казачья от ныне и до веку
и у детей ваших будити мною великим
государем жалованы казаки и калмыки
и татары и которые мне государю им-
ператорскому величеству Петру Федаравичу
винны были и я государь Петр Феда-
равич во всех винах прощаю и жалоаю
я вас рекою с вершин и до устья
и землею и травами и денежным жалова-
ньем и свинцом и порахам и хлебным
провиантом я великий государь ампера-
тор жалую вас Петр Федаравич.

1773 году сентября 17 числа

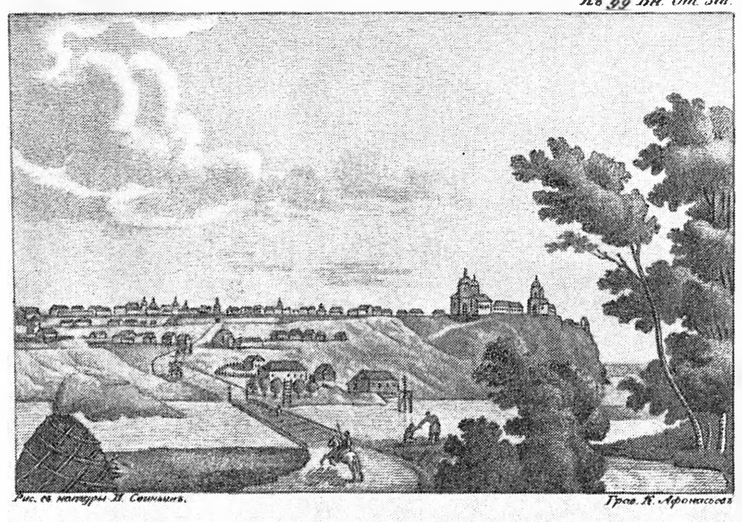
Именной указ Пугачева казакам Яицкого войска от 17 сентября 1773 г.

An Unseren Gouvernant Reinsdorff

Ein jeder Unser treuer Unterthan weiß daß
wie WIR von boshaften Leuten und von
Neidhart, all-russischen und noch allem Rechten
und gebotenen Tron, verloren haben; aber anjetzo
der allmächtiger Gott nach seiner gerechten Schickung
und in dem die herzliche zu Ihm Gebeten von
Unseren treuen Unterthanen hörte; Unser
Scepter uns wieder gabet, und die Mißthäter
die voll Neidhart sind Unseren monarchischen Füßen
unterwirft; aber auch jetzo sogar etliche, die
sich nicht bekennen, und aus Hartnäckigkeit der
Neidhart nicht aus kommen wollen; und Unseren
hohen Macht sich widersetzen, und dabey einen
blinden Schwarm so als ein Schaden anstiften
und Unseren Unterthanen, die russische Söhne des
Vaterlandes so als wie die jungen Knaben
zu Waisen bringen wollend; allein WIR
nach Unserer gebührtigen zu treuen Unterthanen
Sanftmuth und Liebe: wer auch anjetzo aus Furcht
der Bosheit wieder aus=kommen, und
Unseren hohen Macht herzlich gehorsam und
treue unterthänigst dienen wird; den jenigen
gnädigst verzeihen! und über das väterliche
Freyheit versprechen. Und wenn wer das
nicht annehmen will, und noch in solcher
Mißthat und Bosheit verbleiben wird; und
den allmächtigen Schöpfer Uns gegebenen
hohen Macht und Gewalt nicht gehorsam
wird, so werden die jenigen Unseren ge-
rechten und unendlichen Zorn auf sich fallen
und darum ist das von Uns in ganze
Public gestellt, in dem sich ein jeder treuer
Unterthan wesentlich bekennet.

19mo 1773.
decembre data.

Именной указ Пугачева Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г.
(на нем. яз.)

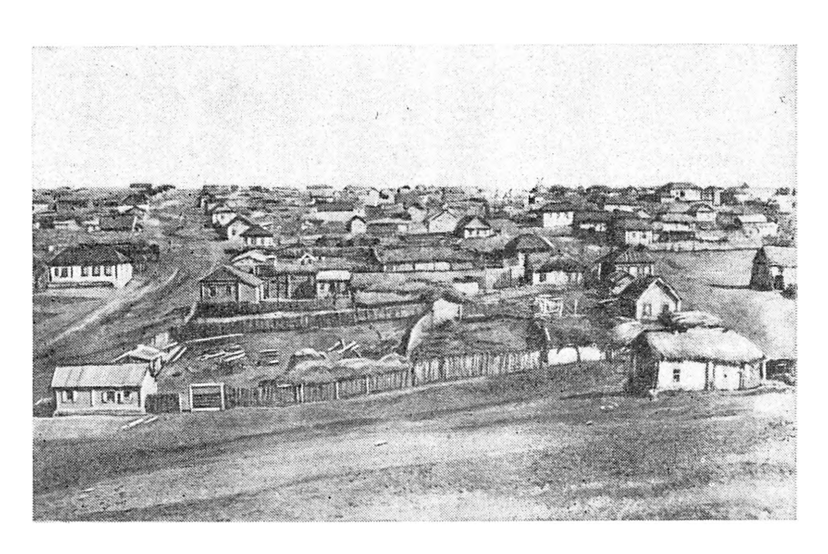

Вид на город Оренбург с левого берега р. Урал. Гравюра по рис. П. П. Свиньина

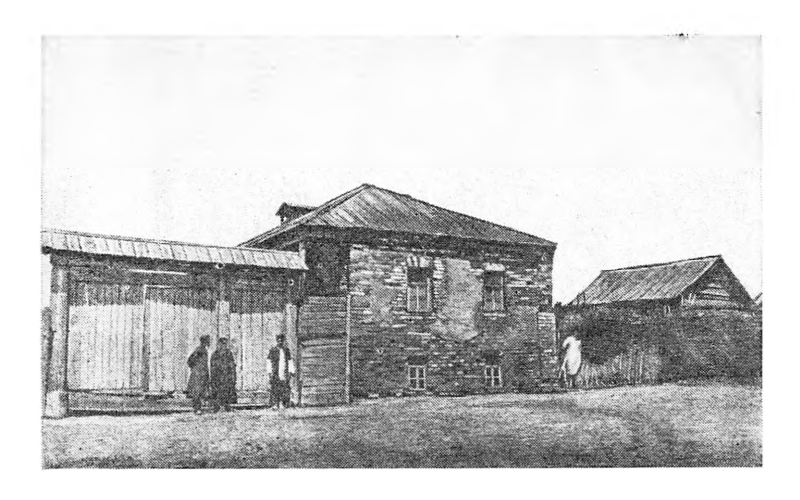
Георгиевская церковь в Форштате (предместье Оренбурга), с колокольни которой пугачевская артиллерия обстреливала город в ноябре 1773 г.

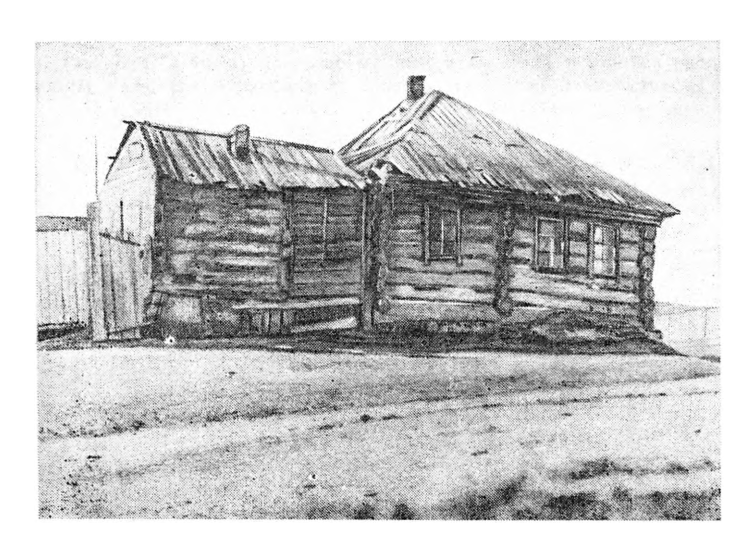
Дом Смолиных в Бердской слободе, на месте которого стояла изба казака К. Е. Ситникова — «государев дворец» Пугачева в ноябре 1773 — марте 1774 г.

Село Нижне-Озерное, бывшая Нижне-Озерная казачья станица, которую 20 сентября 1833 г. посетил Пушкин

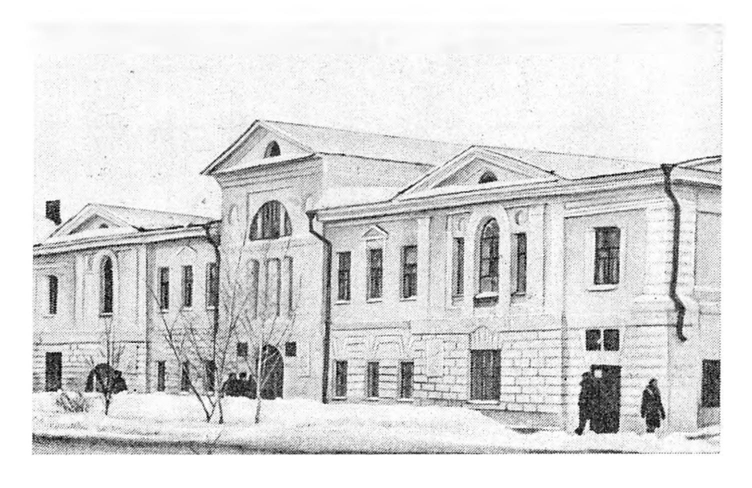

Дом атамана повстанцев М. П. Толкачева в Яицком городке (ныне г. Уральск), где останавливался Пугачев, приезжая из-под Оренбурга

Дом в Яицком городке (ныне г. Уральск), принадлежавший родственникам Устиньи Кузнецовой — второй жены Пугачева

Собор архангела Михаила в Яицком городке (ныне г. Уральск) — цитадель внутренней городской крепости, осаждаемой отрядами Пугачева в январе — апреле 1774 г.

Дом наказных атаманов Уральского казачьего войска в г. Уральске, где у атамана В. О. Покатилова останавливался Пушкин 21—23 сентября 1833 г.

послал ему письмо, со следующею надписью: *Пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву*» (IX, 103—104). О письме-увещевании Рейнсдорпа от 7 февраля 1774 г. Пушкин знал из словаря Д. Н. Бантыша-Каменского[92], а его подлинник он нашел среди документов четвертой книги Секретной экспедиции Военной коллегии[93]. Сохранился сделанный им краткий конспект этого документа: «Рейнсдорпа *Увещание.* Придите в раскаяние, посылаются вам 2 манифеста, один на русск[ом], другой на башк[ирском]. Вы можете получить снисхождение *понеже продерзость ваша приписана быть может невежеству вашему* — погибель ожидает вас как в сем, тако и в будущем свете, ибо не думайте *угонзнуть*[р] от праведного и проч. Декабря[с] 7. 1774» (IX, 454).

Маловыразительный, канцелярски тяжелый язык этого послания подтверждает наблюдение Пушкина, приведенное в «Замечаниях о бунте», что «объявления, или *публикации*, Рейнсдорпа» не оказывали заметного воздействия на простой народ, ибо они «были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, 371). Увещевание Рейнсдорпа было замечено Пушкиным.

Минуло более двух недель с момента отправки письма-увещевания Рейнсдорпа в лагерь восставших и наконец 23 февраля 1774 г. (на другой день по возвращении Пугачева из Яицкого городка в Бердскую слободу) пугачевцы подбросили к стенам Оренбурга ответное послание Рейнсдорпу. В тот день, как вспоминал Рычков, близко к городу подъехали конные пугачевцы и, остановившись, «повесили на палке мешочек с письмами», среди которых и оказалось письмо, полное «выражений, с угрозами губернатору, ежели город в их руки не будет отдан» (IX, 311—312).

Оскорбительным для Рейнсдорпа было не только содержание пугачевского послания, но и то, что оно было написано на незаполненной половине листа письма-увещевания Рейнсдорпа. В таком виде оба документа были подброшены к стенам Оренбурга. Что же касается содержания письма повстанцев, то, как заметил Пушкин, «секретари Пугачева не остались в долгу» (IX, 104) и

р Угонзнуть — избегнуть, скрыться.
с Описка; нужно: февраля.

достойно ответили Рейнсдорпу. В журнале Оренбургской губернской канцелярии записано, что пугачевцы «не только на то увещевание не склонились, но с большим ругательством оное возвратили» [94]. Пугачевское послание Рейнсдорпу Пушкин воспроизвел полностью (IX, 104):

«Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну.

Прескверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, не ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник, известно, да и по всему тебе, бестии, знать должно, сколь ты не опробовал своево всескверного щастия, однако сщастия ваше служит единому твоему отцу,— сатане. Разумей, бестия, хотя ты, по действу сатанину, во многих местах капканы и раставил, однако ваши труды остаются вотще. А на тебя здеся, хотя варовенных не станет петель [т], а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальник [у] [возьмем] да на тебя веревку свить можем. Не сумневайся ты, мошенник, из б..... зделан.

Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесной, во всех армиях на один день бывает, а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советываем, оставя свое зловредие, притти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху. Егда придешь в покорение, сколь бы твоих озлоблений не было, но только во всех извинениях всемилостивейший прощает, да и сверх того, вас прежнего достоинства не лишит. А здесь небезызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете.

И тако, объявя вам сие, да и пребудем, по склонности вашей, ко услугам готовы.

Февраля 23 дня 1774 году» [95].

Надо полагать, Рейнсдорп был взбешен и, ища сочувствия, отправил оригинал пугачевского послания [96] в Военную коллегию, а копию с него — в Сенат [97], не подумав о том, что скорее действия самого губернатора, описанные в этом документе, достойны осуждения и осмеяния. Уж, во всяком случае, Пушкин-то по достоинству оценил едкое остроумие и красочность послания пугачевцев и широко обнародовал его. К оценке этого

[т] Варовенная петля — петля, сделанная из просмоленной пеньковой веревки.

[у] Мочальник — липовый луб, сырье для изготовления мочальных веревок.

уникального документа вполне приложимо определение «удивительный образец народного красноречия», определение, данное Пушкиным первому воззванию Пугачева от 17 сентября 1773 г. к яицким казакам (IX, 371).

Кто был автором пугачевского послания Рейнсдорпу от 23 февраля 1774 г.? Пушкин дважды указал на оренбургского казачьего сотника Тимофея Ивановича Падурова — полковника пугачевского войска. В четвертой главе «Истории Пугачева» Пушкин писал: «Падуров, в одном из своих писем, язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу» (IX, 36), а в примечании к этому месту предварил публикацию пугачевского послания Рейнсдорпу словами: «Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога» (IX, 104). Свидетельство об авторстве Падурова Пушкин нашел в рукописи биографической статьи Д. Н. Бантыша-Каменского, где сообщалось, что Падуров «писал от самозванца грозные воззвания к оренбургскому губернатору господину Рейнсдорпу» [98]. Теперь установлено, что воззвания — именные указы Пугачева Рейнсдорпу — составлялись пугачевскими секретарями Почиталиным и Горшковым (и однажды подпоручиком Шванвичем). Что же касается послания к Рейнсдорпу от 23 февраля, то почерковедческой экспертизой (сопоставлением графики этого документа с автографами писем Падурова [99]) установлено, что оно не принадлежит руке Падурова.

Вопрос об авторстве послания пытались выяснить следователи Оренбургской секретной комиссии. На заседании 8 мая 1774 г., где, кстати говоря, присутствовал и Рейнсдорп, следователи, допрашивая Ивана Почиталина, спросили его, кто писал письмо к оренбургскому губернатору. Почиталин ответил, что писал его секретарь Военной коллегии Максим Горшков [100]. На повторный вопрос следователей и Рейнсдорпа, уяснив, что речь идет о послании от 23 февраля, Почиталин сказал, что документ этот писали «бывшия в Военной коллегии повытчиками Супонев [101] и Пастаханов [102], а не Горшков, на которого выше сего в допросе показывал я ошибкою» [103].

Следует заметить, однако, что рукописная графика пугачевского послания от 23 февраля 1774 г. не имеет сходства с известными почерками И. Пустаханова и С. Супонина. Это не означает того, что они не участвовали в составлении послания. Надо полагать, что этот

документ был создан в результате коллективного творчества Пустаханова, Супонина и других лиц повстанческой Военной коллегии (не исключается также соавторство Горшкова и Падурова). Предварительные наброски и заметки были, видимо, сведены в единый документ, который был отослан Рейнсдорпу [104].

Остается ответить на еще один вопрос: как удалось Пушкину, несмотря на цензуру, опубликовать в своей книге пугачевское послание к Рейнсдорпу — замечательный памятник народной сатирической публицистики? Пушкин представил Николаю I рукопись основного текста книги (главы I—VIII). Она была просмотрена и отцензурована царем в течение декабря 1833 — начала марта 1834 г. Что же касается рукописи примечаний к этим главам, где было помещено пугачевское послание Рейнсдорпу, то они к Николаю I не посылались, над примечаниями Пушкин продолжал работать до конца июля 1834 г., когда уже шло печатание книги [105]. 26 июля он писал жене: «Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания» (XV, 182). Избегнув благодаря сложившейся ситуации цензурного контроля и — как его следствия — изъятия, пугачевское послание Рейнсдорпу смогло появиться в печати.

Глава II

В МЯТЕЖНОЙ БЕРДСКОЙ СЛОБОДЕ

В семи верстах к северо-востоку от Оренбурга на угористом берегу Сакмары-реки стоит старинное казачье селение Бердская слобода (Берда) — место, памятное по отечественной истории и литературе. Пушкин, рассказывая о происходивших тут событиях Пугачевского восстания, назвал Берду мятежной слободой [a]. Здесь с ноября 1773 по март 1774 г. располагалась главная ставка Емельяна Пугачева. Отсюда водил он свои отряды на приступы к осажденному Оренбургу, а его атаманы отправлялись в дальние походы к Уфе и Самаре, Челябинску и Гурьеву,

[a] «Мятежная слобода» — так называется глава одиннадцатая пушкинской повести «Капитанская дочка», где рассказывается о встрече прапорщика Гринева с Пугачевым в Бердской слободе.

Кунгуру и Казани. В Бердской слободе действовала Военная коллегия восставших, отсюда рассылались пугачевские манифесты, сулившие трудовому народу вечную волю и землю. Название «мятежной» Бердская слобода заслужила и потому, что подавляющее число бердских казаков верно служили Пугачеву. Очевидец восстания известный ученый П. И. Рычков писал, что «тутошние все были ему [Пугачеву] приклонны» [1].

В те времена пугачевская столица Берда насчитывала всего лишь до сотни дворов с таким же числом казачьих семей в них. Защищенная с запада рекой Сакмарой, а с юга, со стороны Оренбурга, огромным буераком, слобода обнесена была обветшалым бревенчатым тыном и рогатками, а на углах крепости и в проезжих ее воротах стояли пушки [2].

19 сентября 1833 г., 60 лет спустя после начала Крестьянской войны, в Бердскую слободу приезжал Пушкин, слушал рассказы стариков, знавших Пугачева, предания и песни о нем, сохранившиеся в памяти потомков участников восстания, осматривал места былых укреплений и боев. Материалы о Пугачевском восстании, собранные поэтом во время путешествия в Поволжье и Оренбургский край и, в частности, при посещении Бердской слободы (записи, сделанные на отдельных листах и в дорожной записной книжке), опубликованы во второй книге девятого тома Большого академического издания Сочинений Пушкина (IX, 492—497). Среди этих материалов напечатана заметка, внесенная Пушкиным в записную книжку при посещении Бердской слободы, где упомянут казак, в доме которого в свое время квартировал Пугачев (IX, 493).

Публикация этой заметки в печати имеет свою историю. Впервые ее напечатал профессор П. О. Морозов в 1903 г. в таком виде: «В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова» [3]. Четверть века спустя известный пушкинист Л. Б. Модзалевский опубликовал этот текст в несколько ином чтении, переделав имя Ситникова с «Константина» на «Кондратия» [4]; также он был воспроизведен им и в сборнике «Рукою Пушкина», вышедшем в свет в 1935 г.[5] Предложенное Модзалевским чтение было принято редакцией Большого академического издания Сочинений Пушкина. Во второй книге девятого тома издания, вышедшей в 1940 г., текст передан так: «В Берде Пугачев жил в доме Кондр[атия] Ситникова»,

а в примечании указано, что слово «Кондратия» написано Пушкиным взамен зачеркнутого им «Карпа» (IX, 493). В последующих изданиях Сочинений Пушкина текст данной заметки печатался так, как он был опубликован в академическом издании.

Оренбургский краевед С. А. Попов, собирая биографические материалы о казаках — собеседниках Пушкина [6], обнаружил в Оренбургском архиве ревизскую перепись казаков Бердской слободы за 1834 г. (VIII ревизия) и среди них запись о 50-летнем Карпе Ситникове и его семействе [7]. Из этого следует, что Карп Ситников был современником Пушкина и, вероятно, очевидцем его приезда в Бердскую слободу 19 сентября 1833 г. Важно и то, что в ревизской переписи этот казак записан полным его именем «Карп Константинов Ситников», что дало возможность установить имя его отца — Константин Ситников. Исходя из этого, С. А. Попов выдвинул обоснованное предположение, что в пушкинской заметке назван не «Кондратий», а Константин Ситников. Предположение подтвердилось при обращении к факсимиле соответствующей страницы записной книжки (IX, вклейка между с. 492 и 493), где сокращенно написанное имя старшего Ситникова читается как «Конст[антина]», хотя по начертанию букв допустимо и иное чтение: «Кондр[атия]», что и было принято Л. Б. Модзалевским, а вслед за ним и другими пушкинистами. Благодаря обнаруженным С. А. Поповым документам неопровержимо устанавливается, что в записи Пушкина речь идет о Константине Ситникове и что текст этот должен читаться так: «В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова», как и напечатал его в свое время П. О. Морозов.

Находка С. А. Попова послужила отправным импульсом к разысканию материалов для биографии Константина Ситникова и истории его дома — «государева дворца» при Пугачеве. Прежде всего предстояло установить происхождение пушкинской записи о доме Ситникова. Кто был информатором Пушкина?

Оренбургский краевед С. Н. Севастьянов в 1899 г. со слов 77-летней казачки Акулины Тимофеевны Блиновой (урожденной Мордвинцевой) [8] записал ее воспоминания о пребывании Пушкина в Бердской слободе 19 сентября 1833 г. Помнилось ей, что день тот был теплый и ясный. Она сидела у дома старой бердской казачки Бунтовой, няньчившей детей. К ним подошли двое в штатском,

«один высокий [9], другой пониже — курчавый» (это и был Пушкин). Блинова рассказывала, что «у него лицо белое, а губы большие, толстые; да уж очень меня занял ноготь на пальце — длинный, предлинный, у нас таких и не носят». Пушкин и его спутник попросили «показать дом, где жил Пугачев». Бунтова повела их. «Дом этот стоял на Большой улице, на углу, на красной стороне [6] ... Он был на шесть окон. Со двора открывался чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмара подходила совсем близко ко дворам. Курчавый господин похвалил место, говорит: — „Прекрасное!“» Потом, вспоминала Блинова, Пушкин с «высоким господином» пошли от бывшего пугачевского «дворца» вниз по улице к Сакмаре [10]. Старая казачка Бунтова, современница Крестьянской войны, в юности хорошо знала Пугачева, даже приносила ему вместе с жителями Нижне-Озерной крепости присягу в верности. Вероятно, Бунтова и сообщила Пушкину, что дом, в котором 60 лет назад жил Пугачев, стал принадлежать Карпу Ситникову. С ее слов Пушкин и сделал в дорожной книжке запись: «В Берде Пугачев жил в доме Карпа Ситникова». Изменение имен в этом тексте (над зачеркнутым «Карпа» написано «Конст[антина]») произошло после того, как Пушкин установил от собеседников, возможно от самого Карпа Ситникова, что в пугачевское время дом этот принадлежал Константину Ситникову. Эти сведения подтвердились анализом текста «Капитанской дочки», свидетельствами очевидцев событий 1773—1774 гг., воспоминаниями современников Пушкина и данными других источников, в которых речь идет о «дворце» Пугачева.

Заходил ли Пушкин в дом Карпа Ситникова? Это представляется вполне вероятным. И в этом нельзя, кажется, не убедиться при чтении того места главы «Мятежная слобода» в «Капитанской дочке», где Пушкин словами героя повести Петра Гринева рассказал о его встрече с Пугачевым в «государевом дворце»: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка... Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник

---

[6] «На красной стороне», т. е. обращенный фасадом к юго-востоку, к восходу солнца: «...солнце утром входит в избу передними, красными окнами». (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 187).

на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками,— все было как в обыкновенной избе» (VIII, 346—347). Нетрудно заметить, что это описание составлено по личным наблюдениям Пушкина,— так, несомненно, выглядел дом Карпа Ситникова в 1833 г. Лишь одна деталь этого описания относится к реалиям пугачевского времени — необычная для обихода казачьей избы вещь — золотая бумага, коей были оклеены стены. Эта деталь, как будет видно ниже, имеет решающее значение для доказательства факта знакомства Пушкина с убранством дома Карпа Ситникова. Дело в том, что в Оренбурге среди современников Пушкина бытовало предание о «золотом дворце» Пугачева — избе, обитой латунными листами. В 1824 г. Оренбург посетил чиновник Министерства внутренних дел известный журналист П. П. Свиньин. С памятными местами Оренбурга его знакомили местные литераторы А. П. Крюков и П. М. Кудряшов. С их, видимо, слов Свиньин, сам не бывавший в Бердской слободе, писал, что Пугачев имел «свою резиденцию в близлежащем селе Берды, где показывают доселе избу, бывшую дворцом сего разбойника, которую для величия сана своего приказал он обить латунью внутри и снаружи» [11]. Приятель Пушкина писатель и этнограф В. И. Даль, служивший в 1833 г. в Оренбурге чиновником особых поручений у генерал-губернатора В. А. Перовского, в воспоминаниях, написанных около 1840 г., сообщал, что он вместе с Пушкиным ездил «в историческую Бердинскую слободу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга... Говорил... о бердинских старухах, которые помнят еще „золотые" палаты Пугача, то есть обитую медною латунью избу». По приезде в Берду «мы отыскали старуху [в], которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро, ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец» [12].

Кто же был более точен в описании убранства «дворца» Пугачева, Пушкин ли, писавший об обоях из золотой бумаги, или же Свиньин и Даль, сообщавшие об украшении избы обшивкой из латунных листов? Ближе к истине оказался Пушкин. Более того, его данные полностью подтвердились при обращении к документам пугачевского времени, сохранившимся в фондах ЦГАДА. Командир

[в] Это была казачка И. А. Бунтова.

пугачевской «гвардии» (личной охраны Пугачева), сотник яицких казаков-повстанцев Тимофей Григорьевич Мясников на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии показал, что после вступления в Бердскую слободу Пугачев поселился в доме казака Ситникова и «покой у него был обит вместо обоев шумихою»[13]. А шумихой в разговорном обиходе XVIII—XIX вв. называлось сусальное золото — тончайшая бумага (или пленка) золотистого цвета, изготовленная из двусернистого олова[14]. Удалось установить обстоятельства появления золотой бумаги — шумихи в стане Пугачева. В конце октября 1773 г. повстанцы задержали под Орской крепостью бухарский торговый караван и пригнали его в Берду. Среди захваченных товаров (меха, чай, хлопчатая бумага, серебро и др.) было до двух десятков ящиков шумихи. Часть ее была взята для оклейки избы Ситникова, а 17 ящиков вместе с другими товарами Пугачев продал за 2300 руб. татарскому купцу Мусе Улееву, которые и хранились в его доме в Каргалинской (Сеитовой) слободе. В начале апреля 1774 г., вскоре после отступления Пугачева из-под Оренбурга на уральские заводы, Муса Улеев был арестован, а найденные у него товары отобраны и перевезены в Оренбург, где и сданы в пограничную таможню[15].

Пушкин, сообщая в «Капитанской дочке» о золотой бумаге (шумихе), украшавшей стены «дворца» Пугачева, опирался, как видно из сказанного, на достоверный исторический факт[16], сообщенный ему, видимо, Карпом Ситниковым, который основывался в этом случае либо на воспоминаниях детства, либо на рассказе своего отца Константина Ситникова.

Много времени заняли поиски биографических материалов о Константине Ситникове. Предстояло прежде всего найти ответ на вопрос: принимал ли он участие в Пугачевском восстании?

Просмотр 14 фолиантов с документами Оренбургской губернской канцелярии за 1772—1775 гг. (дела канцелярии губернатора И. А. Рейнсдорпа) в ЦГАДА[17] не дал сведений о Ситникове. К тому же привело изучение материалов Секретной экспедиции Военной коллегии и военно-походных канцелярий генералов А. И. Бибикова, П. М. Голицына и Ф. Ф. Щербатова за 1773—1774 гг., хранящихся в ЦГВИА[18]. Были просмотрены десятки протоколов показаний пленных пугачевцев в делах Орен-

бургской секретной комиссии за 1774 г.[19], где хотя и нашлись допросы нескольких бердских казаков, однако и среди них не было свидетельств о Константине Ситникове. А может быть он и не был пугачевцем, а его имя причастно к восстанию лишь только тем, что принадлежавший ему дом стал «дворцом» Пугачева? Но даже если бы это предположение оказалось верным, поиски биографических данных о Ситникове (даты жизни, прохождение службы и др.) следовало продолжить. И настойчивые поиски вознаградились находкой документов, устанавливающих участие Ситникова в Пугачевском движении.

В материалах Оренбургской секретной комиссии сохранился «Список важных колодников» [20], в котором с октября 1773 г. губернская канцелярия в Оренбурге фиксировала данные о захваченных в плен, а также о явившихся с повинной пугачевцах. В списке начиная с 23 марта 1774 г., с того дня, в который Пугачев оставил Бердскую слободу, стали встречаться имена бердских казаков, пригнанных под конвоем в Оренбург и заключенных в городской острог. 23 марта в список внесены, в частности, бердские казаки: урядник Андрей Белоглазов, рядовые Яков Перов, Николай Копытин, Дмитрий Тумин, Трофим Блинов; 25 марта — Иван Черемухин, Яков Блинов; 27 марта — Дмитрий Цаплин и т. д.[21] И вот, наконец, на обороте л. 56 списка запись № 292, сообщающая, что 3 мая 1774 г. в оренбургский острог был заключен «бердинской казак Костентин Ситников», который «прислан от подполковника Могутова, пойманной при разбитии злодейской толпы неподалеку от Переволоцкой крепости, на степи, которой показал, что он на приступах к здешнему городу и на сражениях с высылаемыми отсель командами обще с протчими разбойниками был» [22]. Судя по этой предельно скупой записи, Константин Ситников [г] принимал активное участие в боевых операциях пугачевцев под Оренбургом. Он оставался в рядах восставших и после того, как Пугачев, разбитый в битве под Сакмарским городком, отступил на уральские заводы. Лишь месяц спустя после этого карателям удалось захватить в

[г] Следует сказать, что, судя по архивным документам второй половины XVIII — начала XIX в., среди жителей Бердской слободы известен лишь один казак по имени Константин Ситников, который, следовательно, был и владельцем дома, где квартировал Пугачев, и участником Пугачевского восстания.

плен Ситникова и группу его товарищей в стычке у Переволоцкой крепости, причем взяли их с оружием в руках. Секретная комиссия, прибывшая в Оренбург 5 мая, не допрашивала Ситникова (как и многих других рядовых пугачевцев), удовлетворившись показаниями, сделанными им 3 мая при заключении в тюрьму, а потом вынесла по ним свое определение о наказании.

В материалах секретной комиссии сохранилось особое дело, в котором собраны ее определения с мая по август 1774 г. При его просмотре найдено определение от 26 мая, по которому решено было «берденских казаков Анисима Трифонова, Емельяна Белова, Егора Полумеркова, Семена Кононова, Костянтина Ситникова и Егора Белоглазова» за то, что они, «дав себя обмануть» Пугачеву, почитали его «истинным государем и слепо повиновались» его повелениям, «пересечь всех при комиссии плетьми нещадно, и потом из-под караула всех освободить, и дав им от комиссии билеты, велеть явиться служащим по командам, а неслужащим в своих жительствах, немедленно» [23]. После экзекуции, которая производилась, как было заведено в секретной комиссии, сразу же по вынесении приговора, Ситников вместе с другими казаками-пугачевцами возвратился в Бердскую слободу.

Обнаружение документов, указывающих на участие Константина Ситникова в Пугачевском восстании, означало то, что решена пока лишь часть задачи по воссозданию его жизненного пути. Надлежало установить другие факты его биографии.

Учитывая то, что Ситников к началу Пугачевского движения уже состоял на казачьей службе, а она в то время начиналась с 18 лет, следовало предпринять поиски поименных переписей Оренбургского казачьего войска (куда входили и казаки Бердской слободы) за 1760-е и 1770-е годы. С этой целью были просмотрены описи и дела ряда фондов ЦГВИА, связанных с управлением казачьими войсками, в частности, материалы Казачьей экспедиции Военной коллегии, коллекции дел по другим подразделениям коллегии, бумаги фонда вице-президента коллегии Г. А. Потемкина (он с 1774 г. был шефом казачьих войск) и др. Нашлись переписи Яицкого казачьего войска за 1772, 1774 и 1776 гг.[24], но, к сожалению, по Оренбургскому казачьему войску подобных переписей в ЦГВИА не оказалось. Была предпринята попытка найти сведения о Ситникове в периодически составлявших-

ся в XVIII—XIX вв. ревизских переписях населения Российской империи, учитывавших также и казачество. Но, как выяснилось при обращении в архивы, переписей населения по Бердской слободе за XVIII в. не сохранилось, а в данных VII (1816 г.) и VIII (1834 г.) ревизий по этой слободе Константин Ситников не упоминается [25].

Неудача в архивных розысках списков Оренбургского казачьего войска и в ревизских переписях казаков Бердской слободы не остановила работы по выявлению источников для биографии Константина Ситникова. Решено было просмотреть описи и дела тех фондов ЦГВИА, в которых могли встретиться документы, содержащие сведения об Оренбургском казачьем войске. На одной из последних страниц описи дел канцелярии шефа казачьих войск генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина учтено дело № 305 за 1791 г., в котором, судя по заголовку, находятся формулярные списки старшин Донского, Черноморского, Терского, Астраханского, Сибирского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. Особых надежд на то, что в деле найдутся какие-либо данные о Ситникове, не было. Ведь хорошо известно, что формулярные (послужные) списки составлялись на лиц, состоявших в старшинских (офицерских) казачьих чинах. Мог ли бывший пугачевец выслужиться до таких чинов? С другой стороны, со времени Пугачевского восстания прошло уже почти два десятка лет, всякое могло быть. В общем дело заслуживало внимания.

Объемистая архивная папка содержит сотни графленых листов грубой голубоватой бумаги. А вот и формулярный список старшин Оренбургского казачьего войска, присланный в канцелярию Г. А. Потемкина оренбургским губернатором А. А. Пеутлингом при рапорте от 19 февраля 1791 г. Список начинается с записей о старшинах, служивших в самом Оренбурге, вслед за ними сообщаются сведения о старшинах казачьих команд различных крепостей, слобод и станиц Оренбургской губернии. А вот, наконец, и интересующий нас текст: «Станичные по Сакмаре реке в Бердской слободе» и далее следуют служебные данные об атамане бердских казаков Петре Харитонове, а несколькими строками ниже — подробные биографические сведения о хорунжем Константине Ситникове. Из них видно, что ему в 1791 г. исполнился 41 год и, следовательно, родился он в 1750 г. Происходил он, как сказано в списке, «из казачьих детей». Вступил

в службу 27 ноября 1767 г.; семь лет спустя, 2 сентября 1774 г., произведен в капралы, что состоялось по приказу войскового атамана полковника В. И. Могутова. Любопытно, что Ситников определен в капралы всего лишь три месяца спустя после того, как был нещадно высечен плетьми за участие в Пугачевском восстании. Назначение недавнего пугачевца в унтер-офицерский чин объясняется, вероятно, тем, что служившие в Бердской слободе казачьи офицеры разжалованы были в 1774 г. Оренбургской секретной комиссией в рядовые за их приверженность Пугачеву, а на вакантные офицерские чины из-за недостатка подходящих кандидатур пришлось выдвинуть рядовых казаков.

29 марта 1780 г. приказом войскового атамана Д. Кирсанова капрал Ситников произведен в следующий чин, стал урядником, а десять лет спустя, 12 февраля 1790 г., назначен хорунжим, получив этот чин по распоряжению губернатора Пеутлинга. Далее из списка выясняется, что Ситников «грамоте читать и писать не умеет». На вопрос девятой графы «Во время службы в походах и на баталиях находился ли и в которое время» сказано: «Не бывал», что, как мы знаем, не соответствовало истине. Но ведь не стали бы и писать в формулярном списке, что Ситников «в походах и на баталиях находился», будучи на службе у Пугачева. Эта страница биографии Ситникова была предана забвению. Более того, на вопрос десятой графы «достоин» ли он «к повышению» в чине отвечено: «Достоин» [26]. В этой аттестации — признание деловых способностей Ситникова, который, невзирая на его «пугачевское» прошлое, смог выслужиться до хорунжего (чин, отнесенный к XIII классу по «Табели о рангах») и даже считался достойным к производству в очередной чин — в сотники.

Последующие факты биографии Ситникова (после 1791 г.) можно было установить путем выявления новых, более поздних по времени формулярных списков о его службе. И такие списки нашлись в фондах ЦГВИА: за февраль, август и декабрь 1792 г. — в делах Казачьей экспедиции Военной коллегии [27] и среди документов канцелярии вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа Н. И. Салтыкова [28], за январь 1795 г. — в материалах той же Казачьей экспедиции [29]. Следует, впрочем, отметить, что списки эти не указывают особых перемен в службе Ситникова, дублируя в основном данные списка

1791 г.; правда, список 1795 г. сообщает об участии Ситникова «в линейной службе» — охране пограничной укрепленной линии по р. Урал. Ситников, как и прежде, аттестуется начальством достойным к повышению в следующий чин.

Более интересные находки сделаны по делам особой коллекции формулярных списков ЦГВИА. В списке, посланном атаманом Оренбургского казачьего войска полковником А. Углицким 1 января 1798 г. в Военную коллегию, значится, что Константин Ситников является атаманом казаков Бердской слободы. На этот пост он был назначен 30 марта 1797 г.[30]; назначение состоялось, видимо, по рекомендации войскового атамана Углицкого и по заведенному порядку утверждено оренбургским губернатором генерал-поручиком О. А. Игельстромом. В графе «В которых полках и баталиях в течении службы находился?» отмечено, что Ситников «в разных годах» находился «в линейной службе». Примечателен ответ на вопрос предпоследней графы послужного списка «В штрафах был ли, по суду или без суда, когда и за что именно?», на что кратко сказано: «Не бывал». А ведь Ситников, как известно, за активное участие в Пугачевском движении был судим Оренбургской секретной комиссией и по ее приговору подвергнут телесному наказанию!

Определение бывшего пугачевца Ситникова в атаманы[д] — факт не единственный в своем роде. Этот и другие примеры сравнительно легкого наказания и последующего прощения пугачевцев можно, видимо, объяснить известным снисхождением властей к казакам, несущим трудную службу на окраине империи. Примечательна в этом отношении, например, служебная карьера казачьего писаря Бузулуцкой крепости Игнатия Яковлевича Пустаханова, в глазах властей человека несравненно более виновного, нежели Ситников, ибо он при Пугачеве служил повытчиком (столоначальником) в повстанческой Военной коллегии. Захваченный в плен карателями в начале апреля 1774 г., Пустаханов содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой высечен плетьми и отослан под надзор на прежнее место службы. Всего лишь пять лет спустя после Пугачевского

[д] Вместе со званием атамана Ситников получил, видимо, и чин сотника, так как в Бердской слободе по штатам Оренбургского войска размещалась сотня казаков, командиром которой являлся местный атаман.

восстания, в апреле 1780 г., он получил чин хорунжего, а в октябре 1789 г. был назначен атаманом казаков Бузулуцкой крепости и пробыл на этом посту до 1802 г.

Константин Ситников прослужил атаманом в Бердской слободе немногим более четырех лет. 8 апреля 1801 г. он был смещен с этого поста («за неспособностью от службы отставлен»)[31], но в чем конкретно заключалась его непригодность к службе установить пока что не удалось. С отставкой Ситникова его имя исчезло со страниц послужных списков старшин Оренбургского казачьего войска.

Для выявления фактов биографии Ситникова С. А. Попов обследовал метрические книги Вознесенской и Георгиевской церквей Оренбурга, к приходам которых были приписаны жители Бердской слободы в 1794—1824 гг. По записям 1805, 1808 и 1813 гг. Константин Ситников упоминается как здравствующий «отставной атаман»[32]. Учитывая то, что в сохранившихся метрических книгах Георгиевской церкви за 1814 и 1816 гг. не имеется записи о смерти Константина Ситникова, а в упомянутом выше списке прихожан Бердской слободы за 1817 г. его жена Анисья Никитична названа вдовой[33], можно предположить, что он скончался в 1815 г. и запись о его смерти находилась в метрической книге Георгиевской церкви именно за этот год; но, к сожалению, эта книга в архиве не сохранилась.

Небезынтересно было бы установить данные об отце Константина Ситникова. В фонде Сената в ЦГАДА хранится переписная книга казачьего населения Оренбургской губернии за 1740 г. В переписи, составленной атаманом Бердской слободы С. С. Шацким, значатся два рядовых казака Ситникова — Козьма Фадеевич 36 лет и Егор Якимович 26 лет (видимо, двоюродные братья), оба холостые, бывшие монастырские крестьяне вотчины Ипатьевского монастыря в селе Никольском Симбирского уезда[34]. Кстати, оба они, Козьма и Егор Ситниковы, принимали участие в Пугачевском восстании, в апреле 1774 г. были арестованы карателями, вскоре оба умерли в оренбургском остроге: Козьма — 26 апреля, а Егор — 3 мая 1774 г.[35]

Кто же из этих родоначальников фамилии бердских Ситниковых был отцом Константина Ситникова? В предварительных соображениях предпочтение отдавалось более молодому из них — Егору Якимовичу Ситникову. Неко-

торое время спустя это подтвердилось находкой в том же архиве протокола показаний бердского казака-повстанца Анисима Трифонова, захваченного в плен 11 декабря 1773 г. вблизи осажденного Оренбурга. На допросе в Оренбургской губернской канцелярии он рассказал следующее: «Сего декабря 6-го числа в Бердинской слободе Татищевой [крепости] и другой неведома отколь попы служили обедню[е], и самозванец тогда был в церкве. А после обедни оные попы в самозванцовой квартире, в доме казака Егора Ситникова, пели молебен. И по окончании того молебпа из одного единорога да из пушки производилась пять раз пальба»[36]. Это авторитетное свидетельство современника, сопоставленное с приведенными выше данными других источников, позволило установить, что первым владельцем исторического дома был Егор Якимович Ситников (1714—1774). В 1773 г., когда ему шел 60-й год, фактическим хозяином дома — пугачевского «золотого дворца» — являлся его 24-летний сын Константин Егорович Ситников[ж], упомянутый в пушкинской заметке.

Бердская казачка А. Т. Блинова, рассказывая оренбургскому краеведу С. Н. Севастьянову о встрече с Пушкиным и об осмотре им дома, где жил Пугачев, говорила, что при Пушкине этот дом «стоял на Большой улице, на углу, на красной стороне... он был на шесть окон»[37]. Таким же он был, видимо, и при Пугачеве, ибо сотник Т. Г. Мясников свидетельствовал на допросе, что Пугачев имел резиденцию в доме Ситникова, поскольку дом этот был «из лутчих» в слободе[38]. Та же А. Т. Блинова говорила С. Н. Севастьянову, что в 1899 г. место, где стоял прежде дом Ситникова, уже принадлежало Михаилу Дмитриевичу Козлову[39]. Казачий урядник М. Д. Козлов, родившийся в 1833 г.[40], мог приобрести этот дом уже в зрелых годах у кого-то из потомков Константина Ситникова, либо у внука Петра Карповича, либо у пра-

---

[е] 6 декабря — день Николы зимнего.

[ж] В наши дни в бывшей Бердской слободе (ныне она вошла в г. Оренбург) живут многие из потомков пугачевцев, в том числе и потомки Константина Ситникова. Старший из них — Александр Васильевич Ситников (его брат, Петр, 1925 г. рождения, служил в Великую Отечественную войну в авиации стрелком-радистом, погиб в воздушном бою); у Александра два сына: старший Петр — студент, а младший, как и далекий его предок-пугачевец, носит имя Константин.

внука Ионы Петровича. Точных данных, когда была совершена эта сделка, пока не найдено.

Во второй половине XIX в., вскоре после перехода двороовладения к М. Д. Козлову, он снес большой, но обветшавший за сотню лет дом Константина Ситникова и на его месте построил скромную избу в три окна по фасаду[3]. Внучка М. Д. Козлова Пелагея Львовна Стебнева сообщила в 1976 г. краеведу С. А. Попову, что наследники ее деда продали его дом бердским старожилам Смолиным[41], которые и проживают в нем по сегодняшний день.

На окраине Оренбурга в поселке Берда на углу современных улиц Восстания (быв. Большой) и Салавата Юлаева (быв. Средней) рядом с историческим местом, где прежде стоял дом Константина Ситникова, высится белокирпичная стена с укрепленной на ней мемориальной доской с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 г. по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев»; ниже ее, у подножья стены, установлена пушка пугачевских времен.

Глава III

«ИМЕЛ Я БОЛЬШОЙ УСПЕХ...»

Возвратясь из путешествия по Оренбургскому краю, Пушкин 2 октября 1833 г. отправил из Болдина письмо к жене, в котором среди прочих впечатлений о поездке сообщал: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune (большой успех — *Р. О.*) — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал...» (XV, 83). Записанные со слов старой казачки воспоминания о Пугачеве и его времени Пушкин отметил ремарками: «Старуха в Берде», «В Берде от старухи» (IX, 496, 497). Свидетельства о встречах с ней приводятся в воспоминаниях В. И. Даля[1], письмах Е. З. Ворониной[2], дневнике К. А. Буха[3], мемуарной заметке

[3] Наша современница 90-летняя Евгения Степановна Бунтова, правнучка И. А. Бунтовой, собеседницы Пушкина, не помнит старого дома Ситниковых, но с детских лет хорошо знает стоящий на его месте дом Козловых.

А. И. Макшеева [4], но никто из них не назвал имени бердской собеседницы Пушкина. Фамилию ее впервые установил оренбургский краевед С. Н. Севастьянов, как говорилось ранее, он посетил Бердскую слободу в 1899 г. и встретился там с казачкой Акулиной Тимофеевной Блиновой, очевидицей пребывания Пушкина в Бердской слободе 19 сентября 1833 г. Блинова рассказала Севастьянову, что с Пушкиным в тот памятный день беседовала и пела ему песни старая бердская казачка Бунтова, но ее имени и отчества она не смогла вспомнить [5]. Этими скупыми данными исчерпывались до недавнего времени сведения о пушкинской собеседнице Бунтовой.

В последние годы стали известны новые материалы для биографии Бунтовой, открытые краеведом С. А. Поповым в фондах Государственного архива Оренбургской области. Просматривая дела губернской казенной палаты, он в 1965 г. обнаружил ревизскую перепись населения Бердской слободы (станицы) по состоянию на октябрь 1816 г. Среди других жителей там учтена «вдова Ирина Афанасьевна дочь, по мужу Бунтова, 55 лет», с 18-летней дочерью Натальей и 14-летним сыном Иваном [6].

Данные ревизской переписи важны тем, что они впервые указали на полное имя Бунтовой и ее возраст. В 1816 г. ей было 55 лет, и, следовательно, родилась она около 1760 г. При Пугачеве, в 1773—1774 гг., Бунтова была 13-летней девочкой — отроческий возраст, впечатления которого сохраняют свежесть на всю жизнь, тем более впечатления о событиях такого большого масштаба и драматизма, какие свойственны были Пугачевскому восстанию. В 1833 г. при встрече с Пушкиным Бунтовой, судя по приведенным выше данным ревизской переписи, исполнилось 73 года, а не 75 лет, как писал поэт (XV, 83). По свидетельствам знавших Бунтову, она сохранила живую память о Пугачеве [7]. Под впечатлением бесед с Бунтовой и другими современниками Пугачевского восстания в Оренбургском крае и Поволжье Пушкин писал, что имя Пугачева «гремит еще» в тех краях и «народ живо еще помнит» ту пору, «которую — так выразительно — прозвал он *пугачевщиною*» (IX, 81).

12 апреля 1834 г. в Бердской станице проходила очередная ревизия населения. В ревизской переписи, сохранившейся в фонде казенной палаты, учтен «Иван Степанов Бунтов, в службе в Оренбургском казачьем полку с 1825 года» [8]. По отчеству сына И. А. Бунтовой Ивана

видно, что мужа Ирины Афанасьевны звали Степаном. А вот сама она по каким-то причинам в записи не упомянута. Это дало повод С. А. Попову предположить в 1969 г., что, возможно, она умерла вскоре после сентября 1833 г., а потому и не попала в ревизскую перепись 1834 г. Однако ее не оказалось и среди умерших, учтенных в метрической книге «Бердской подгородной слободы Богородицкой церкви» за 1833 и 1834 гг.[9]

Она и не могла быть записанной в числе умерших, ибо жила и здравствовала еще много лет! 8 июля 1835 г. ее встретил заехавший в Бердскую слободу из Оренбурга инженер-прапорщик К. А. Бух, запечатлев это событие в своем дневнике[10]. Служивший в 1847—1853 гг. старшим адъютантом штаба Оренбургского отдельного корпуса А. И. Макшеев писал впоследствии, что он в 1848 г. посетил Бердскую слободу, где застал еще в живых престарелую современницу Пугачева, ту самую казачку, к которой «ездил А. С. Пушкин в бытность свою в Оренбурге, когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта и расспрашивал ее о Пугачеве». При Макшееве она была ветхой старушкой, забывшей уже многое из далеких пугачевских времен, но самого Пугачева она помнила еще отчетливо и на вопрос: «Каков был он?» — отвечала, по-прежнему называя его царем: «Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!»[11]. Макшеев был последним из тех, кто спрашивал И. А. Бунтову о Пугачеве. Вскоре она скончалась.

Точную дату ее смерти установил в 1976 г. С. А. Попов. Просматривая метрическую книгу церкви Казанской богородицы, он обнаружил запись, сообщавшую, что 4 июля 1848 г. умерла «Бердской станицы вдова, казачья жена Ирина Афанасьевна Бунтова, 96 лет, холерою»[12]. По приведенному выше свидетельству ревизской переписи 1816 г., Бунтова родилась около 1760 г. Если исходить из этих данных, то получается, что в 1848 г. ей было не 96, а 88 лет. Бунтова намного пережила своего знаменитого собеседника А. С. Пушкина.

Небезынтересны биографические сведения об отце Ирины Афанасьевны Бунтовой и ее муже. Из ее рассказов Пушкину (IX, 496—497) и Ворониной[13] видно, что Бунтова в девичестве была казачкой Нижне-Озерной крепости. В 1780-х годах она вышла замуж за казака Бердской слободы Степана Бунтова, у них было шестеро детей, из которых четверо умерли в младенчестве, а в

живых остались двое — дочь Наталья и сын Иван[14]. Сам Степан Бунтов, согласно записи метрической книги Георгиевской церкви, скончался 25 января 1813 г. в возрасте 60 лет[15], следовательно, родился он в 1753 г. и, будучи в 1773—1774 гг. молодым казаком, являлся очевидцем событий Пугачевского восстания, в том числе и тех из них, которые были в Бердской слободе, где в течение пяти месяцев располагалась ставка Пугачева и главная квартира его войска. Воспоминания Степана Бунтова послужили для его жены Ирины Афанасьевны источником ее рассказов о событиях, происходивших в Бердской слободе при Пугачеве.

Род Бунтовых восходил, как свидетельствуют архивные документы, к яицким казакам времени Петра I, а позднее — к первопоселенцам Бердской слободы, основанной как крепость в 1737 г. В одной из сенатских книг ЦГАДА содержится «Перепись Бердской крепости атаману, старшинам и казакам, и их женам и детям.— Майя... дня 1740 году», где учтен рядовой казак «Петр Андреев сын Бунтов, тритцати шести лет, Яицкого городка казачий сын, ис того городка записался в Бердскую крепость в казаки тому три года; у него жена Марфа Степанова тритцати лет, Яицкаго городка казачья дочь, ис того городка сошла с мужем своим обще, при них дети: Никифор четырнатцати-, Дмитрей десяти-, Агафья пяти лет, Авдотья году»[16], все перечисленные лица были старшими родственниками Степана Бунтова.

Беседуя с приехавшими 25 ноября 1833 г. в Бердскую слободу самарскими дворянами Шелашниковыми и Е. З. Ворониной, Ирина Афанасьевна Бунтова сказала о себе, что она дочь казака Нижне-Озерной крепости, где она жила в дни Пугачевского восстания, что отец ее служил в отрядах Пугачева под Оренбургом, возглавляя казачью команду. Он-то и рассказал ей о событиях, бывших в то время в Бердской слободе[17]. Совокупность трех несомненных фактов — отца Бунтовой звали, судя по ее отчеству, Афанасием, он был казаком Нижне-Озерной крепости и служил у Пугачева — явилась отправным ориентиром в последующем биографическом разыскании. Ему способствовала находка в архивных материалах именного списка «Нижне-Озерной крепости казакам и разного звания людям», составленного 9 апреля 1774 г. в походной канцелярии генерал-майора П. Д. Мансурова. В списке учтено все мужское население — 143 человека,

как находившиеся в момент переписи в крепости, так и отсутствующие в ней по различным причинам. Лишь два Афанасия внесены в список. Один из них, Афанасий Фролов, казачий «малолеток» (до 18 лет), явно не мог быть отцом 13-летней в то время Ирины Афанасьевны. Им, скорее всего, был казак Афанасий Бородулин, о котором в списке сказано, что он в момент переписи отсутствовал, так как был в числе 42 казаков-пугачевцев «в злодейской толпе» [18]. Большая их часть весной 1774 г. оказалась в плену и содержалась под следствием в Оренбургской секретной комиссии [19], но Афанасия Бородулина среди них не было. Неизвестно, в каких местах и долго ли еще продолжались его скитания, но, вероятно, осенью того же года он возвратился к семье в Нижне-Озерную крепость и возобновил прежнюю службу. Три года спустя он имел уже унтер-офицерский казачий чин — служил капралом. В делах Оренбургского духовного правления хранится договор, заключенный 9 мая 1777 г. жителями Нижне-Озерной крепости, а в их числе и капралом Афанасием Бородулиным, с Василием Абрамовым, взявшим на себя обязанности церковного старосты [20]. Других биографических данных об Афанасии Бородулине в архивах Москвы и Оренбурга найти не удалось.

Встречавшиеся с Ириной Афанасьевной Бунтовой в 1833 г. В. И. Даль и Е. З. Воронина вспоминали о забавной истории, приключившейся со старой казачкой после встречи с Пушкиным. Сама Бунтова говорила Ворониной, что «один из приезжих (Пушкин.— *Р. О.*) все меня заставлял рассказывать... распрашивал, и песни ему я пела про Пугача». Сразу же после его отъезда из слободы бердские казаки и казачки, бывшие очевидцами беседы Бунтовой с Пушкиным, стали ее упрекать в том, что она пела и рассказывала о Пугачеве чужому и явно подозрительному человеку. «Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню», а некоторые утверждали даже, что ее собеседником был и не человек вовсе, а сам «антихрист». Напуганная Бунтова на другой день явилась с казаками в Оренбург с покаянием к начальству: «Смилуйтесь, защитите меня, коли я чего наплела на свою голову, захворала я с думы». Те смеются: „Не бойся,— говорят,— это ему сам государь позволил о Пугачеве везде разспрашивать“. Ну, уж и я успокоилась, никого не стала слушать» [21]. Писатель и этнограф В. И. Даль, ездивший с Пушкиным в Берд-

скую слободу, вспоминал: «Старуха (Бунтова.— *Р. О.*) спела также несколько песен... и Пушкин дал ей на прощание червонец. Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого были связаны в этом краю столько страшных воспоминаний, но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы не дожить до какого греха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: „Вчерааде приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный кудрявый, лицем смуглый, и подбивал под „пугачевщину“ и дарил золотом: должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти“ [а]. Пушкин много тому смеялся» [22].

Ирина Афанасьевна Бунтова была замечательной хранительницей народной памяти о Пугачевском восстании. В ее воспоминаниях Пугачев запечатлен как выдающийся предводитель восставших, как человек, отзывчивый к интересам простого народа. «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали»,— записал с ее слов поэт (IX, 496). За рассказы и песни о Пугачеве и его времени Пушкин не только одарил Бунтову золотым червонцем, но и навсегда увековечил ее на страницах своих произведений.

Пугачевец Степан Разин

Со слов Ирины Афанасьевны Бунтовой Пушкин записал краткий — всего лишь в несколько строк — рассказ о старой казачке Разиной, долго искавшей своего сына среди погибших пугачевцев:

«Когда разлился Яик, тела [б] поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала пешнею [в] к себе мимо плывущие трупы, переворачивая

[а] «Пушкин носил ногти необыкновенной длины; это была причуда его» (*прим. В. И. Даля*).

[б] Тела пугачевцев, убитых в сражении 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью.

[в] Это слово в автографе Пушкина (Пушкинский Дом (далее: ПД), Отдел рукописей, ф. 244, оп. 1, № 371, л. 4—4 об.) написано неяс-

их и приговаривая:— Ты-ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои-ли черны кудри свежа вода моет? — Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала» (IX, 497).

Эту картину, выразительно передающую горе матери, оплакивающей пропавшего сына, Пушкин перенес на страницы «Истории Пугачева», придав рассказу Бунтовой необходимую полноту и художественную завершенность:

«Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужей и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: Не ты-ли, мое детище? не ты-ли, мой Степушка? не твои-ли черные кудри свежа вода моет? и видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп» (IX, 51).

В таком виде текст вошел в рукопись пятой главы «Истории Пугачева», и против слов «старая казачка» на правом поле листа Пушкин приписал ее фамилию — «Разина». В середине декабря 1833 г. рукопись первых пяти глав «Истории Пугачева» была представлена Пушкиным на цензурное рассмотрение Николаю I и в конце января 1834 г. возвращена поэту с замечаниями царя[23]. При чтении рукописи возражение Николая I вызывал, в частности, эпизод с казачкой Разиной. Употребление этой многозначительной фамилии в сочетании с именем «Степушка» в рассказе о событиях Пугачевского восстания сближало имена предводителей великих народных движений, что вносило как будто бы явную хронологическую несообразность в повествование. Упоминание о Разине таило в себе неясное Николаю I, но «подозрительное» намерение Пушкина указать на внутреннюю связь Разинского и Пугачевского восстаний. Кроме того, царь не мог не усмотреть в эмоциональной окрашенности эпизода поэтизации Степана Разина и других «мятежников», на недопустимость чего однажды уже «высочайше» указывалось Пушкину[24]. Этими соображениями, видимо, руководствовался Николай I, когда, отчеркнув пушкинский текст (фразу: «В Озерной старая казачка... тихо

но; составители Большого академического издания прочли его как: «палкою».

отталкивала труп»), написал сбоку на правом поле рукописи: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом» (IX, 471) [г]. Пушкин не мог не посчитаться с мнением «августейшего» цензора и вынужден был изъять отмеченный царем текст из пятой главы книги. Однако, учитывая то, что указание Николая I не имело категорически-запретительного характера, поэт, дорожа рассказом о старой казачке Разиной, перенес его в примечание 17 к пятой главе, выпустив при этом фамилию «Разина», что вполне «обезвреживало» текст [25]. В таком виде был напечатан этот эпизод в прижизненном издании «Истории Пугачева» [26], так он печатался и в последующих Собраниях сочинений Пушкина вплоть до середины 1930-х годов. Т. Г. Зенгер, изучив рукопись «Истории Пугачева», цензурованную Николаем I, установила первоначальный текст и фамилию «Разина» для безымянной по прежним изданиям старой казачки [27]. С конца 1930-х годов «История Пугачева» печатается в том виде, как она была написана Пушкиным и как она выглядела до цензуры Николая I [28].

Исследователи, обращавшиеся к рассмотрению «разинского» эпизода, считали, что упоминаемый в нем Степан Разин — не реальный пугачевец, а всего лишь ассоциативный образ, связующий собой — и в рассказе Бунтовой и в произведении Пушкина — два великих народных движения: выступление под предводительством Степана Тимофеевича Разина (1670—1671 гг.) и Пугачевское восстание (1773—1775 гг.) [29]. Подтверждение находили в том, что ассоциация Разин — Пугачев была характерна для Пушкина: в одном из примечаний к восьмой главе «Истории Пугачева» он сопоставлял успехи этих предводителей, а также обстоятельства их казни (IX, 148); в записке, отправленной 9 сентября 1834 г. к А. И. Тургеневу, поэт писал: «Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени» (XV, 189) [30].

В декабре 1976 г. оренбургский краевед С. А. Попов сообщил автору этих строк, что при просмотре в Государственном архиве Оренбургской области книги с ревизской переписью казаков Уральского войска 1834 г. ему встретилась запись о 82-летнем отставном казаке Степане Андреевиче Разине, жившем в семьей в Кинделинском форпосте (на берегу Урала, вблизи Илецкого городка) [31],

[г] См. факсимиле этой страницы рукописи (IX, вклейка после с. 48).

С. А. Попов выдвинул предположение, что этот казак и есть тот самый Степушка Разин, упоминаемый в рассказе Бунтовой и в пушкинской «Истории Пугачева», но он не погиб в пугачевское время, а, прожив после того 60 лет, был современником Пушкина.

С доводами С. А. Попова нельзя не согласиться. Биографические данные о Степане Разине и в рассказе Бунтовой и в ревизской сказке 1834 г. в основном совпадают: в обоих источниках он упомянут как казак с р. Яик. Однако решающее значение имеет сходство имени и фамилии, да еще и в таком уникальном сочетании; к тому же и по возрасту Степан Андреевич Разин вполне подходил к тому, чтобы участвовать в Пугачевском восстании: в 1774 г. он был 22-летним казаком. Находка С. А. Попова ставит рассказ Бунтовой на почву реальных фактов и вместе с тем позволяет отвергнуть доводы исследователей, утверждавших, что этот рассказ отражает будто бы хронологически недостоверное народное предание, легенду, фантастический сказ и т. д.

Заманчиво было бы, конечно, найти прямые документальные свидетельства о службе Степана Андреевича Разина в отрядах Пугачева. С этой целью были обследованы находящиеся в фондах ЦГАДА собрания следственных дел о пленных пугачевцах. Среди них нашлись документы о Степане Разине, но то был не яицкий казак, а мастеровой Билимбаевского завода (под Екатеринбургом). При аресте у него отобрали «злодейский билет» — документ, удостоверяющий факт присяги на верную службу «Петру III», под именем которого выступал Пугачев. 5 января 1775 г. начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин предписал этого «мастерового Степана Разина за имение злодейского билета наказать батогами» [32]. Неудачи в розысках документальных данных о пугачевском прошлом Степана Андреевича Разина не умалили убежденности в том, что он был участником Пугачевского восстания и реальным персонажем рассказа Бунтовой.

В пушкинской «Истории Пугачева» эпизод со старой казачкой Разиной отнесен к событиям, имевшим место в Нижне-Озерной крепости (IX, 51), исходя из чего и можно было допустить, что Степан Андреевич Разин был казаком той крепости. Истинность такого предположения нужно было подкрепить документами. Однако в именном списке жителей Нижне-Озерной крепости, составленном в

апреле 1774 г.[33], среди 143 казаков, отставных солдат и других нижнеозерцев не оказалось ни одного человека с фамилией Разин. Надо полагать, что Разины не были жителями Нижне-Озерной крепости ни в то время, ни позднее [34]. К тому же и рассказ Бунтовой не имел прямого указания на то, что эпизод с казачкой Разиной происходил в Нижне-Озерной крепости [д]; можно предположить, что событие это случилось в каком-то из селений на Яике: то ли в Илецком городке, то ли в том самом Кинделинском форпосте, где в 1834 г. жил Степан Андреевич Разин.

С. А. Попов выдвинул любопытную генеалогическую задачу — установить происхождение Степана Андреевича Разина, а также выяснить — не было ли у его предков какой-либо родственной связи с предводителем Крестьянской войны 1670—1671 гг. Степаном Тимофеевичем Разиным. Так как Степан Андреевич Разин был яицким казаком, то и предков его следует искать среди казаков Яицкого войска. Имеющиеся в литературе упоминания о переписи яицких казаков в 1723—1724 гг. комиссией полковника И. И. Захарова [35] направили наши поиски в ЦГВИА к делам Казачьей экспедиции Военной коллегии. Здесь хранятся материалы комиссии Захарова, в том числе и две переписные книги, в одной из которых нашлись искомые сведения о Разиных. В числе казаков Шестой сотни записан рядовой «Микифор Минеев сын Разин, у него сын Алексей двенатцати лет. А по скаске ево, от роду ему, Никифору, шестьдесят пять лет; дед и отец ево и он родиною Саранского уезду дворцового села Ромодановского казаки; пришел он, Никифор, ис того села на Яик во сто восемьдесят шестом году [е], и служит в казаках с того году» [36]. Свидетельство переписной книги требует некоторых пояснений. Следует заметить, что Н. М. Разин родился в 1658 г. и 12-летним подростком был очевидцем Крестьянской войны 1670—1671 гг., захватившей территорию Саранского уезда [37]. В том уезде находилась родина Н. М. Разина — дворцовое село Ромо-

[д] Пушкин отнес «разинский» эпизод к Нижне-Озерной крепости, исходя из того, видимо, что в предшествующей части воспоминаний Бунтовой речь шла о событиях в этой крепости после поражения Пугачева в битве 22 марта 1774 г. под Татищевой (IX, 496).

[е] Т. е. в 7186 г. по летосчислению от «сотворения мира», что в переводе на современное летосчисление означает 1677/78 г.

дановское на р. Инсаре, в 20 верстах к северу от Саранска, на проселочной дороге к Лукоянову [38]. Н. М. Разин назвал себя выходцем из белопахотных казаков; эта категория служилых людей «по прибору» версталась из крестьян, освобождаемых от платежа податей с двора и пашни, но призванных нести сторожевую службу по охране селений, дорог и засечных линий. В 20-летнем возрасте Н. М. Разин бежал на вольный Яик, где и был записан в казачью службу. Яицкое казачье войско, как свидетельствуют переписные книги, составленные в 1723—1724 гг. комиссией полковника Захарова, процентов на 90 и было сформировано за счет беглых крестьян, посадских людей, стрельцов, казаков Поволжья и Центра страны, а также их потомков, ставших казаками во втором-третьем поколениях.

В архивном фонде Казачьей экспедиции Военной коллегии по соседству с материалами комиссии полковника Захарова находятся дела следственной комиссии поручика Е. И. Кроткова, производившей в 1719 г. розыск по доносу на атамана, старшин и казаков Яицкого войска [39]. Попутно комиссия составляла именной список казаков. К нему-то мы и обратились в поисках дополнительных биографических сведений о Никифоре Минеевиче Разине. По каким-то причинам он в список не был включен (возможно, находился в служебной отлучке). Но в списке встретилась поразительная запись: в перечне казаков Шестой сотни упомянут рядовой «Стефан Тимофеев сын Разин» [40]. Еще один яицкий казак Разин, да к тому же еще и полный тезка предводителя Крестьянской войны! Других биографических данных о нем в списке не сообщается, но они были найдены в переписной книге, в протоколе допроса этого казака [41], где сказано, что он, Степан Тимофеев сын Разин, «Саранского уезда села Ромодановского крестьянин, ис того села бежал и пришел на Яик, и в казаки приверстан при атамане Прокофье Семенове, тому ныне сорок лет», что он был в отряде яицких казаков, посланном с экспедицией А. И. Бековича-Черкасского в Хиву [42], а с того времени «за суетами своими» в церкви не исповедовался и «святых тайн не сподоблен», но к расколу никогда не приставал, ни в каких «изменнических замыслах» не участвовал и ничего о них не знает [43].

Само собой напрашивается сопоставление биографий яицких казаков Степана Тимофеевича и Никифора Ми-

неевича Разиных. Оба они — уроженцы села Ромодановского под Саранском; состояли, видимо, в родстве, возможно, были даже двоюродными братьями; оба в конце 1670-х годов бежали на Яик (Степан на год позднее, в 1679 г.), оба с того времени служили рядовыми казаками. Можно предположить, что Степан Тимофеевич умер в начале 1720-х годов, так как его имя не внесено в переписную книгу 1723—1724 гг. Удивительно то, как власти не запретили ему зваться Степаном Тимофеевичем Разиным — крамольным именем его знаменитого тезки, преданного в 1670 г. церковной анафеме.

Выявленные документы о яицких казаках Разиных — Степане Тимофеевиче, Никифоре Минеевиче и Алексее Никифоровиче — позволяют установить происхождение их потомка Степана Андреевича Разина, которого знала и о котором рассказала Пушкину бердская казачка Ирина Афанасьевна Бунтова.

Пушкин на пути из Оренбурга на Уральск проезжал поздно вечером 20 сентября 1833 г. через Кинделинский форпост, где доживал свой век один из персонажей будущей «Истории Пугачева» ветеран-пугачевец Степан Андреевич Разин.

О других рассказах И. А. Бунтовой

Ирина Афанасьевна Бунтова, жившая в молодости в Нижне-Озерной крепости, рассказывала Пушкину о некоторых событиях, происходивших там при Пугачеве. Со слов Бунтовой поэт внес в дорожную записную книжку заметку: «В Берде Пуг[ачев] жил в доме Конст[антина] Ситникова [ж], в Озерной у Полежаева» (IX, 493). Свидетельство Бунтовой о Полежаеве подтвердилось рассказом, услышанным Пушкиным 20 сентября 1833 г. в Нижне-Озерной крепости: «Он (Пугачев.— *Р. О.*), проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у каз[ака] Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство» (IX, 496). Данные о Полежаеве не были использованы в «Истории Пугачева», но казака по фамилии Полежаев Пушкин упомянул в «Капитанской дочке» в главе «Крепость», где повеству-

ж Биографические данные о Константине Ситникове см. в главе II.

ется о встрече прапорщика Петра Гринева в Белогорской крепости. Когда зашла речь о квартире для молодого офицера, казачий урядник Максимыч, обратившись к жене коменданта Василисе Егоровне Мироновой, спросил: «Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимыч,— сказала капитанша,— у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники» (VIII, 295—296).

Удалось найти архивные документы о реально существовавшем Полежаеве. В ЦГАДА сохранился именной список населения Нижне-Озерной крепости от апреля 1774 г., где среди своекоштных[3] жителей назван Петр Полежаев[44]. В Оренбургском архиве среди бумаг местного духовного правления хранится документ от 9 мая 1777 г.— договор жителей Нижне-Озерной крепости с Василием Абрамовым, взявшимся исполнять обязанности церковного старосты. В числе других прихожан договор этот подписал и «своекоштный Петр Полежаев»[45]. В конце XVIII или в начале XIX в. мужская линия рода Полежаевых угасла. В книге ревизской переписи населения Нижне-Озерной крепости, проведенной 14 августа 1816 г.[46], никого из Полежаевых не значилось.

Хорошо запомнилось Бунтовой то, как по взятии Нижне-Озерной повстанцами жители этой крепости приносили присягу в верности новоявленному «Петру Третьему» — Пугачеву: «Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву.— У Пугачева рука лежала на колене — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку» (IX, 497). На пушкинскую запись рассказа Бунтовой похожи ее же воспоминания о сцене присяги, записанные 25 ноября 1833 г. Е. З. Ворониной: «Бывало, он (Пугачев.— *Р. О.*) сидит, на колени положит платок, на платок руку, по сторонам сидят его енералы, один держит серебряный топор, того и гляди срубит, другой серебряный меч, супротив виселица, а около мы на коленях присягали, да поочереди, перекрестившись, руку у него поцелуем...»[47]. Ритуал присяги населения Пугачеву был хорошо известен Пушкину по документам времени восстания, например по показаниям ясачного крестьянина Алексея Кирилова о встрече Пугачева в Сакмарском го-

---

[3] Своекоштные — категория населения в прияицких крепостях, не получавшая жалованья из казны, кормившаяся на свой кошт.

родке (IX, 20—21, 622) и писаря Полуворотова, рассказ которого о пребывании в лагере повстанцев под Оренбургом включен в «Хронику» П. И. Рычкова (IX, 234—235). Но всем этим документальным источникам Пушкин предпочел рассказ Бунтовой, который почти дословно ввел в «Историю Пугачева»: предводитель восстания принимал народ, «сидя в креслах перед своей избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю, и перекрестясь, целовали его руку» (IX, 27). Эта церемония копировала известный яицким казакам обряд представления монарху при ежегодных приездах в Петербург с так называемыми летними и зимними станицами[48].

В воспоминаниях Бунтовой, записанных Пушкиным, освещается один эпизод, связанный с поражением войска Пугачева в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости: «Когда под Татищевой разбили Пугачева, то яицких казаков прискакало в Озерную израненных — кто без руки, кто с разрубленной головою,— человек 12, кинулись в избу Бунтихи.— Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья,— и стали драть, да перевязывать друг у друга раны.— Старики выгнали их дубьем. А гусары голицынские и Хорвата[и] *так и ржут по улицам, да мясничат их*[к] (IX, 496—497). Рассказ Бунтовой лег в основу освещения этого события в «Истории Пугачева»: «Весть о поражении самозванца под Татищевой в тот же день» достигла крепостей Нижне-Озерной и Рассыпной. «Беглецы, преследуемые гусарами Хорвата, проскакали через крепости, крича: спасайтесь, детушки! все пропало! — Они наскоро перевязывали свои раны, и спешили к Яицкому городку» (IX, 50—51). Пушкин придерживался, как видно, главной линии рассказа Бунтовой, отбросив из него некоторые частности. Вместе с тем он ввел от себя в описание такую выразительную деталь, как крики преследуемых пугачевцев: «Спасайтесь, детушки! все пропало!»[49].

Последствия поражения Пугачева под Татищевой крепостью могут быть дополнены и уточнены по документам времени восстания. Как сообщил Пугачев на допросе в Москве, в день битвы у Татищевой крепости, когда опре-

---

[и] В пушкинском автографе ошибочно: «Корфа», но далее следует вопросительный знак.

[к] Слова «*так и ржут по улицам, да мясничат их*» подчеркнуты Пушкиным; это явная цитата из колоритной речи рассказчицы.

делился катастрофический для него исход сражения, атаман яицких казаков Андрей Афанасьевич Овчинников, обратившись к Пугачеву, сказал: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занята». Пугачев ответил ему: «Хорошо, я поеду, но и вы смотрите ж, кали можно будет стоять, так постойте, а кали горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтоб не попасся в руки». Пугачев, взяв с собой близких людей (Ивана Почиталина, Василия Коновалова, Григория Бородина и своего шурина Егора Кузнецова), бежал из атакуемой крепости на восток, по оренбургской дороге в Бердскую слободу [50]. Оставшийся в Татищевой крепости атаман Овчинников оборонялся до последней возможности, а потом, прорвавшись с боем сквозь неприятельские колонны, бросился с тремя сотнями казаков на запад, к Нижне-Озерной крепости, преследуемый эскадронами изюмских гусар полковника Г. И. Хорвата [51].

Судя по рапортам генерал-майора П. М. Голицына, гусары Хорвата преследовали пугачевцев на протяжении 20 верст [52]. А так как Нижне-Озерная крепость находилась в 28 верстах к западу от Татищевой, то гусары остановились в 8 верстах от Нижне-Озерной, прекратив погоню из-за глубоких снегов и утомления лошадей. Следовательно, в рассказе Бунтовой была неточность: гусары не могли в тот день вступить в эту крепость [л]. Более того, отряд Овчинникова оставался в крепости Нижне-Озерной еще почти целую неделю после битвы в Татищевой. Об этом неоспоримо свидетельствуют недавно найденные архивные документы. Красногорский казак Иван Костылев, пойманный 1 апреля 1774 г. у Рычковского хутора, показал на допросе, что дней пять или шесть назад он бежал из Нижне-Озерной, а до того не раз видел, как пугачевцы посылали оттуда конные разъезды из 30 казаков к Татищевой крепости для наблюдения за действиями находившегося там корпуса войск генерала Голицына; вместе с тем Костылев сообщил о начавшемся отходе повстанческих сил из Нижне-Озерной к Илецкому городку [53]. Не менее важные сведения содержатся в допросе группы пугачевцев, задержанных 2 апреля за рекой Яиком на-

[л] Возможно, впрочем, что в рассказе И. А. Бунтовой речь идет не о Нижне-Озерной крепости, а о Бердской слободе, куда к вечеру 28 марта ворвались каратели, застав там несколько сотен повстанцев, отставших от ушедшего Пугачева. Очевидицей этого события была «Бунтиха» (мать Степана Бунтова).

против Чернореченской крепости; они рассказали, что отряд Овчинникова (300 конных казаков и 350 пехотинцев с двумя пушками) выступил 29 марта из Нижне-Озерной крепости и направился к Илецкому городку[54]. Покинутая повстанцами Нижне-Озерная крепость несколько дней находилась в «безначалии», и лишь 6 апреля туда вступил корпус генерал-майора П. Д. Мансурова, которому поручено было занять крепости Нижне-Яицкой линии и Яицкий городок[55].

«В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали» (IX, 496). В основе этого суждения Бунтовой, записанного Пушкиным, лежали воспоминания старожилов Бердской слободы, и, видимо, прежде всего мужа рассказчицы — Степана Бунтова. Учитывая вероятные возражения цензуры, Пушкин не счел возможным говорить о любви казаков к Пугачеву на страницах своей книги. Однако аналогичную оценку Пугачева, услышанную в беседах с казаками в Уральске, Пушкин внес в рукописные «Замечания о бунте», представленные Николаю I с экземпляром «Истории Пугачева»: «Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал» (IX, 373).

Учитывая жившую в народе наивно-утопическую легенду о царе-избавителе, справедливом и милостивом к подданным[56], Пугачев ввел в свой «царственный» обиход обряды, которые должны были, по его мнению, укрепить веру простого народа в истинность новоявленного «императора Петра Федоровича», под именем которого Емельян Иванович выступал в дни восстания. Среди таких обрядов было и щедрое одаривание народа деньгами. Это запомнилось Бунтовой, о чем она и сообщила Пушкину: «Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги» (IX, 496). В «Истории Пугачева», в том месте третьей главы, где повествуется о жизни повстанческого лагеря в Бердской слободе, Пушкин использовал свидетельство Бунтовой, передав его в несколько ином виде: «Когда ездил он (Пугачев — *Р. О.*) по базару или по Бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами» (IX, 26).

Приведенные выше слова Бунтовой подтверждаются следственными показаниями сподвижников Пугачева, а также и другими документальными источниками. Ко-

мандир пугачевской «гвардии» сотник яицких казаков-повстанцев Тимофей Мясников рассказывал на допросе, что когда Пугачев «из Берды отлучался на Яик или в другое какое место, то всякой раз пред своим отъездом проходил берденския улицы и собравшемуся своему войску на обе стороны бросал деньги медныя. И когда обратно оттуда приезжал, то также делывал» [57]. А пугачевский секретарь Иван Почиталин вспоминал на следствии, как Пугачев, женившись в Яицком городке на Устинье Кузнецовой, по возвращении в Бердскую слободу «приказал подносить всем за здоровье бракосочетания вина», выкатив для того «множество бочек», а сам «взял денег и пошел по улице метать оныя» [58]. Такого рода факты имели место и в других селениях. Так было, например, в г. Саранске, взятом войском Пугачева 27 июля 1774 г. По вступлении в город пугачевцы захватили в воеводской канцелярии денежную казну, из которой «большое количество, наложа подвод на дватцать», увезли в свой лагерь, а остальные деньги, по распоряжению Пугачева «брав мешками и ездя по городовой крепости и по улицам... бросали набегшей из разных уездов черни, объявляя им, что оной Пугачев прощает их платежем как подушных денег, так и протчих государственных податей вовсе, також и от помещиков свободными». Так же было поступлено и с денежной казной, найденной в городовом магистрате, эти деньги «бросали тем же набегшим людям ис того магистрата в окошки и ездя по торгу» [59].

«Когда прибежал он (Пугачев.— *Р. О.*) из Тат[ищевой], то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, *дабы драки не учинилось*. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбурцы после него ограбили жителей» (IX, 496). Этот рассказ Бунтовой, записанный Пушкиным, воскрешает события, происходившие в Бердской слободе 23 марта 1774 г., на другой день по поражении войска Пугачева в битве у Татищевой крепости. Пушкин ввел одно из этих свидетельств в текст пятой главы книги: «Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения» (IX, 48).

В архивах сохранились документы, которые с большей подробностью, нежели рассказ Бунтовой, воссоздают события 23 марта в Бердской слободе. Яицкий казак Максим Шигаев, один из ближайших сподвижников Пугачева, старший судья Военной коллегии и главный интендант повстанческого войска, рассказывал на следствии,

что в тот день Пугачев принял решение оставить Бердскую слободу, обойти наступающие к Оренбургу неприятельские войска и, следуя со своей конницей неприметными степными дорогами вдоль Самарской линии, мимо крепостей Переволоцкой и Сорочинской, попытаться выйти к Яицкому городку. Перед выступлением в поход Пугачев приказал Шигаеву раздать всю денежную казну (до 4000 руб.) по полкам, «тож и все бывшее тут вино распоить, которого было бочек с сорок. Как же он, Шигаев, зачал раздавать командирам на их команды деньги, и роздал не больше как половину, а между тем выкачены были с вином бочки, к которому весь почти народ бросился в безпорядке, и подняли великий крик, то самозванец, усмотря сие, приказал яицким казакам выбивать из бочек дны и, опасаясь, чтобы князь Голицын с войском не нашел на них в таком беспорядке, приказал с крайним поспешением выходить всем в поход»[60]. Аналогичные сведения содержатся в протоколе показаний пугачевского полковника Тимофея Падурова[61].

Что же касается свидетельства Бунтовой об ограблении жителей Бердской слободы «оренбурцами» — гарнизоном и обывателями Оренбурга, то подтверждение этому Пушкин нашел в «Хронике» П. И. Рычкова, который, ссылаясь на городские слухи, сообщал: «Между тем носился в городе слух, что в Берде городскими людьми учинены были великие грабительства и хищения и якобы многие пожитки, в руках злодеев находившиеся, разными людьми вывезены в город» (IX, 327)[62]. Эпизод с ограблением Бердской слободы в «Истории Пугачева» не использован, что, возможно, продиктовано было цензурными соображениями, как справедливо полагает Н. В. Измайлов[63].

От Бунтовой узнал Пушкин о некоторых обстоятельствах сватовства и женитьбы Пугачева на яицкой казачке Устинье Петровне Кузнецовой (бракосочетание состоялось 1 февраля 1774 г. в Петропавловской церкви Яицкого городка): «Пугачев в Яицке сватался за ...[м], но она за него не пошла.— Устинью Кузнецову взял он насильно, отец и мать[н] не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем» (IX, 497). Рассказ Бунтовой лег в основу описания

[м] В автографе оставлен пробел для имени, но оно не вписано.
[н] Матери Устиньи Кузнецовой в то время уже не было в живых.

сцены сватовства в пятой главе «Истории Пугачева»: «Пугачев в Яицком городке увидел молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился в нее. Он стал ее сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: „Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня (Екатерина II.— *Р. О.*) еще здравствует?» (IX, 45). Помимо сообщения Бунтовой, Пушкин располагал сведениями о женитьбе Пугачева и по другим источникам. Упоминания об этом событии поэт встретил в «Журнале Симонова» (IX, 502), биографических записках отставного секунд-майора Н. З. Повало-Швыйковского (IX, 500) и «Хронике» П. И. Рычкова (IX, 306, 319). Но всем этим источникам, неприязненно характеризующим Устинью Кузнецову, Пушкин предпочел простодушный рассказ Бунтовой.

В распоряжении современного исследователя находятся такие документальные источники, как протоколы показаний Пугачева, его соратников, Устиньи Кузнецовой и ее родственников, благодаря которым удается не только выявить отдельные неточности рассказа Бунтовой (упоминание о матери Устиньи, а также о некоей яицкой казачке, которую Пугачев хотел будто бы взять в жены незадолго до сватовства к Устинье) °, но и полнее представить картины сватовства и женитьбы Пугачева в Яицком городке.

Пугачев рассказывал на следствии, что совет о женитьбе на казачке в Яицком городке дали ему ближние его люди Андрей Овчинников, Михаил Толкачев, Никита Каргин, Денис Пьянов и др. Сам он, Пугачев, поначалу отказывался от этого, опасаясь, что женитьба на простой казачке подорвет веру народа в него как в истинного «императора»: «Естли я здесь женюсь, то Россия мне не поверит, что я царь». На то казаки ответили: «Когда-де мы поверили, так, конешно, и вся Россия поверит, а за то больше, что мы — славныя яицкия казаки». Пугачев согласился с этим доводом и, назначив сватами Ивана Почиталина, Михаила Толкачева и жену его Аксинью, послал их «невесту присматривать», предварительно сообщив им, что ему приглянулась девушка, 17-летняя

° Эти неточности могли быть связаны с тем, что Бунтова, проживая в дни восстания в Нижне-Озерной крепости, не была очевидицей женитьбы Пугачева, происходившей в Яицком городке, и сведения об этом имела от вторых-третьих лиц.

Устинья Кузнецова, которую он недавно видел на девичнике. Возвратившись к Пугачеву, сваты сказали, что лучше Устиньи они никого не нашли и она «очень хороша девка». Пугачев снова послал сватов в дом к Петру Кузнецову, чтобы сказать ему: «Если отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласитца, так силою не возьму». Потом и сам Пугачев поехал туда, снова увидел Устинью, и она ему «показалась». Обратившись к ее отцу, Пугачев сказал: «Войско-де Яицкое налегло на меня, чтоб я женился, а я приехал к тебе посвататца. А окроме-де твоей дочери, лутче я нигде не нашел. Отдашь ли за меня или откажешь?» Кузнецов согласился. «А на другой день была свадьба». Сваты заявили Пугачеву, что Устинья «такому благополучию рада» [64].

В ином свете представлено это событие в протоколе следственных показаний Устиньи Кузнецовой. Она рассказала, что противилась сватовству, пыталась прятаться от посланцев Пугачева. Но дело решилось, когда в дом Кузнецовых явился сам Пугачев. Устинью вывели к нему, и он, сказав, что она «очень хорсша», воскликнул: «Поздравляю тебя царицею!» — и одарил ее серебряными деньгами. Отец дал согласие на бракосочетание, но Устинья была в отчаяньи и «в великих слезах». Она и во время сватовства и после свадьбы сомневалась в том, что муж ее — подлинный «царь». Однажды, обратившись к Пугачеву, Устинья сказала: «Подлинно ли-де ты государь, и я сумневаюсь в том, потому что ты женился на казачке. И как-де я вижу, что ты меня обманул, ибо ты — человек старой, а я молодехонька». На это он сказал: «Я-де со временем бороду-то обрею и буду моложе». Устинья, зная, что казаки не любят брить бород, говорила: «Так казаки любить не будут!» А Пугачев отвечал: «Потому-то я и сам оной веры не люблю, что бороду брить, а зделаю-де угодность разве тебе одной». Потом Устинья сказала, что он имеет государыню: «Как же ее бросить? Вить и то не водится, чтоб иметь две жены!» На что Пугачев сказал: «Какая она мне жена, когда с царства сверзила! Она мне злодейка» [65].

Отец Устиньи, отставной казак Петр Михайлович Кузнецов, говорил на следствии, что он сам не был рад замужеству своей дочери и, дав вынужденное согласие на этот брак, он «плакал горько о том, что она еще молодехонька и принуждена итти замуж неволею, хотя и за государя, и

о том, что некому будет обшить и обмыть; а старухи не имеет»[66]. За противника замужества Устиньи выдавал себя и ее брат Егор Кузнецов. Он говорил следователям на допросе, что, узнав о сватовстве Пугачева к Устинье, он «скрывал было ее у себя и по посторонним людям. Однакож, как начали они меня устращивать смертию, тогда я ее уже им объявил, с которого времени и сам Пугачев в дом к нам смотреть ее выходил. А на другой день оную за себя взял, и в церкви святых апостол Петра и Павла обвенчался»[67].

Вполне возможно, что Устинья Кузнецова, ее отец и брат, осуждая задним числом женитьбу Пугачева, исходили при этом из учета несчастливо сложившейся ныне, в дни следствия над ними, ситуации: дело Пугачева было проиграно, а потому они, желая смягчить тяжесть своей вины в невольном родстве с предводителем восстания, стремясь облегчить ожидавшее их наказание, указывали на Пугачева как на единственного виновника их семейной трагедии.

Некоторые из сподвижников Пугачева заявляли на следствии, что его женитьба на простой казачке подорвала веру в то, что их предводитель — подлинный император Петр III. С тех пор они стали ясно осознавать, что он — самозванец. Об этом говорили в своих показаниях полковник Тимофей Падуров[68], секретари Иван Почиталин[69] и Максим Горшков[70], а также и другие видные пугачевцы. Но красноречивее всего, пожалуй, высказался по этому поводу Тимофей Мясников: когда Пугачев возвратился из Яицкого городка в Берду, то «объявил всему войску, что он, будучи на Яике, женился на тамошней казачьей дочери Устинье Петровне, а потому и приказывал всем ее признавать и почитать за царицу. Тогда все старики о сем задумались, да и все войско тем были недовольны, что он на сие поступил. И тогда навела на некоторых сия его женитьба сумнение такое, что государи на простых никогда не женятся, а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь. Так, по примеру сему, и ему бы надобно было, по завладении уже государством, такую же взять. А другие говорили, что хотя царь и волен какую хочет, такую возьмет, да он-де имеет жену, которая здравствует, а закон-де запрещает от живой жены жениться, и когда бы уже всем царством завладел, то и тогда бы не ушло жениться. И так с самаго сего времяни пропала у них и охота рев-

ностно и усердно ему служить, и у всех так, как руки опустились, и заключали, что со временем из сего выдет что-нибудь худое, а хорошего не будет. Он же, Мясников, в мыслях своих судил о сем, что самозванец зделал худо, однакож не преставал щитать ево государем и старался ему служить верно из одного усердия, а не для какого-либо награждения»[71]. Следует указать на то, что, по мнению Мясникова да и ряда других видных пугачевцев, Устинья Кузнецова не могла быть женой подлинного монарха, ибо она простая казачка, а не царская или королевская дочь. И точно такое же суждение высказано в воспоминании Бунтовой: Устинья — «простая казачка, не королевна, как ей быть за государем» (IX, 497).

Глава IV

В КРЕПОСТИ НИЖНЕ-ОЗЕРНОЙ

С косогора дорога уходила вниз, в широкую и покатую к югу лощину. У дальнего ее края — сквозь купы прибрежной рощицы — свинцово светились воды Урала. Река, изгибаясь, омывала подножие крутого утеса. Его отвесные стены пестрели серыми космами бурьяна, осыпями камня-галечника, отвалами бурой глины. На плоской вершине кручи, за покосившимся тыном, виднелись казачьи дома и казенные строения, одиноко высился темный от древности и непогоды шатер деревянной церкви.

Разглядывая эту картину, тронутую красками осени, Пушкин вспомнил, наверное, описание Нижне-Озерной крепости в повести некоего А. К., напечатанной в «Невском альманахе на 1832 год»: крепость была невелика, казачьи дома в ней «маленькие, низенькие, по большей части сплетенные из прутьев, обмазанные глиною, покрытые соломою и огороженные плетнями», и кроме этих «избушек на курьих ножках» крепость имела «старую деревянную церковь, довольно большой и столь же старый дом крепостного начальника, караульню и длинные бревенчатые хлебные магазейны. К тому же крепость наша с трех сторон была обнесена бревенчатым тыном с двумя воротами и с востренькими башенками по углам, а с четвертой стороны плотно примыкала к уральскому

берегу, крутому, как стена, и высокому», как церковный собор[1]. В повести рассказывалось о событиях, происходивших в Нижне-Озерной крепости в дни Пугачевского восстания. С той поры до приезда туда Пушкина прошло 60 лет, и время оставило здесь свои приметные следы: ушли из жизни многие очевидцы восстания, еще больше обветшали строения крепости, да и сама Нижне-Озерная именовалась уже не крепостью, а казачьей станицей.

Еще до приезда в Нижне-Озерную Пушкин знал об обстоятельствах взятия этой крепости Пугачевым и о других событиях, бывших здесь в дни восстания. Сведения об этом он почерпнул из архивных документов Секретной экспедиции Военной коллегии и из воспоминаний очевидцев. В тетрадях поэта уже собраны были выписки из донесений губернатора И. А. Рейнсдорпа, конспекты журнала Оренбургской губернской канцелярии, «Хроники» П. И. Рычкова и других документов, освещающих происшествия в Нижне-Озерной крепости при Пугачеве (IX, 177, 214, 514, 618, 633, 648, 762, 772—773, 778)[2]. Свежи были в памяти Пушкина рассказы о тех событиях, услышанные в Бердской станице от Ирины Афанасьевны Бунтовой.

Пушкин приехал в Нижне-Озерную 20 сентября 1833 г. во второй половине дня и тотчас явился к начальнику станицы — станичному атаману, ибо только он мог разрешить и устроить встречу со старожилами — очевидцами Пугачевского восстания — и показать памятные места того времени в бывшей крепости. Атаманом Нижне-Озерной станицы в 1833 г. был зауряд-сотник Василий Иванович Агапов[3]. Он и созвал старых казаков в станичную избу для беседы с Пушкиным.

Имя одного из участников беседы удалось установить, опираясь на дорожные записи поэта и документы Оренбургского архива. В бумагах Пушкина, в записи рассказов очевидцев, освещающих взятие Нижне-Озерной крепости Пугачевым, выделяются известия о местном жителе Киселеве. Они носят характер семейных преданий: Киселев состоял в духовном родстве с комендантом премьер-майором З. И. Харловым[a] и был свидетелем его гибели при взятии крепости пугачевцами (IX, 495). Киселев — реально существовавшее лицо. По архивным документам

---

[a] Харлов и Киселев были кумовьями; Харлов крестил одного из детей Киселева.

70-х годов XVIII в. известен отставной казак Степан Киселев [4], он учтен, в частности, в числе жителей Нижне-Озерной крепости по списку, составленному 9 апреля 1774 г. в походной канцелярии генерал-майора П. Д. Мансурова [5]. Возникло предположение, что либо сам Степан Киселев, либо кто-то из его детей могли быть собеседниками Пушкина. Обращение к ревизской переписи жителей Нижне-Озерной станицы, проводившейся 16 апреля 1834 г., помогло точно установить, что упомянутый там 65-летний казак Иван Степанович Киселев [6] был собеседником Пушкина [7]. В 1773—1774 гг., при Пугачеве, Иван Киселев был 4—5-летним мальчиком и вряд ли мог сохранить в памяти связные представления о том времени, но, подрастая в атмосфере постоянных воспоминаний о тех событиях, которые происходили в Нижне-Озерной крепости во время восстания, он многое узнал из рассказов своего отца, старших родственников и земляков. Эти воспоминания, одни из самых примечательных для семьи Киселевых, стали частью личной его, Ивана Киселева, биографии.

Опираясь на данные о жителях Нижне-Озерной, учтенных «мансуровским» именным списком 1774 г. и ревизской переписью 1834 г., следует предположительно указать и других собеседников Пушкина. Мог поделиться с ним семейными преданиями о «Пугачевщине» 66-летний отставной казак татарин Гали Бикбов Усманов [8], отец которого казачий капрал Бикбай Усманов был казнен пугачевцами по взятии ими Нижне-Озерной крепости. Думается, что именно он, Гали Усманов, беседуя с Пушкиным, мог пояснить, что не был при смерти отца, «...не видел я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился» (IX, 496). К числу предполагаемых собеседников поэта следует, по-видимому, отнести и 68-летнего отставного казака Игнатия Ефимовича Яковлева [9], который мог осветить отдельные эпизоды Пугачевского восстания, опираясь как на свои смутные детские воспоминания (ему в то время было 7—8 лет), так и на рассказы отца Ефима Яковлева и его брата казачьего капрала-пугачевца Степана Яковлева (оба они учтены «мансуровским» списком 1774 г.) [10]. Да и сам 46-летний станичный атаман Василий Агапов, принимавший Пушкина, многое, видимо, знал о восстании по рассказам старших сородичей казаков Михаила, Игнатия и Фрола Агаповых [11], а также со слов своей матери Марфы Сергеевны Агаповой. Сохранилось

предание, что, по-видимому, эта 72-летняя казачка спела Пушкину песню о событиях Пугачевского движения («Из Гурьева городка протекла кровью река. Из крепости из Зерной...»), начальные строки которой поэт внес в дорожную записную книжку (IX, 493)[12], а позднее использовал в одном из примечаний к тексту «Истории Пугачева» (IX, 100). Марфа в дни восстания была 12-летней девочкой, и она вместе с другими жителями Нижне-Озерной крепости «подходила к руке Пугачева», принося ему присягу в верности[13]. Пушкин одарил платками М. С. Агапову и другую свою собеседницу старую казачку Пальгуеву — так рассказывал об этом в конце XIX в. оренбургский старожил генерал-майор В. В. Агапов — внук М. С. Агаповой, беседуя с краеведом С. Н. Севастьяновым[14].

Следует заметить, что в Нижне-Озерной крепости в 1833 г. не было, пожалуй, ни одной казачьей семьи, в которой не сохранилось бы преданий о Пугачевском восстании, переданных стариками-очевидцами, большинство которых ушло из жизни в первые десятилетия XIX в.

Рассказы о взятии Нижне-Озерной крепости Пугачевым

В пушкинских записях рассказов очевидцев много внимания уделено коменданту Нижне-Озерной крепости премьер-майору Захару Ивановичу Харлову. Этот офицер не раз упоминается на страницах «Истории Пугачева». В повести «Капитанская дочка» сообщается как прапорщик Петр Гринев, пораженный неожиданной вестью о взятии Нижне-Озерной пугачевцами и казни ими коменданта и всех офицеров крепости, вспоминает: «Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича» (VIII, 319).

Небезынтересно будет привести биографические данные о Харлове, установленные по формулярным спискам и другим архивным документам. Харлов родился в 1731 г. в семье священника, в военную службу вступил в 1753 г., был унтер-офицером, через четыре года дослужился до вахмистра. В Семилетней войне участвовал в боевых операциях против прусской армии в кампаниях 1757—1762 гг. и, в частности, был в кровопролитных сражениях

под Цорндорфом (14. VIII. 1758), Пальцигом (12. VII. 1759) и Кунерсдорфом (1. VIII. 1759). С того времени он служил корнетом, а затем адъютантом Третьего кирасирского полка. Формулярные списки отмечали, что Харлов «грамоте — читать и писать — умеет, а протчих наук не знает» и «в штрафах и под судом не бывал»; ему была дана хорошая офицерская аттестация: он «в должности звания своего прилежен, от службы не отбывает, подкомандных своих содержит и военной экзерциции [б] обучает порядочно и к сему тщание имеет; лености ради, больным не рапортовался и во всем себя ведет так, как надлежит исправному офицеру, и как по чину своему опрятен, так и никаких от него непорядков не происходит; таких пороков, которые по указу Государственной военной коллегии 1756 г. генваря 29 дня написаны,— не имеет; для чего, по усердной его службе, к повышению чина достоин в кирасирские полки» [15]. С такими аттестациями мог сделать хорошую карьеру не только дворянин, но и «попов сын». В августе 1770 г. Харлов получает первый штаб-офицерский чин, производится в секунд-майоры и год спустя переводится на службу в Санкт-Петербургский карабинерный полк [16]. С этим полком он в 1771—1772 гг. участвовал в военных действиях против польских конфедератов, был в боях под Ченстоховом, Люблином и Краковом и особо отличился при разгроме отрядов Пулавского и Мазовецкого летом 1772 г. [17] В августе 1772 г. Харлов по указу Военной коллегии был награжден чином премьер-майора и переведен на службу в гарнизонные войска Оренбургской губернии [18], а вскоре по прибытии туда назначен комендантом Нижне-Озерной крепости.

Последующие факты биографии Харлова устанавливаются как по пушкинским дорожным записям, так и по архивным документам, отчасти известным Пушкину. Будучи в Татищевой крепости, поэт узнал от 83-летней казачки Матрены Дехтяревой [19], что Харлов весной 1773 г. женился на Елизавете Елагиной — дочери коменданта Татищевой крепости полковника Григория Мироновича Елагина: «Лизавета Федоровна [в] Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною.— Она была красавица, круглолица и невысока ростом» (IX, 495). О женитьбе Харлова Пушкин знал и из других источников: из «Хроники»

[б] Экзерциция — воинское учение.
[в] Ошибка в отчестве; правильно: Григорьевна.

П. И. Рычкова (IX, 217) и из анонимной иностранной записки «История восстания Пугачева» (IX, 100—101, 804). Собеседник из Нижне-Озерной, а им был, видимо, упомянутый выше Иван Степанович Киселев, рассказал Пушкину: «Из Озерной Харлов выслал жену свою [за] 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и все добро спрятал в подвале у Киселева» (IX, 495). Факты эти введены во вторую главу «Истории Пугачева»: «Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне» (IX, 18), а сообщение об имуществе, укрытом Харловым в доме у казака Киселева, Пушкин использовал в последующем тексте той же главы.

Касаясь событий в Нижне-Озерной крепости накануне приступа к ней войска восставших, рассказчик поведал Пушкину о том, что «Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харлов (хмельной) остался с малым числом гарнизонных солдат» (IX, 495). Эти данные вошли в «Историю Пугачева»: «Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат» (IX, 18). В тексте «Истории» не учтено, однако, свидетельство современника о том, что Харлов был в тот день «хмельной». Мотив изъятия этого свидетельства приведен Пушкиным в «Замечаниях о бунте», посланных к Николаю I в качестве приложения к напечатанной «Истории Пугачева»: «Бедный Харлов, накануне взятия крепости, был пьян; но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти» (IX, 371). Но и отказавшись от включения этого свидетельства о Харлове в книгу, Пушкин ни в коей мере не сомневался в истинности показания своего собеседника [20].

Состояние Харлова накануне приступа повстанцев к крепости выразительно передает подлинный его рапорт, посланный к бригадиру Х. Х. Билову в половине 12-го часа ночи 25 сентября 1773 г. Харлов сообщал, что посланными им лазутчиками захвачены три пугачевца, один из которых показал при допросе, что повстанцами «Рассыпная крепость взята [г] и комендант Веловский убит, а посланную отсель роту [д] также взяли, и все то их войско находится от Озерной крепости в семи верстах».

[г] Пугачев взял Рассыпную крепость 25 сентября 1773 г.

[д] Речь идет о команде капитана П. И. Сурина. Он был послан с ротой гарнизонных солдат и сотней казаков из Нижне-Озерной крепости в Рассыпную.

Рапорт заканчивался словами: «Я за непоспешением ко мне сикурса[е] в крайней опасности нахожусь, о чем от меня чрез нарочно послано[ж] уже дано знать, что тот неприятель от Разсыпной крепости сюда следует и, уповаю, что неприятель сюда может вскорости прибыть»[21]. Рапорт написан писарем, а подписан Харловым, причем подпись его выведена дрожащей рукой, и трудно сказать, то ли Харлов был нетверд в грамоте и худо писал, то ли взволнован опасностью, то ли действительно был во хмелю. Пушкину был известен рапорт Харлова по кратким его изложениям, приведенным в журнале Оренбургской губернской канцелярии (IX, 514) и в «Хронике» П. И. Рычкова (IX, 214), но они не сообщили ряд существенных фактов и лишены были тех эмоциональных красок, которые присущи оригиналу рапорта.

Рассказывая о событиях 25 сентября, собеседник Пушкина припомнил еще один эпизод с Харловым: «Он с вечеру начал палить из пушек.— Билов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.) и воротился, полагая, что Пугачев уже крепость взял» (IX, 495). Рассказ этот использован в «Истории Пугачева», где объяснен и мотив действия Харлова: «Ночью на 26 сентября вздумал он, для их (солдат.— *Р. О.*) ободрения, палить из двух своих пушек и сии-то выстрелы испугали Билова и заставили его отступить» (IX, 18)[з].

Карательный отряд бригадира Билова был сформирован 23—24 сентября в Оренбурге; в состав отряда вошли 200 армейских и гарнизонных солдат с офицерами, 150 оренбургских казаков и 60 конных калмыков; Билову была выделена 6-орудийная батарея с канонирами. Отправляя Билова на защиту прияицких крепостей и для разгрома Пугачева, губернатор Рейнсдорп выражал надежду «на достоинство и мужество» бригадира и на то, что он использует все способы, чтобы с повстанцами — «с сими злодеями так поступить, как с неприятелями»[22]. Утром 25 сентября Билов вступил в Татищеву крепость, а в полдень направился к Нижне-Озерной и на полпути к ней, достигнув к вечеру Чесноковского форпоста, остановился

[е] Сикурс — военная помощь.
[ж] Так в оригинале; нужно: посланного.
[з] Рассказывая несколькими строками выше о той же экспедиции Билова, Пушкин писал: «Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную, но в пятнадцати верстах от оной, услышав ночью пушечные выстрелы, оробел и отступил» (IX, 18).

на короткий привал. Здесь-то он получил от нарочно посланного казака сообщение Харлова о том, что «неприятель в трех тысячах[и] покинул Рассыпную и следует к Озерной». Это известие заставило Билова отменить дальнейший поход к Нижне-Озерной, и он «принужденным себя нашел возвратитца в Татищеву крепость». Свое отступление он объяснял соображениями военной тактики: отход в Татищеву необходим, «чтоб неприятель не мог меня в степе окружить и остановить, чтоб, верно, и было. А х тому ж позади меня крепости ослаблены людьми. Да и к тому ж он (неприятель.— *Р. О.*) столько наших имеет в полону, сколько моя команда сильна, то я азартовать людей не осмелился, чтобы вовсея всех, по ево великолюдству, не потерять, да и последния крепости оборонить некому бы было». Рапорт этот, посланный утром 26 сентября из Татищевой крепости к Рейнсдорпу, Билов заключил просьбой прислать новую команду «во множественном числе, чтоб соответствовала» силам Пугачева, и «чтоб он еще более не усилился и в губернии страхов не наделал»[23]. В ответ на это Рейнсдорп в тот же день приказал послать к Билову ордер «с выговором, учиненным за то, что он, будучи близь Озерной крепости, возвратился в Татищеву, и велено ему с командой немедленно следовать к той Озерной крепости и далее»[24].

Пушкин знал рапорт Билова и ордер Рейнсдорпа по их кратким изложениям в журнале Оренбургской губернской канцелярии (IX, 513—514) и в «Хронике» Рычкова (IX, 214). В библиотеке поэта хранится книга «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова», где сообщается: «Вскоре выступил бригадир Билов из оной (Татищевой крепости.— *Р. О.*) навстречу злодею, но неизвестно от чего опять в крепость возвратился»[25]. Слова «но неизвестно от чего опять в крепость возвратился» Пушкин подчеркнул, а на поле сбоку написал, отчего именно так поступил Билов: «от трусости»[26]. В «Замечаниях о бунте» Пушкин отнес Билова к числу тех военачальников из немцев, «которые были в бригадирских и генеральских чинах, действовали слабо, робко, без усердия» (IX, 375).

Собеседник из Нижне-Озерной рассказал Пушкину о

[и] В действительности в войске Пугачева в то время было не более 500 человек.

сцене, происшедшей в стане Пугачева перед штурмом крепости: «Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его.— Ваше царское величество, не подъезжайте, неравно из пушки убьют.— Старый ты человек, отвечал ему Пугачев, разве на царей льются пушки?» (IX, 495). Частный, казалось бы, эпизод, случайный разговор рядового повстанца с предводителем восстания, но он отражал отношение народа к «царю-избавителю», наивную веру в истинность новоявленного «императора Петра Федоровича». Характерна и позиция Пугачева, который всегда умело поддерживал легенду о «царском» своем происхождении, а в данном случае продемонстрировал это опасным молодечеством перед жерлами неприятельских пушек. Пушкин почти дословно привел этот эпизод в «Истории Пугачева»: «Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. „Берегись, государь“, сказал ему старый казак, „неравно из пушки убьют“.— „Старый ты человек“, отвечал самозванец: „разве пушки льются на царей?“» (IX, 18). Исследователи рассматривают это предание как характерный эпизод чисто народного, фольклорного стиля и как счастливую находку Пушкина [27]. Необходимо заметить, что предание это имеет под собой реальную историческую основу, документально отраженную в протоколе допроса видного пугачевца Тимофея Мясникова. Он показал, что казаки во время сражений «поощряемы» были «смелостью и проворством» Пугачева, который «всегда был сам напереди, нимало не опасаясь стрельбы ни из пушек, ни из ружей. А как некотория из ево доброжелателей уговаривали ево иногда, чтоб он поберег свой живот, то он на то говаривал: „Пушка-де царя не убьет! Где-де ето видано, чтоб пушка царя убила?“» [28] Налицо несомненное сходство рассказа пушкинского собеседника со следственным показанием Мясникова.

Утром 26 сентября 1773 г. войско Пугачева овладело Нижне-Озерной крепостью. Рассказ местного старожила, записанный Пушкиным, так изображал это событие: «Харлов приказывал стрелять — никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю.— Потом подбежал и к другой пушке — но в сие время бунтовщики ворвались» (IX, 495). Этому рассказу и следовал Пушкин в «Истории Пугачева»: «Харлов бегал от одного солдата к другому, и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки

и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость...» (IX, 18).

Сообщения о взятии Нижне-Озерной Пугачевым, имеющиеся в других источниках: в «Хронике» Рычкова (IX, 214), журнале Оренбургской губернской канцелярии (IX, 514) и в рапортах губернатора Рейнсдорпа в Военную коллегию (IX, 618, 772—773),— были крайне скупы и не могли чем-либо дополнить рассказ очевидца, использованный Пушкиным.

Следует заметить, что обстоятельства взятия Нижне-Озерной крепости не получили подробного освещения в протоколах показаний Пугачева и ближайших его сподвижников. В архиве удалось обнаружить одно лишь подробное свидетельство очевидца о взятии Нижне-Озерной — показание местного казака-пугачевца Бикмурата Ниязова. При допросе 15 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии он рассказал: «Как известие в Озерной крепости подано было, что злодей атаковал Разсыпную крепость, то комендант майор Харлов, командировав в помощь той крепости при капитане Сурине регулярную команду и Озерной крепости казаков, расположил оставших людей по флангам и по стенам, приняв притом во всем предосторожность, уведав же, что Пугачев как Разсыпную крепость взял, так команду из Озерной крепости разбил. На другой день поутру и к Озерной в великом числе людей показался, и вдруг всею злодейскою толпою зделали нападение. И только лишь один раз успел комендант с своего бастиона выпалить из пушки, как они в крепостныя ворота ворвались» [29]. Показание Бикмурата Ниязова во многом совпадает, как видно, с рассказом собеседника Пушкина.

Овладев Нижне-Озерной, повстанцы расправились с командным составом гарнизона крепости. Вот что рассказал об этом Пушкину его собеседник: пугачевцы, ворвавшись в крепость, «Харлова поймали и изранили. Вышибленный ударом копья глаз у него висел на щеке.— Он думал откупиться, и повел казаков к избе Киселева.— Кум дай мне 40 рублей, сказал он. Хозяйка все у меня увезла в Оренбург. Киселев смутился.— Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала в ноги, говоря: Государи, я невеста, этот сундук мой. Казаки его не тронули. Потом повели Харлова и с ним 6 человек вешать в степь. Пугачев сидел перед релями — принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев

был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство[к], взошед на лестницу спросил равнодушно: какую петлю надевать? — Надевай какую хочешь, отвечали казаки — (не видел я сам, а говорили другие, будто бы он тут перекрестился)» (IX, 495—496). Рассказ этот — с некоторыми коррективами — лег в основу описания события в «Истории Пугачева»: заняв крепость, пугачевцы «бросились на единственного ее защитника, и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться, и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить, и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю» (IX, 18—19).

Из воспоминаний очевидца не вошел в «Историю Пугачева» рассказ о Киселеве и его дочери. Существенно изменена в книге трактовка эпизода с казнью Харлова: неумолимость в расправе с ним выказали яицкие казаки, а не Пугачев; подчеркнуто мужество приговоренных к смертной казни.

Полнее, нежели в воспоминаниях очевидца, перечислены в «Истории Пугачева» люди, казненные восставшими в Нижне-Озерной. Источником этих сведений послужил приложенный к рапорту Рейнсдорпа в Военную коллегию «Реэстр убитым от самозванца людям», где сообщалось, что «В Нижне-Озерной [крепости] комендант Харлов, прапорщики Фигнер[30], Кабалеров[31], комендантской писарь Скопин[32], казачий капрал Бикбай[33] повешены» (IX, 778).

Как при изображении данного происшествия, так и при описании других событий в Нижне-Озерной Пушкин пользовался по преимуществу местными преданиями (ос-

[к] Возможно, что капрал Бикбай Усманов командовал теми лазутчиками, которые накануне взятия Нижне-Озерной проникли в лагерь Пугачева, захватили в плен трех повстанцев и доставили их в крепость к Харлову; об этой операции Харлов упомянул в своем рапорте от 25 сентября 1773 г.

ковным рассказчиком, видимо, был казак Иван Степанович Киселев), а немногие известные письменные источники, содержащие скупые, а подчас и неточные сведения, привлекал изредка для дополнений в тех случаях, когда в устных свидетельствах не находил необходимых ему фактов [34]. Следует к тому же заметить, что рассказы пушкинского собеседника содержали вполне достоверную информацию, подтверждаемую как следственными показаниями пугачевцев, так и свидетельствами других источников.

В «Истории Пугачева» Пушкин не использовал запись, основанную на показаниях очевидца из Нижне-Озерной. В записи говорится: «Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам [а], то народ не успевал за ним бегом» (IX, 496). Это наблюдение нашло подтверждение в свидетельстве видного вожака восставших, члена пугачевской Военной коллегии яицкого казака Максима Григорьевича Шигаева, который, характеризуя Пугачева, показал, что он отличался «лехкостию походки» [35].

История сержанта Кальминского

В бумагах Пушкина записан подробный рассказ его собеседника из Нижне-Озерной крепости о сержанте Дмитрии Кальминском, служившем секретарем у Пугачева (IX, 496). Но еще месяцев за семь до посещения Нижне-Озерной поэт знал об этом сержанте из документальных источников.

В конце февраля 1833 г. Пушкин получил из Военного министерства два архивных дела Секретной экспедиции Военной коллегии с документами о Пугачевском восстании. В первом из этих дел среди различного рода донесений и распоряжений находилось письмо казанского губернатора генерал-аншефа Я. Л. Бранта, отправленное 3 октября 1773 г. московскому генерал-губернатору князю М. Н. Волконскому. Брант писал о действиях пугачевцев под Оренбургом и сообщал также, что «от проезжающих от Оренбурга партикулярных людей слухи носятся», будто Пугачев некоего «беглого из гарнизона сержанта

[а] Провиантские склады в Нижне-Озерной крепости, «длинные бревенчатые хлебные магазейны», упомянутые А. П. Крюковым в «Рассказе моей бабушки» (Невский альманах на 1832 год. СПб., 1832, с. 258).

принял к себе в секретари»[36]. Свидетельство о нахождении в стане Пугачева столь загадочной фигуры не прошло мимо внимания Пушкина, он внес в свою тетрадь заметку о том, что Пугачев «беглого сержанта принял к себе в секретари» (IX, 619).

Второе упоминание об этом сержанте, свидетельствующее о финале его службы у Пугачева, было обнаружено Пушкиным среди документов второго дела Секретной экспедиции, в «Реэстре убитым от самозванца людям», посланном 25 ноября 1773 г. в Военную коллегию при рапорте оренбургского губернатора Рейнсдорпа. В реестре сообщалось, что среди лиц, казненных по взятии Татищевой крепости (27 сентября 1773 г.), «шестой полевой команды[м] сержант Кальминской удавлен и брошен с камнем в воду»[37]. И хотя здесь не упоминалось, что сержант Кальминский исполнял обязанности секретаря при Пугачеве, ясно было, что речь шла именно о нем. Пушкин учел сообщение реестра в своей тетради краткой записью: «Серж[ант] Кальминский удавлен и брошен с камнем в воду» (IX, 779). Никаких других сведений о Кальминском Пушкин не нашел в последующих восьми делах Секретной экспедиции, присланных ему из Военного министерства 29 марта 1833 г.

Обнаруженные Пушкиным архивные данные о Кальминском были скудны по содержанию и недостаточны для того, чтобы ввести этот персонаж в «Историю Пугачева». Необходимо было получение новых, более содержательных источников об этом случайном сотруднике Пугачева. И один из таких источников Пушкину удалось найти во время путешествия осенью 1833 г. в Оренбургский край. В Нижне-Озерной станице он встретился со старожилом, рассказавшим ему местное предание о появлении в лагере Пугачева сержанта Кальминского (в рассказе он неточно назван Карницким), о недолгой его службе в секретарях у предводителя восстания и, наконец, о казни его в Татищевой крепости. Тогда-то в дорожной записной книжке поэта и появилась краткая заметка: «Карницкий. Илецкий городок» (IX, 493), сделанная, как полагают специалисты, не Пушкиным, а рукой неизвестного его собеседника. С его слов Пушкин записал подробные воспоминания о Кальминском: «Под Илецким городком хо-

---

[м] В действительности Кальминский служил в 7-й легкой полевой команде.

тел он повесить Дмитрия Карницкого, пойманного с письмами от Симонова к Рейнсдорпу. На лестнице Карницкий, обратясь к нему, сказал: Государь, не вели казнить, вели слово молвить.— Говори, сказал Пугачев.— Государь, я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нёс. Прикажи себе служить, и буду тебе верный раб.— Пустить его, сказал Пугачев, умеешь ли ты писать? — Умею, государь, но теперь рука дрожит.— Дать ему стакан вина, сказал Пугачев.— Пиши указ в Рассыпную. Карницкий остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральские казаки из ревности в Татищевой посадили его в куль да бросили в воду.— Где Карницкий, спросил Пугачев.— Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал.— Такова была воля яицким казакам! *В Озерной*» (IX, 496) [н]. Пушкин ввел эти данные, несколько сократив их, в третью главу «Истории Пугачева»: «Пугачев, в начале своего бунта, взял к себе в писаря сержанта Кармицкого [о], простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шее в воду. Пугачев о нем осведомился. *Он пошел*, отвечали ему, *к своей матушке вниз по Яику*. Пугачев, молча, махнул рукой». Заключительная ремарка рассказчика относительно своевольства яицких казаков учтена Пушкиным в той же третьей главе книги: «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца [п], не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной» (IX, 27).

В 1836 г., два года спустя после выхода в свет «Истории Пугачева», Пушкину удалось приобрести рукопись записок полковника М. Н. Пекарского (IX, 598—616), по-иному освещающих историю Кальминского. Пушкин собирался, как известно, использовать записки Пекарского и другие документальные и мемуарные источники, полученные им в 1835—1836 гг., при подготовке второго из-

[н] Рассказ этот, как будет показано ниже, неточен в указании времени и места появления Кальминского в стане Пугачева.

[о] Пушкин неточно называл Кальминского то Кармицким, то Карницким.

[п] Прошлец — скиталец, бродяга. Возможно, впрочем, что Пушкин употребил это слово в значении — проныра, пройдоха, проходимец (*Даль В. И.* Толковый словарь. М., 1955, т. 3, с. 523).

дания «Истории Пугачева». Гибель поэта воспрепятствовала осуществлению этого замысла.

Современный исследователь располагает бо́льшим арсеналом исторических источников, нежели Пушкин, и может полнее воссоздать «пугачевскую» часть биографии Кальминского, опираясь на протоколы следственных показаний Пугачева, рукописи самого Кальминского и другие материалы.

Дмитрий Николаевич Кальминский был сержантом 7-й легкой полевой команды. В апреле 1772 г. 6-я и 7-я полевые команды вошли в состав карательного корпуса генерал-майора Ф. Ю. Фреймана, который был послан из Оренбурга к Яицкому городку на подавление восставших яицких казаков. В июне того же года, разгромив повстанцев в бою у р. Ембулатовки, корпус Фреймана вступил в Яицкий городок. Зачинщики и активные участники восстания были арестованы и отправлены для следствия в Оренбург. В целях пресечения новых выступлений казаков в Яицком городке расквартировали военный гарнизон в составе двух полевых команд во главе с подполковником И. Д. Симоновым [38].

В ЦГВИА удалось найти послужной список Дмитрия Кальминского, составленный 27 августа 1773 г., за три недели до Пугачевского восстания. В списке сообщается, что Кальминскому 21 год от роду, и, следовательно, родился он в 1752 г.; происходит он «из солдатских детей», в военную службу вступил в 1766 г., шесть лет спустя, в январе 1772 г., получил чин сержанта; «по-российски читать и писать умеет». За время службы Кальминский был «против мятежников — яицких казаков в сражении» [р]. Позднее, находясь в гарнизоне Яицкого городка, Кальминский допустил какой-то служебный проступок, что отмечено в списке записью: «За отлучку в непозволенное время с квартиры и за учиненные им, будучи в сей отлучке, непорядочные поступки штрафован тростью [с] и написан в рядовые», но в январе 1773 г. снова произведен в сержанты [39].

В середине сентября 1773 г. до Яицкого городка дошли слухи о появлении на степных хуторах беглого казака Пугачева, который, выдавая себя за «императора Петра Третьего», готовил с группой казаков новое воору-

[р] Речь идет о сражении корпуса генерала Фреймана с яицкими казаками-повстанцами 3—4 июня 1772 г. у р. Ембулатовки.

[с] «Штрафован тростью», т. е. бит офицерской тростью.

женное выступление. Комендант Яицкого городка подполковник Симонов отправил в прияицкие форпосты офицеров и верных казачьих старшин с командами, предписав им разыскать и арестовать Пугачева и его сторонников, разоблачая перед казаками самозванство новоявленного «Петра III». С таким поручением был послан и сержант Дмитрий Кальминский. При отъезде ему была вручена «Публикация» Симонова для обнародования ее среди казаков. В «Публикации» излагалась история похождений Пугачева (первое появление на Яике осенью 1772 г., попытка подговорить яицких казаков к бегству на Кубань, арест в Малыковке, побег из казанского острога в конце мая 1773 г., второе появление на Яике), сообщались его приметы, назывались его сторонники, говорилось о намерении Пугачева захватить Яицкий городок, а «когда воинская команда ево не примет, а сила ево не преодолеет, тогда купно с войском же ехать в Русь и также побудить оную, чтоб из степени доброго порядка и послушания вышла и к нему пристала и, сделавши в России замешательство, коснуться уже и к важной перемене». «Публикация» призывала казаков, чтобы они постарались найти Пугачева и, «поймав, представить, по долгу своей присяги, в комендантскую канцелярию связанного», угрожая вместе с тем строго наказать всех причастных к его поддержке и укрывательству [40].

В рассказе современника, записанном Пушкиным, говорится, что Кальминский был задержан пугачевцами под Илецким городком, при этом у него оказались письма от Симонова к губернатору Рейнсдорпу (VIII, 496). Поиному и, несомненно, ближе к истине освещено это событие в записках полковника М. Н. Пекарского: Симонов послал Кальминского к Гурьеву городку (а не к Оренбургу) с «открытым ордером», коим предписывалось, «буде узнает о месте проживания Пугачева, то бы старался поймать», однако сам Кальминский, «не доезжая до крепости Калмыковой, сообщниками Пугачева схвачен и привезен к нему. Пугачев оставил его при себе, письмоводителем» (IX, 600).

Свидетельство Пекарского подтверждается следственными показаниями Пугачева на допросах в Яицком городке и в Москве. Пугачев сообщил, в частности, что его казаки арестовали Кальминского 18 сентября 1773 г. «ниже Яицкаго городка», незадолго до первого приступа отряда восставших к городку, и что Кальминский был по-

слан от Симонова курьером в нижнеяицкие крепости и форпосты и далее до Астрахани[41]. Пугачев выразительно воспроизвел сцену встречи и разговора с Кальминским. Когда того представили Пугачеву, он осведомился: «Есть ли у него письма и куда он едет?». Кальминский, скрывая правду, ответил: «Я-де еду по форпостам, чтоб стояли караулы осторожно, для того, што-де орда пришла к Яику» [т]. Пугачев сказал: «Ну, коли ты за этим послан, поезжай». Кальминский отправился было в путь, но его подводчик, яицкий казак, предупредил пугачевского адъютанта Я. В. Давилина: «Этот-де сержант государя-та обманул, вить-де он везет указы во все места, чтоб государя-та везде ловить, и называют его не государем, а донским казаком Пугачевым». Кальминского снова представили Пугачеву, и он велел своему секретарю И. Я. Почиталину прочитать отобранные у сержанта бумаги, «в коих было написано, чтоб везде ловить его... и точно сказано о нем, что он — беглой донской казак Емельян Пугачев». Выслушав все это, Пугачев велел «изодрать и бросить» бумаги, а после, обратившись к собравшимся повстанцам, сказал: «Што Пугачова ловить? Пугачев сам идет в город, так пусть, коли я Пугачов, как оне называют, возьмут и свяжут; а коли я государь, так с честию примут в город». «И потом кричал на того сержанта, для чего он ево обманул и не сказал правды, и тот час закричал: „Приготовьте висилицу!“, кою и приготовили при глазах оного сержанта. Сержант, кланяясь ему в ноги и плачучи, говорил: „Виноват перед вашим величеством, помилуй, я вину свою заслужу вам“». Казаки настаивали на казни: «Што на него смотреть? Прикажи повесить!» Но Пугачев, «слыша, что оной сержант обещался ему служить, да и показался ему человек молодой и что объявил, что он и писать умеет, а как у него был писарь только один Почиталин», сказал: «„Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, пусть ево и мне, и вам служить станет“, почему вешать его я не велел, а остался в команде Почиталина писарем» [42].

В пушкинской записи о Кальминском эпизод у виселицы совпадает с показаниями Пугачева, отличаясь лишь по объему и некоторым деталям описания; следует, впрочем, отметить, что неизвестный собеседник Пушкина

[т] Речь идет о набегах казахов Младшей орды на крепости в низовьях р. Яика.

ошибочно отнес этот эпизод к более позднему времени и к иному месту — к Илецкому городку.

19 сентября, перед вторым приступом восставших к Яицкому городку, Пугачев приказал «сержанту Дмитрию Николаеву[у] написать еще в войско Яицкое указ, чтоб они одумались и встретили меня, яко великого государя»[43], а потом отправил указ в городок с казаком Алексеем Боряновым. В указе, адресованном «регулярной команде» гарнизона Яицкого городка, Пугачев, выдавая себя за «Петра III», призывал рядовых солдат и «чиновных» послужить ему, «законному своему великому государю Петру Федоровичу, до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность». За это Пугачев обещал пожаловать солдат «денежным и хлебным жалованьем и чинами; и как вы так и потомки ваши первыя выгоды иметь в государстве моем будете, и славную службу при лице моем служить определитесь». Тот же, кто «дерзнет сего моего повеления не исполнить, и силою оружия моего в руки моего вернаго войска получен будет, тот увидит на себе праведный мой гнев, а потом и казнь жестокую»[44]. Указ демонстрировал не только навыки Кальминского в служебном письмоводстве, но и несомненные его литературные дарования. Позднее Кальминский по приказанию Пугачева составлял указы, посланные в Илецкий городок (20 сентября) и Рассыпную крепость (24 сентября 1773 г.)[45]. Тексты этих трех указов сохранились в первом «пугачевском» деле Секретной экспедиции Военной коллегии[46]. Пушкин, проявлявший большой интерес к вышедшим из лагеря восставших документам, обнаружив эти три указа, собственноручно снял с них копии, сохранившиеся в его «архивных» тетрадях (IX, 680, 681, 684—685).

23 сентября 1773 г., три дня спустя после взятия Илецкого городка, Кальминский, воспользовавшись оказией, отправил в Яицкий городок к матери, А. Г. Кальминской, письмо о своей службе у «Петра Третьего»:

[у] Пугачев в своих показаниях всегда называл Кальминского Дмитрием Николаевым.

«Милостивая государыня, матушка Афимья Григорьевна! По милости всевышняго создателя, по жалованью великаго государя Петра Федоровича и по вашим теплым и прилежным к богу молитвам жив, здоров, благополучен, одет и не только никакой нужды себе не имею, но и от стола его величества из собственных рук пищу себе довольную получаю, и всегда при нем, великом государе, нахожусь в большой чести, и всеми, по моему мне пожалованному чину, почитаем и любим. Того ради, матушка, обо мне напрасно не печалься и не сокрушайся, а больши молись богу, чтоб вскоре сподобил нас с тобою видеться в благополучии, что и учинится в скором времяни.

Батюшка братец [ф], молись с Марьей Васильевной и с Надежинкой о мне богу и ждите к себе в добром здоровье. А притом от нас не бегай, ибо великой государь Петр Федорович за мою службу и годность тебя простит и помилует, и пожалует, и со всеми, кто с тобою, великаго государя истинно ожидать будет.

Всем моим милостивцам и друзьям, и приятелям от меня почитание объявите и скажите, чтоб о жизни моей и благополучии нимало не сумневались, ибо совершенно благополучен.

23 сентября, Илек.

Дмитрей Кальминский.

7-й лехкой полевой каманды порутчику Лариону Кальминскому в Яицком городке» [47].

Письмо производит впечатление исполненного верой в то, что Пугачев — не кто иной, как истинный император Петр III. Оно проникнуто благоговением перед «великим государем Петром Федоровичем», гордостью за честь служить среди его приближенных и пользоваться его любовью. Объяснение подобному содержанию письма следует искать, видимо, в том, что оно писалось с учетом возможной его цензуры со стороны пугачевского секретаря Почиталина, и Кальминский не мог сказать всей правды. Для него важно было сообщить родным лишь то, что он жив, здоров и благополучен.

Кальминский писал матери о надежде на скорую встречу с ней и другими родственниками, но надежда

[ф] Родной брат Дмитрия Кальминского поручик Ларион Кальминский.

эта, как известно, не сбылась. Кальминский был казнен вскоре после взятия Татищевой крепости Пугачевым. В записках полковника М. Н. Пекарского событие это освещено следующим образом. Сержант Кальминский, «бывший у самозванца письмоводителем, начал в крепости Татищевой взятые с Биловым войска[x] уговаривать поймать Пугачева и отвести в Оренбург, о чем на него сделан донос самозванцу и по приказанию его живой зашит в куль и брошен в воду» (IX, 602). Другое освещение этого события дано в пушкинской записи воспоминаний очевидца из Нижне-Озерной: казаки втайне от Пугачева утопили его любимца писаря Кальминского, сделав это «из ревности» (IX, 496). Эта версия, принятая Пушкиным в «Истории Пугачева» (IX, 27), полностью подтверждается показаниями самого Пугачева на допросе в Яицком городке. Он на другой день по взятии Татищевой крепости потребовал к себе «писаря Дмитрия Николаева [Кальминского], однакож ево не нашли, а по справке вышло, что яицкия казаки утопили его в воде, для того, что он был дворянин[ц], а сих людей они не терпят, и говорили мне: „Как ето, ваше величество, нас-де отбиваете прочь, а дворян стали принимать?“»[48]. Но у Пугачева были основания пожалеть о гибели Кальминского: он потерял в его лице одного из способнейших своих помощников.

Капитан Сурин

На одной из страничек дорожной книжки Пушкина записан отрывок старинной песни о капитане Сурине (IX, 493), который в сентябре 1773 г. с ротой солдат и сотней казаков пошел из Нижне-Озерной крепости против Пугачева, был разбит им, взят в плен и казнен (IX, 493). Песню о Сурине Пушкин услышал в Нижне-Озерной от старой казачки Марфы Сергеевны Агаповой, о чем говорилось выше. Но возможно, что в числе трех песен пугачевского времени, спетых Пушкину бердской казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой[49], жившей в молодости в той же Нижне-Озерной крепости, была и эта песня о

---

[x] Карательный корпус бригадира Х. Х. Билова был отправлен из Оренбурга против Пугачева, но взят им в плен в бою 27 сентября 1773 г. у Татищевой крепости.

[ц] В действительности Кальминский не был дворянином, а происходил «из солдатских детей».

Сурине. Эпизод с капитаном Суриным освещен в главе II «Истории Пугачева»: «Из Рассыпной Пугачев пошел па Нижне-Озерную. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной майором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам» (IX, 18). Пушкин прокомментировал этот рассказ в примечаниях отрывком песни о Сурине: «Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

«Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Вышел капитан Сурин
Со командою один» (IX, 100) [50].

Кем же был капитан Сурин, финал военной карьеры которого увековечил Пушкин? Его жизненный путь удалось воссоздать по архивным документам. В ЦГАДА, в делах Оренбургской секретной комиссии, производившей в 1774 г. следствие, суд и расправу над пленными пугачевцами, нашелся протокол допроса Емельяна Алферова, оп был дворовым человеком и денщиком Сурина и участвовал в его противопугачевской экспедиции [51]. Алферов показал на следствии, что господин его, капитан Петр Иванович Сурин, владел имением в селе Медяны Алатырского уезда, а его жена, Сурина Марина Ивановна, из-за военных действий в Оренбургской губернии не смогла уехать в алатырскую вотчину мужа и жила по-прежнему в Нижне-Озерной крепости [52].

Более полные биографические данные о Сурине удалось найти в ЦГВИА в материалах Генерал-аудиторской экспедиции Военной коллегии среди военно-судных дел об офицерах и солдатах русской армии. В этом собрании находится «Дело о секунд-майоре Петре Сурине, упустившем из Илецкой Защиты двух киргиз-кайсаков» [53], производившееся в военном суде Оренбургского гарнизона с августа 1771 г. и законченное в январе 1773 г. Сурин обвинялся в противозаконном, «фамильярном обхождении» с правителем Младшего казахского жуза Дусали-султаном. Будучи комендантом военной команды в пограничной крепости Илецкая Защита, Сурин отогнал у казахов 370 лошадей, а затем возвратил их, оставив у себя серого иноходца, седло с серебряной оправой, две узды в такой же оправе, парчсвый халат. Кроме того, Сурину вменялось в вину и то, что он по сговору с Ду-

сали-султаном освободил пленного хивинца, получив за это «в презент» десять баранов, а также пытался освободить еще двух пленных в обмен на трех лошадей и десять баранов. На этом последнем деле Сурин и попался: был задержан и избит солдатами сменного караула, после чего доставлен под конвоем в Оренбург и предан военному суду.

На допросе, производившемся 31 октября 1771 г., Сурин показал, что от роду ему 32 года, в службе находится с 12 июля 1751 г., т. е. по обычаю записан в службу в возрасте 12 лет, но фактически начал ее позднее, происходит из российских дворян, имеет патенты на чины прапорщика, поручика, капитана и секунд-майора, ранее не был судим [54].

К следственному делу приложена копия послужного списка Сурина. Из списка явствует, что он принадлежал к разряду мелкопоместных дворян, имел во владении шесть крепостных крестьян мужского пола. Под судом, следствием и в штрафах Сурин не бывал; участвовал в Прусском походе российской армии в 1757—1762 гг., сражался в битве под Гросс-Егерсдерфом (19.VIII.1757), у Цорндорфа (14.VIII.1758) и под Пальцигом (12.VII. 1759). В последнем сражении Сурин получил тяжелое ранение: «правая рука выше кисти сквозь пулею прострелена, ис которой костей несколько частей вынято» [55].

На следствии Сурин решительно отвергал выдвинутые против него обвинения, отрицал получение каких-либо взяток и «презентов» от Дусали-султана «и в том не священническом увещевании утвердился», хотя против него свидетельствовали сам Дусали-султан и подвластные ему казахи, а также офицеры и солдаты гарнизона Илецкой Защиты. Следствие — ввиду упорства Сурина — явно затягивалось.

А между тем в Оренбургской губернии произошли важные события, которые надолго отодвинули все прочие дела, в том числе и суд над проштрафившимся секунд-майором. В январе 1772 г. в Яицком городке вспыхнуло восстание казаков Яицкого войска. Попытки оренбургских властей заставить восставших выдать зачинщиков и предводителей не увенчались успехом. Тогда по предписаниям Екатерины II и Военной коллегии в Оренбурге в апреле 1772 г. приступили к формированию военного корпуса во главе с генерал-майором Ф. Ю. Фрейманом. Сурин решил воспользоваться представившимся случаем

для реабилитации и вступил волонтером (добровольцем) в корпус Фреймана. В мае—июне 1772 г. он принял участие в походе против казаков-мятежников, которые потерпели поражение в двухдневном бою 3—4 июня у р. Ембулатовки под Яицким городком и вскоре сложили оружие. Корпус генерала Фреймана, где находился и Сурин, расположился в Яицком городке, предупреждая возможность выступления казаков, не смирившихся с поражением восстания.

В августе 1772 г. военный суд в Оренбурге возобновил рассмотрение дела Сурина. В приговоре суда отмечалось, что Сурин «за лихоимство подлежал тяжчайшему штрафу», но так как было установлено, что он взял от Дусали-султана лишь одну лошадь, а вина его в обмене пленных на лошадей точно не была доказана, то определено, отобрав у Сурина патенты на офицерские чины, «написать на год в рядовые». Исполнение решения суда было приостановлено в связи «с откомандированием майора Сурина противу бунтующих яицких казаков»[56]. По установленному порядку документы следствия и суда по делу Сурина были отправлены в Петербург на утверждение Военной коллегии. В сопроводительном рапорте оренбургский губернатор А. И. Рейнсдорп писал, что хотя, по его мнению, Сурин и подлежит осуждению, но «как он был ныне в Яицкой экспедиции волонтером, оказал доброе свое поведение и к службе усердие», то и заслуживает снисхождения[57].

Это мнение было учтено Военной коллегией, которая 30 января 1773 г. вынесла определение о минимальном наказании Сурина: «отобрав на секунд-майорский чин патент, написать в капитаны»[58]. Сурин отделался понижением в воинском звании на один чин — понятная милость к офицеру-дворянину. А вот рядовые солдаты Субботин, Игнатьев, Зимин и Назаров, которые, исполняя устав караульной службы, задержали Сурина при свершении им преступного деяния, оказались без вины виноватыми и тем же решением Военной коллегии приговорены были к тягчайшему истязанию. Всех четверых солдат за то, что они, «презря свою должность и почтение своему командиру, не только майора Сурина ругательски били, но, связав, привели на гауптвахту», приказано «прогнать шпицрутенами через 500 человек по 10 раз». Пять тысяч ударов каждому! После такого истязания человек становился инвалидом, а в большинстве случаев погибал.

Весть о жестоком истязании четверых солдат Илецкой Защиты, несправедливо наказанных по вине Сурина, обошла гарнизоны Оренбургской губернии. И когда несколько месяцев спустя, 25 сентября 1773 г., капитан Сурин попал в руки восставших [59], солдаты, служившие в его команде, не стали просить яицких казаков и Пугачева о помиловании их командира. И кара, постигшая Сурина, была справедливым возмездием за его прошлые деяния (в том числе и за участие в карательной экспедиции генерала Фреймана) и за выступление против Пугачева.

Пребывание в Нижне-Озерной обогатило Пушкина впечатлениями о жизни глухой приуральской крепости. Большинство из услышанных им рассказов казаков-старожилов получили отображение в «Истории Пугачева». В них было запечатлено отношение народа к событиям грандиозного движения и к его предводителю — Емельяну Пугачеву.

Из Нижне-Озерной путь Пушкина пролегал на запад, вдоль правого берега Урала, через крепость Рассыпную и прибрежные казачьи форпосты к Уральску, который в официальных бумагах обозначался как «*начальное гнездо бунта*» (IX, 645) [60] — место, где в сентябре 1773 г. Пугачев и его сторонники подняли казаков на восстание.

Глава V

«ТАМОШНИЙ АТАМАН И КАЗАКИ ПРИНЯЛИ МЕНЯ СЛАВНО...»

В путешествии по Поволжью и Оренбургскому краю Пушкин самым внимательнейшим образом как любознательный и увлеченный исследователь изучал памятные места Пугачевского восстания. В письме из Казани от 8 сентября 1833 г. он сообщал жене: «Здесь я возился со стариками современниками моего героя (Пугачева.— *Р. О.*), объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону» (XV, 78). Так было и в Уральске, куда поэт приехал 21 сентября и где он провел два с лишним дня. Возвратившись оттуда в Болдино и вспоминая радушное гостеприимство уральцев, Пушкин

в письме от 2 октября поведал жене, что «тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь...» (XV, 83).

Изучая еще задолго до приезда в Уральск архивные дела Секретной экспедиции Военной коллегии, Пушкин выявил и учел ряд документов, освещающих события пугачевского движения в сентябре 1773 — апреле 1774 г. в районе Яицкого городка. Журнал Яицкой комендантской канцелярии («Журнал Симонова») [1], рассказывающий о боевых действиях пугачевцев против внутренней крепости в Яицком городке в январе—апреле 1774 г., довольно полно был законспектирован поэтом в одной из его «архивных» тетрадей (IX, 501—504), туда же он внес выписки из донесений яицкого коменданта подполковника И. Д. Симонова (IX, 627, 698, 710) [2], конспекты рапортов генерала П. Д. Мансурова (IX, 645) [3], копии показаний пленных пугачевцев и перебежчиков из лагеря восставших (IX, 625—626, 692—695, 700—701) [4], копии указов Пугачева, адресованных яицким казакам и гарнизону Яицкого городка, конспекты пугачевских посланий к подполковнику Симонову (IX, 504, 680—681, 684—685) [5] и некоторые другие документы, использованные при создании «Истории Пугачева» [6]. Но с чисто фактической стороны наибольший интерес для Пушкина представляла опубликованная в журнале «Отечественные записки» за 1824 г. анонимная статья «Оборона крепости Яика от партии мятежников» [7]; в бумагах поэта сохранились его собственноручный конспект первой половины этой статьи (IX, 406—409) и ее полная писарская копия (IX, 537—551).

Основываясь по преимуществу на содержании этой статьи, Пушкин рассказал о событиях, происходивших в Яицком городке: в четвертой главе «Истории Пугачева» — о вступлении отряда атамана М. П. Толкачева в городок в конце декабря 1773 г. (IX, 36—37), в пятой главе — о бедствиях блокированного в крепости гарнизона, который понес губительные потери при отражении штурмов и во время взрывов пугачевцами минных подкопов 20 января и 19 февраля 1774 г., а также от голода, начавшегося с первых дней осады (IX, 45—46, 51—53), и, наконец, в заключении той же главы — рассказ о снятии

блокады крепости войсками генерал-майора П. Д. Мансурова, вступившего в Яицкий городок 16 апреля 1774 г. (IX, 53—54). В примечании 18 к пятой главе «Истории Пугачева» Пушкин назвал статью «Оборона крепости Яика от партии мятежников» «весьма замечательной». По его мнению, она как «воспоминания старика», «неизвестного очевидца» осады, «носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной» (IX, 112). Нам удалось установить, что статья «Оборона крепости Яика от партии мятежников» представляет собой литературную переработку текста письма капитана Андрея Прохоровича Крылова [a], командира 6-й легкой полевой команды и одного из руководителей обороны крепости в Яицком городке [8]. Письмо это А. П. Крылов отправил 15 мая 1774 г. в Оренбург одному из своих знакомых, по-видимому, члену-корреспонденту Академии наук П. И. Рычкову, собиравшему в то время источники к создаваемой им «Хронике», названной Пушкиным «Осада Оренбурга» (Летопись Рычкова) [9].

Знания о событиях в Яицком городке при Пугачеве, почерпнутые из документальных и эпистолярных источников, Пушкин по приезде в Уральск смог пополнить воспоминаниями очевидцев и участников восстания, обогатить живыми впечатлениями от знакомства с городом и с сохранившимися там реалиями времен «Пугачевщины». Знакомя столичного гостя со старинной частью Уральска — так называемым «Куренным концом» или «Куренями», казаки показали Пушкину находящийся на Кабанковой улице каменный дом атамана Михаила Толкачева, где обычно квартировал Пугачев, приезжая сюда из-под Оренбурга, и где 1 февраля 1774 г. праздновалась свадьба Емельяна Ивановича с Устиньей Кузнецовой. Рядом стоял деревянный, сложенный из могучих бревен дом казаков Кузнецовых — родственников «императрицы» Устиньи. Чуть подальше, на самом краю «Куреней», простиралась обширная соборная площадь. По середине нее высились еще хорошо заметные остатки земляных валов старой крепости, где некогда сидели в осаде и отбивались от пугачевцев гарнизонные войска подполковника Симонова. На восточном краю соборной площади, примыкавшей к высокому обрывистому берегу Старицы (протока Урала), возвышался пятиглавый Михайло-

[a] Отец знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова.

Архангельский собор — цитадель Яицкой крепости[10]. На каменных стенах собора видны были две выбоины — следы разрывов пушечных ядер пугачевской артиллерии. В 30 саженях к югу от собора стояло заброшенное и обветшавшее здание бывшей войсковой канцелярии; здесь в середине сентября 1774 г. «в особливом покое» содержался в заключении Пугачев, тут он давал первые свои показания на допросе у следователя Яицкой секретной комиссии гвардии капитан-поручика С. И. Маврина[11]. Возвращаясь к центру города, казаки показали Пушкину Петропавловскую церковь, где 1 февраля 1774 г. священник Сергей Михайлов венчал Пугачева с Устиньей Кузнецовой. Осмотрел поэт и другие достопримечательности Уральска, прошел по берегам Урала, Старицы и Чагана, омывающих город с трех сторон.

В Уральске издавна бытовал обычай угощения почетных гостей коронным уральским блюдом — свежей икрой осетровых рыб. Угощение это происходило на плоту, причаленном к берегу Урала у «Куреней». Под плот заранее подводился плетеный из ивы «садок» с живыми осетрами и севрюгами. Сквозь прорези в плоту казаки баграми вылавливали рыбу, свежевали ее, вынимали икру, слегка подсаливали и тут же подавали гостю это превосходное блюдо как закуску к крепкому казачьему питью[12]. Судя по письму Пушкина к жене (XV, 83), так, видимо, потчевали и его.

Войсковой атаман Покатилов

В Уральске Пушкин был гостем командования Уральского казачьего войска, оно принимало поэта, дало в его честь два парадных обеда, показывало достопамятности города, устроило встречи с ветеранами-пугачевцами и с очевидцами восстания. Из представителей войскового командования, принимавшего Пушкина, пушкинистам был известен один лишь полковник Покатилов, занимавший в 1833 г. пост войскового атамана. В его доме останавливался тогда Пушкин. Дом этот — двухэтажный каменный особняк, выстроенный в начале XIX в. в архитектурном стиле, известном под названием русский провинциальный классицизм, и ныне украшает центральную улицу Уральска. На фасаде здания (теперь городской Дом пионеров) укреплены три мемориальные доски, отмечающие пребывание здесь А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и В. Г. Коро-

ленко. Пушкин не забыл гостеприимства Покатилова. Посылая в конце февраля 1835 г. оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому четыре экземпляра «Истории Пугачева», поэт просил передать один экземпляр книги атаману Покатилову [13].

Василий Осипович Покатилов (1788—1838) происходил из семьи беспоместных дворян Черниговской губернии, военное образование получил во Втором Петербургском кадетском корпусе, из которого был выпущен в 1805 г. в чине подпоручика, служил в полевой артиллерии, через два года произведен в поручики. Служба Покатилова проходила не всегда гладко. В 1811 г. в его формулярном списке появилась запись, аттестующая его как сведущего в артиллерийском искусстве офицера, но вместе с тем было отмечено, что порой он бывает «дерзновенен» и тогда ум его «затмевается своенравностью». В том же году он был предан суду «за ослушание в строю» майору Нейгардту и за грубость ему. Суд затянулся. А тем временем началась Отечественная война 1812 г., Покатилов принял участие в боях, отличился в сражении 3—6 ноября под городом Красным, за что был награжден орденом Анны 4-й степени и памятной серебряной медалью. В 1813 г. судебное дело против него было прекращено «в уважение ревностной и усердной службы» в боях с неприятелем. После Отечественной войны он продолжал служить в артиллерийских частях в Москве, был произведен в штабс-капитаны, а потом и в капитаны. В 1820 г. Покатилов был переведен в Оренбург, где в течение десяти лет командовал 12-орудийной ротой конной артиллерии в Оренбургском казачьем войске. В 1821 г. он получил чин подполковника, а в 1829 г. стал полковником. В августе 1830 г. Покатилов получил новое назначение, стал войсковым атаманом Уральского казачьего войска, в 1831 г. был награжден орденами Владимира 4-й степени и в 1832 г.— Анны 2-й степени. В декабре 1833 г. Покатилов по рекомендации губернатора В. А. Перовского был назначен наказным атаманом Уральского войска [14]. Писатель В. И. Даль, знакомый с Покатиловым по командировкам в Уральск, но больше знавший его с чисто показной, парадной стороны, по торжественным приемам, опубликовал хвалебную статью об атамане, изобразив его этаким былинным молодцем, всеобщим любимцем казаков, отважным и в военном деле, и в шумном застолье [15]. Но в действительности, вопреки мне-

нию Даля, казаки не только не любили Покатилова, но и в массе своей были настроены к нему враждебно, как к человеку, чуждому казачьим интересам и традициям. Лидерами оппозиции к атаману были отставной полковник Стахий Дмитриевич Мизинов и его брат — отставной войсковой старшина Андриян Дмитриевич Мизинов. Именно в такой роли описал их в своем дневнике поэт В. А. Жуковский, посетивший Уральск в свите наследника престола великого князя Александра Николаевича в июне 1837 г.[16] Тогда же произошел открытый разрыв казаков с атаманом Покатиловым (генерал-майор с декабря 1836 г.). При отъезде цесаревича из Уральска казаки силой остановили его карету и подали ему прошение о войсковых нуждах, где они жаловались на самоуправство и своекорыстие атамана. В ответ на это Покатилов, действуя в порядке самозащиты, представил начальству выступление казаков как открытый мятеж, а затем вызвал из Оренбурга карательную экспедицию. Эта военная акция закончилась конфузом: прибывшее из Оренбурга войско застало Уральск опустевшим; выяснилось, что несколько дней назад казаки разъехались по степным хуторам, где и занимались сенокосом. Тем не менее Покатилов добился назначения следствия над «бунтовщиками» и осуждения их. К дознанию привлекли 96 человек. По приговору военного суда большинство из них были наказаны шпицрутенами, 29 инициаторов выступления отправлены в ссылку в Енисейскую губернию, а братья Мизиновы высланы в прибалтийский город Пернов (ныне г. Пярну в Эстонии). В административном порядке было наказано и все Уральское казачье войско, которому предписывалось сформировать три полка для внеочередной пограничной службы в Финляндии и Молдавии, а также для участия в военных действиях на Кавказе[17].

Конечно, такой человек, как Покатилов, мало интересовался жизнью простого народа и вряд ли мог сообщить что-то новое и интересное из прошлого уральского казачества, а тем более из событий Пугачевского восстания.

Полковник Бизянов

На одной из страничек дорожной записной книжки Пушкина имеется карандашная заметка: «Бизянов ур. полк»[18]. Эту запись можно прочесть так: «Бизянов — уральский полковник». В изданиях записной книжки[19]

заметка о Бизянове не снабжена какими-либо пояснениями. Один из публикаторов книжки, известный пушкинист Л. Б. Модзалевский, не дал комментария к заметке о Бизянове, сказав, что ее значения «объяснить не можем»[20]. Эта заметка была отнесена, по-видимому, к числу второстепенных текстов в рукописном наследии Пушкина и потому не печаталась в полных собраниях его сочинений, в том числе и в 17-томном издании, известном под названием Большого академического собрания сочинений.

С предположения, что полковник Бизянов не деятель времен Пугачевского восстания и не персонаж несостоявшегося произведения, а человек, встречавшийся с Пушкиным в Уральске, начались наши разыскания по поводу этой пушкинской записи. Представлялось, что если это предположение окажется верным, то трудоемкий поиск и изучение архивных и литературных источников биографии Бизянова будет оправданным, ибо позволит установить неизвестный факт биографии Пушкина и даст возможность ввести неведомого доселе уральского офицера в круг знакомых поэта[21].

Помимо данных пушкинской записи о Бизянове — его фамилии, чине (полковник) и месте службы (Уральск), к началу исследования нам были известны по прежним архивным разысканиям сведения о земляках и однофамильцах Бизянова, яицких казаках, активных участниках восстания в январе — июне 1772 г.[22], часть из которых год спустя примкнула к выступлению Пугачева[23]. Возможно, что кто-то из этих казаков был не только однофамильцем полковника Бизянова, упомянутого Пушкиным, но и его родственником.

Поиск источников для биографии полковника Бизянова начался с литературы по истории Уральского казачьего войска. Но в капитальных исследованиях А. Д. Рябинина[24] и Н. А. Бородина[25], в трудах других авторов не оказалось никаких сведений о Бизянове. Позднее наше внимание привлекла редкостная книжка «Отрывки из прошлого Уральского войска» — произведение, принадлежащее перу казачьего офицера А. Л. Гуляева[26]. В записках Гуляева, основанных на рассказах его деда Л. С. Скворкина и других казаков-старожилов, не раз упоминается уральский казачий полковник Федот Григорьевич Бизянов. В июне 1837 г. он вместе с войсковым атаманом В. О. Покатиловым руководил церемо-

ниями встречи и приема в Уральске великого князя Александра Николаевича [27]. Зимой 1839/40 г. Бизянов участвовал в Хивинском походе оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского, где командовал 4-м и 5-м уральскими казачьими полками, составлявшими авангардную колонну экспедиции. Колонна проделала поход от Калмыковой крепости на Урале до подъема на плоскогорье Устюрт в Приаралье, а разведывательный отряд во главе с Бизяновым, поднявшись на Устюрт, углубился на 60 верст по направлению к Хиве. Из-за необычайно суровой зимы, отсутствия запасов топлива и провианта, вызвавших большие потери в личном составе экспедиции, Перовский вынужден был в начале февраля 1840 г. прекратить дальнейший поход к Хиве и отдал приказ о возвращении к Оренбургу.

В тяжелых условиях похода Бизянов показал себя умелым и энергичным военачальником. Ему удалось избежать крупных потерь в составе своей колонны и сохранить боевой дух в утомленных казачьих полках. Отправляясь к Оренбургу, Перовский возложил на Бизянова охрану тылов отходящих войск. Весной 1840 г. Бизянов, действуя совместно с правителем северо-западного Казахстана султаном Джангиром Айчуваковым, сумел обеспечить экспедиционный корпус провиантом и вьючным транспортом, отбил нападения степных кочевников и сам нанес им серьезные поражения в низовьях реки Эмбы и на Устюрте [28].

Записки Гуляева указали путь к отысканию новых материалов о Бизянове в военно-исторических описаниях Хивинского похода. Действия уральских казачьих полков в этой экспедиции освещаются в книге М. И. Иванина — начальника походного штаба при генерале Перовском, в трудах историков П. Л. Юдина, И. Н. Захарьина и др. [29] Этими авторами Бизянов аттестуется как опытный и инициативный офицер. В книгах Захарьина сообщается, что некоторое время спустя после Хивинского похода полковник Бизянов был произведен в генерал-майоры [30]. Писатель и этнограф В. И. Даль, находившийся в Хивинской экспедиции при ставке Перовского в качестве чиновника особых поручений и врача, писал, что уральские казаки и их командир Бизянов были решительными сторонниками продолжения похода к Хиве: «Казаки просились убедительно, чтобы их пустить одних, и старик Бизянов даже сам увлекся неуместным пылом

этим и хотел кончить поход двумя полками уральцев» [31]. Ветеран Хивинского похода казак А. Д. Барсуков, беседуя летом 1858 г. с уральским литератором казачьим офицером И. И. Железновым о походе, тепло отозвался о Бизянове: «Молодец был Федот Григорьевич, царство ему небесное! Все наши обстоятельства знал, лелеял и берег нас, как детей» [32].

По ходу исследования надлежало установить, когда именно Ф. Г. Бизянов стал полковником и имел ли он этот чин в сентябре 1833 г., когда Пушкин приезжал в Уральск. Такие сведения нашлись в «Списке полковникам по старшинству» на 1838 г., где сообщалось, что Федот Григорьевич Бизянов был произведен в полковники 21 февраля 1832 г. [33] А в обнаруженной в архиве ведомости Уральской войсковой канцелярии от 10 марта 1833 г. среди штаб- и обер-офицеров Уральского казачьего войска названы полковники — их трое: В. О. Покатилов, С. Д. Мизинов и Федот Григорьевич Бизянов [34]. «Список полковников по старшинству» и ведомость Уральской войсковой канцелярии позволяют точно идентифицировать полковника Бизянова в пушкинской записи с уральским казачьим полковником Ф. Г. Бизяновым. Эти же источники при сопоставлении их с пушкинской записью дали нам первое свидетельство, подтверждающее предположение о знакомстве Пушкина с Ф. Г. Бизяновым в Уральске.

В поисках фактов, освещающих последний этап служебной карьеры Бизянова, были просмотрены издаваемые Военным министерством «Списки генералам по старшинству». Впервые Бизянов был обозначен в «Списке» на 1852 г., где сообщалось, что он произведен в генерал-майоры 6 декабря 1849 г., с того времени служил присутствующим (советником) в канцелярии Уральского казачьего войска, за время службы был награжден орденами: в 1835 г.— Станислава 2-й степени, в 1839 г.— Анны 2-й степени, в 1844 г.— Владимира 3-й степени, в 1848 г.— Георгия 4-й степени [35]. С такими же сведениями генерал-майор Ф. Г. Бизянов учтен в «Списках» 1854, 1855, 1856 гг. и в последний раз в «Списке» на 1857 г. [36] «Списка» на 1858 г. не удалось обнаружить, а в «Списке» на 1859 г. (составлен по данным на 25 января) Бизянов не указан, из чего и можно предположить, что он скончался в период между февралем 1857 — январем 1859 г. Для установления даты смерти

Бизянова были просмотрены годовые комплекты за 1857 и 1858 гг. газеты «Русский инвалид» — органа Военного министерства, где печатались приказы Александра II по армии. Судя по этому источнику, Бизянов скончался в начале мая 1858 г., ибо приказом 14 мая исключались из воинских списков умершие, в числе которых назван «присутствовавший в Войсковой канцелярии Уральского казачьего войска генерал-майор Бизянов» [37].

Все приведенные выше факты освещают служебную деятельность Бизянова в первые два десятилетия после смерти Пушкина. Но для нашей темы наибольший интерес представляет ранний этап биографии Бизянова — до сентября 1833 г. Такого рода данных в литературе не оказалось, и для их разыскания следовало обратиться к архивам, сосредоточив главное внимание на поиске формулярных списков — ценнейших биографических источников о службах офицерства. В ЦГВИА в коллекции «Офицерские сказки» удалось обнаружить формулярные списки Бизянова 1812—1815 гг., освещающие его службу в Уральском казачьем войске в 1798—1815 гг. [38]. Однако разыскать его формулярные списки за 1816 — середину 1830-х годов довелось далеко не сразу. Не принесли успеха поиски этих документов в архивном фонде Инспекторского департамента Военного министерства, где учитывался личный состав офицерского корпуса армии. В 1835 г. вслед за передачей казачьих войск в ведение Департамента военных поселений туда же были переданы из Инспекторского департамента все формулярные списки казачьих штаб- и обер-офицеров. Но на пути поиска формулярного списка Бизянова в архивном фонде Департамента военных поселений встретилось препятствие: фонд этот был временно законсервирован, а потому и нельзя было получить доступ к его описям и делам.

В одном из справочников об архивных материалах ЦГВИА, в «Каталоге Военно-ученого архива», встретилось указание на дело № 1166 «По представлению оренбургского военного губернатора об отправлении особой военной экспедиции в Хиву. 1839—40 гг.» [39] В деле содержится переписка губернатора В. А. Перовского с Военным министерством по поводу подготовки, прохождения и итогов Хивинского похода, в котором участвовал Бизянов. Он упоминается в донесениях губернатора не раз и с самой лучшей стороны [40]. Посланный Перовским 14 мая 1840 г. рапорт военному министру А. И. Черны-

шеву целиком посвящен Бизянову, который аттестуется как военачальник, отлично проявивший себя и в труднейших условиях зимнего похода и особенно весной 1840 г., когда он, командуя арьергардным отрядом, своими действиями смог обеспечить успешный отход экспедиционного корпуса от Приаралья к Оренбургу. Заключая рапорт, Перовский просил министра «удостоить полковника Бизянова особенным вниманием», добавляя, что «этот заслуженный штаб-офицер по летам своим давно бы уже мог искать покою, но при всяком случае сам вызывается на трудные поручения и исполняет их с особенным усердием и опытностью»[41]. 2 июня Чернышев доложил рапорт Перовского Николаю I, и царь проставил на нем резолюцию: «Полезное дело, а п[олковнику] Бизянову дать последовательный крест»[42]. В связи с предстоящим награждением канцелярия Военного министерства 10 июня направила отношение Департаменту военных поселений с просьбой о присылке формулярного списка Бизянова[43]. Неделю спустя директор департамента П. А. Клейнмихель послал в канцелярию министерства отношение, приложив к нему формулярный список Бизянова, датированный 1837 г.[44] Это был тот самый документ, нахождению которого предшествовали наши длительные архивные поиски[45].

Формулярный список 1837 г. сообщал, что Федот Григорьевич Бизянов происходил «из казачьих детей», вероисповедания он «греко-российского, православного», в 1837 г. ему исполнилось 55 лет, следовательно, родился он в 1782 г. По семейному положению Бизянов — вдовец после трех браков, от первой жены имел сыновей: хорунжего Ивана (21 год), урядника Константина (19 лет)[46], от второй жены — дочь Клеопатру (5 лет). Бизянов не имел наследственного имения, но одна из жен оставила ему во владение родовое поместье в селе Большая Барма Сенгилеевского уезда Симбирской губернии с 16 ревизскими душами крепостных и каменный дом в Уральске[47].

В мае 1798 г. Бизянов был записан в службу рядовым казаком, с 1799 г. он — пятидесятник, в 1800 г. произведен в хорунжие — первый казачий обер-офицерский чин. С 1809 г. Бизянов — сотник, с 1812 г.— есаул[48], с 1821 г.— войсковой старшина, с 1826 г.— подполковник, с 1832 г.— полковник[49]. Но это всего лишь чиновные вехи его биографии. Наиболее интересен тот раздел формулярного списка, в котором приводятся

сведения о конкретных событиях военной службы Бизянова, о чем будет сказано ниже.

Содержание беседы Пушкина с Бизяновым неизвестно, но не исключено, что внимание поэта могли привлечь воспоминания бывалого офицера об участии в ряде примечательных событий российской истории конца XVIII — первой четверти XIX в., событий, которые нашли отражение в формулярном списке.

С 1798 по 1800 г. Бизянов участвовал «в кампании против французов, где за границею, в Швейцарии, в корпусе генерал-лейтенанта Римского-Корсакова [был] под городом Цюрихом в действительном сражении» [50]. Уральский казачий полк Д. М. Бородина, в котором служил Бизянов, входил в состав экспедиционного корпуса генерала А. М. Римского-Корсакова, занявшего в начале августа 1799 г. боевые позиции у берегов Цюрихского озера. 14—15 сентября вблизи Цюриха развернулась битва. Войска Римского-Корсакова дрались отчаянно, однако, понеся крупные потери, вынуждены были оставить Цюрих и отойти на правый берег Рейна. Командующий французской армией генерал Массена (впоследствии маршал Наполеона) в реляции Директории о Цюрихской битве писал, что русские «оказали в этом сражении сопротивление изумительное». В начале октября из Италии, преодолев в пути Альпийские горы, на Рейн вышел генералиссимус А. В. Суворов и, присоединив к своему войску корпус Римского-Корсакова, повел русскую армию на Родину [51].

С конца 1800 г. военная служба Бизянова проходила в основном в Уральске или в пределах Уральской казачьей области. Он был адъютантом у наказного атамана Д. М. Бородина, служил в войсковой канцелярии, исполнял командные должности в казачьих частях в самом Уральске и на Нижне-Уральской линии [52]. Но в то же время были периоды, когда он нес службу и за пределами родного края, о чем подробно сообщается в записях формулярного списка.

С 15 июня по 1 сентября 1809 г. Бизянов служил адъютантом у военного министра А. А. Аракчеева [53], а в 1814 г. нес в казачьем полку пограничную службу в Волынской губернии [54].

В 1815 г. Бизянов принимал участие в походе русской армии фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли во Францию. То было время «Ста дней», период вторичного

правления императора Наполеона I, против которого возобновили войну державы антифранцузской коалиции. Русская армия выполнила вспомогательную задачу — взятие крупных крепостей в восточной части Франции. Уральский казачий полк, где служил Бизянов, был прикомандирован к 11-й пехотной дивизии, осадившей крепость Фальцбург [55]. Гарнизон этой крепости мужественно оборонялся до конца июня, сохраняя верность Наполеону, который за несколько дней до этого потерпел решающее поражение в битве под Ватерлоо [56]. 20 июня Бизянов был в стычке казаков с французами у деревни Цыглин, а в конце августа 1815 г. со сводным отрядом генерала П. П. Сухтелена участвовал в торжественном смотре русской армии «в полях Шалонских» у местечка Вертю [57].

С лета 1823 г. по конец 1826 г. Бизянов командовал Уральской казачьей лейб-сотней, входившей в состав петербургского гарнизона [58]. За время службы в Петербурге Бизянов был очевидцем сильного наводнения 7 ноября 1824 г. Немало интересного, видимо, знал он и о восстании 14 декабря 1825 г. в Петербурге, хотя сам не был ни участником, ни очевидцем главных событий, развернувшихся на Петровской (Сенатской) площади [59].

С лета 1831 г. по начало осени 1833 г. Бизянов командовал 7-м Уральским казачьим полком, который нес охранную службу в Москве. Полк во главе с Бизяновым возвратился из этой командировки в Уральск 14 сентября 1833 г. [60], за неделю до приезда туда Пушкина. Это второе и решающее свидетельство, доказывающее наше предположение о встрече и знакомстве Бизянова с Пушкиным в Уральске, что подтверждается записью о Бизянове в дорожной записной книжке поэта.

Приведенные данные формулярного списка освещают наиболее яркие страницы биографии Бизянова, но, кроме того, он мог рассказать Пушкину немало интересного о своей службе в Уральске, на Нижне-Уральской линии и в Прикаспийских степях, о боевых делах и своеобразном быте уральского казачества.

Что касается событий Пугачевского восстания, представлявших для Пушкина наибольший интерес, то Бизянов, сам не будучи современником восстания, многое мог сообщить по семейным преданиям, в частности, по рассказам своего отца — Григория Прокофьевича Бизянова, активного участника казачьего выступления на Яике в

1772 г.[61] и очевидца пребывания Пугачева в Яицком городке в январе — марте 1774 г. Полковнику Ф. Г. Бизянову было наверняка известно, что его дальний родственник казак Петр Иванович Бизянов, один из вожаков восстания 1772 г.[62], был дружкой[6] на свадьбе Емельяна Ивановича Пугачева с Устиньей Петровной Кузнецовой 1 февраля 1774 г. в Яицком городке[63]. Со слов своего дяди Ивана Прокофьевича Бизянова Ф. Г. Бизянов знал и об участии его в восстании 1772 г., о боях с войсками генерала Ф. Ю. Фреймана под Яицким городком в июне того же года, о походе с войском Пугачева на Оренбург, о приступах к стенам этого города, о штурмах крепости в Яицком городке, о расправах над казаками после вступления в городок войска генерала П. Д. Мансурова, о днях, проведенных в застенках секретной комиссии и в оренбургском остроге[64]. Всеми этими сведениями Ф. Г. Бизянов мог поделиться с Пушкиным.

Когда Пушкин сообщал жене, что в Уральске атаман и казаки приняли его «славно» и наперерыв давали ему «все известия», в которых он «имел нужду» (XV, 83), то в числе этих гостеприимных хозяев и увлекательных собеседников он, наверное, имел в виду и полковника Бизянова — старшего (после атамана В. О. Покатилова) офицера Уральского казачьего войска.

За долгие годы службы Бизянов общался не только с видными государственными деятелями и военачальниками, но и с крупнейшими литераторами своего времени. Сейчас установлен факт его знакомства с Пушкиным. Бизянов хорошо знал писателя В. И. Даля и по его служебным командировкам в Уральск, и по Хивинскому походу, в дни которого Бизянов командовал передовой колонной экспедиции, а Даль служил в штабе командира экспедиционного корпуса генерала В. А. Перовского. В июне 1837 г. Бизянов познакомился в Уральске с поэтом В. А. Жуковским, находившимся в свите великого князя Александра Николаевича. В путевом дневнике Жуковского упоминается «Федор Григорьевич Басанов»[65] — искаженное Федот Григорьевич Бизянов. Близко знал Бизянов бытописателя уральского казачества

---

[6] Дружка — второй свадебный чин со стороны жениха. Роль первого свадебного чина, тысяцкого, на свадьбе Пугачева исполнял его атаман М. П. Толкачев.

И. И. Железнова. Но дело было не только в лично-служебном общении Бизянова с литераторами, он был, видимо, большим любителем литературы. Для полноты характеристики Бизянова необходимо указать в этой связи на то, что он был единственным подписчиком на первое посмертное собрание Сочинений Пушкина (СПб., 1838—1841; т. I—XI) на весь Уральск и на все офицерство Уральского и Оренбургского казачьих войск [66]. Это говорит о многом.

Глухая — всего лишь в три неполных слова — запись в дорожной записной книжке поэта послужила отправной вехой исследования, в результате которого удалось воссоздать портрет казачьего офицера Бизянова, одного из уральских знакомых Пушкина, почитателя его великого дарования.

О других очевидцах пребывания Пушкина в Уральске

Кроме атамана В. О. Покатилова и полковника Ф. Г. Бизянова, упомянутых в бумагах Пушкина, с поэтом встретились на парадных обедах, устраиваемых войсковой канцелярией, и другие казачьи штаб- и обер-офицеры. Никто из них не оставил письменных воспоминаний о встречах с Пушкиным, и чтобы восполнить картину тех пушкинских дней в Уральске, хотелось бы узнать и об этих мимолетных знакомых поэта. Биографические сведения о них нашлись в материалах Государственного архива Оренбургской области. В начале марта 1833 г. канцелярия оренбургского военного губернатора приступила к составлению «Адрес-календаря Оренбургской губернии», в связи с чем были затребованы от подведомственных учреждений сведения о чиновниках, а от воинских соединений — данные об офицерах. 10 марта Уральская войсковая канцелярия отправила в Оренбург ведомость об офицерском составе казачьего войска с поименной росписью. В архивном фонде канцелярии военного губернатора было обнаружено также дело с послужными списками уральских казачьих офицеров за 1834 г. Благодаря этим источникам и удалось установить сведения о тех офицерах, которые в сентябре 1833 г. встречались и, возможно, беседовали с Пушкиным в Уральске. Это были полковник Стахий Дмитриевич Мизинов, подполковники Антип Петрович Назаров и Петр Петрович Назаров;

войсковые старшины Иван Степанович Боблонов, Макар Ефимович Кочемасов, Иван Кириллович Логинов, Андреян Дмитриевич Мизинов, Леонтий Иванович Пономарев; есаулы Иван Никифорович Бородин, Андрей Михайлович Веденисов, Никита Акимович Донсков (адъютант атамана В. О. Покатилова), Андрей Павлович Мизинов, Григорий Тимофеевич Сумкин, Павел Кириллович Сычугов. Все они изрядно послужили и многое повидали на своем веку. Некоторые из них были ветеранами суворовского похода в Швейцарию, многие участвовали в войне 1805—1807 гг. против наполеоновской Франции, в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., в русско-шведской войне 1808—1809 гг., в Отечественной войне 1812 г., в заграничных походах русской армии 1813—1815 гг., почти все принимали участие в отражении набегов степных кочевников на Нижне-Уральскую линию [67]. По возрасту никто из них не был современником Пугачевского восстания, но все они знали немало интересного о событиях и людях этого грандиозного народного выступления по рассказам очевидцев, своих отцов и дедов.

Если среди офицеров в Уральске Пушкин не встретил современников Пугачевского восстания, то таковые нашлись среди рядового казачьего населения города. Сведения о них удалось выявить в сохранившейся в Оренбургском архиве книге ревизской переписи населения Уральска по VIII ревизии, проведенной в июне 1834 г., т. е. девять месяцев спустя после посещения Уральска Пушкиным. Если исходить из того, что в 1834 г. очевидцами Пугачевского восстания были люди, достигшие 73—75 лет (им в дни восстания было по 13—15 лет и они могли осознанно воспринимать события и хранить память о них до глубокой старости) и более почтенного возраста (вплоть до 100-летнего старца Ивана Тимофеевича Маштакова), то получается, что группа очевидцев в Уральске насчитывала 70 человек (из них 46 мужчин и 24 женщины), причем большинство из них (42 человека из 70) были в возрасте 80 лет и старше, следовательно, при выступлении Пугачева были вполне зрелыми людьми [68]. Почти все они были свидетелями боевых действий в Яицком городке при Пугачеве, видели самого его и на приступах к городовой крепости и на свадьбе с Устиньей Кузнецовой. Некоторые из этих стариков состояли в близком родстве с известными пугачевцами. Так, например, 80-летний Яков Афанасьевич Овчинников был

братом знаменитого атамана повстанцев Андрея Афанасьевича Овчинникова, о котором сам Пугачев говорил, что он — «первый человек во всей его толпе»[69], и дал ему звание фельдмаршала. У 88-летнего Степана Сергеевича Солодовникова родной брат Семен был известен тем, что в марте 1774 г. возглавил дело по изготовлению серебряных печатей для Пугачева и его Военной коллегии; кроме того, Семену приказал Пугачев «делать на себя разные серебряные поделки: оправлять сабли и седлы; и золотом золотить»[70]. Отставной 74-летний казак Никита Михайлович Маденов был сыном пугачевца Михаила Парфеновича Маденова, который в сентябре 1774 г. предпринял попытку освобождения Пугачева, арестованного заговорщиками, за что после был зверски избит старшинами и брошен в степи[71]. Некоторые старые казаки, говорившие с Пушкиным, сами были участниками Пугачевского восстания (см. далее).

Запомнилась поэту встреча с одной из очевидиц восстания, упомянутой им в примечаниях ко второй главе «Истории Пугачева»: «В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы» (IX, 98). 80-летняя старушка на вопрос Пушкина, каков был Пугачев, ответила: «Грех сказать... на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал» (IX, 373). Пушкин не назвал, к сожалению, имени своей собеседницы. В ревизской переписи 1834 г. по Уральску учтено 12 казачек 80-летнего возраста и чуть старше. Кто-то из них и сообщил Пушкину знаменательный отзыв о Пугачеве; возможно, это была Анна Васильевна Почиталина (родственница пугачевского любимца и секретаря Ивана Яковлевича Почиталина) или Марья Горшкова (родственница другого пугачевского секретаря Максима Даниловича Горшкова), или другая из их сверстниц. В ходе бесед со стариками Пушкин отчетливо уяснил отношение простого народа к Пугачеву.

В посланных к Николаю I и не предназначавшихся для печати «Замечаниях о бунте» поэт писал: «Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева», причем из последующих пояснений, основанных на высказываниях этих современников восстания, видно, что привязанность к памяти Пугачева исполнена чувством глубокого почитания: «он нам зла не сделал», он не был повинен в жестокостях — «не его воля была; наши пьяницы его мутили», он выступал как выра-

зитель интересов народа и был не самозванец Пугачев, а «великий государь Петр Федорович» (IX, 373). Такие оценки и характеристики предводителя восстания Пушкин не ввел в текст книги, ограничившись лишь высказываниями, говорящими в первую очередь о его собственной авторской позиции; он писал, что имя Пугачева «гремит еще в краях», где он действовал, и «народ живо еще помнит» ту пору, «которую — так выразительно — прозвал он *пугачевщиною*» (IX, 81).

В беседах с казаками Пушкин стремился выявить их отношение к тому, что Пугачев выступал под именем «императора Петра Третьего». Когда в разговоре с ветераном-пугачевцем Пьяновым поэт назвал мнимого «императора» истинным его именем, то встретил резкую отповедь со стороны собеседника: «Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, 373). Фанатичная вера Пьянова, да и других стариков, в «подлинность» их «государя-батюшки», вера, которую невозможно было сломить никакими доводами, ни строгими взысканиями властей, имела и позднее ревностных сторонников среди новых поколений уральского казачества. Писатель Даль, сопровождавший в июне 1837 г. наследника престола великого князя Александра Николаевича в поездке из Оренбурга в Уральск, вспоминал о любопытнейшей беседе с казачкой одной из уральских станиц: «Мы выехали в 4 часа утра из Оренбурга и не переводя духу прискакали в 4 часа пополудни в Мухрановскую станицу, на этом пути первую станицу Уральского войска. Все казаки собрались у станичного дома, в избах оставались одни бабы и дети. Тощий, не только голодный, я бросился в первую избу и просил старуху подать каймака, топленого молока — сырого здесь не держат — и хлеба. — Ну, что, — сказал я, — чай рады дорогому гостю, государю наследнику? — Помилуй, как не рады? — отвечала та, — ведь мы тута — легко ли дело, царского племени не видывали от самого от государя Петра Федоровича... То есть — от Пугачева» [72].

И. И. Железнов записал в 1850-х годах в уральских станицах и форпостах предания о Пугачеве, услышанные от монахини Августы (в миру А. В. Невзоровой), казаков И. М. Бакирева, Н. П. Кузнецова (внучатый племянник Устиньи Кузнецовой) и В. С. Рыбинскова, причем все они утверждали, что восстанием 1773—1774 гг. предво-

дительствовал не Пугачев, а истинный император Петр Федорович [73].

Писатель-демократ М. И. Михайлов, побывавший в Уральске в декабре 1856 — январе 1857 г., в одном из путевых очерков писал: «Про кровавую пору пугачевщины между уральцами ходят еще разные рассказы, и не редкость встретить старика или старуху, которые вполне убеждены, что Пугачев не был Пугачевым». Это обстоятельство сказалось, считает Михайлов, на полноте собираемых Пушкиным воспоминаний о Пугачеве: «Мне говорили здесь, что Пушкин не мог много узнать от здешних стариков, помнивших Пугачева, оттого что начал свои расспросы неосторожным отзывом о нем, как о самозванце» [74].

Если в беседах Пушкина с уральцами речь заходила о жестокости Пугачева, то «старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили» (IX, 373). Эти утверждения стариков совпадают с неизвестными поэту следственными показаниями Пугачева, который, отнюдь не оправдывая себя (он понимал, что какие-либо оправдания бессмысленны), говорил на допросах в Яицком городке, что в имевших место казнях «отводит главную причину на яицких казаков, как на первых своих друзей, ибо против их представлениев противиться он никак не мог, и они до сего... ево доводили своими разными доводами», и, возвращаясь снова к тому же, пояснял: «Дворян и офицеров, коих убивал большею частию по представлению яицких казаков, а сам я столько жесток отнюдь не был; а не попущал тем, кои отягощали своих крестьян, или командиры — подчиненных; также и тех без справок казнил, естли кто из крестьян на помещиков в налогах доносил», а, впрочем, заявлял, что готов терпеливо снести за свои дела «все те муки, кои на меня возложены будут» [75].

Уральский литератор казачий офицер Никита Федорович Савичев (1820—1885) в одном из газетных очерков привел предание войскового старшины Антона Петровича Бородина о пребывании Пушкина в Уральске: «Один из тех казаков, которых расспрашивал А. С. Пушкин, именно Бахирев, сказывал, что когда священник Червяк, бывший некоторое время писарем у Пугачева, стал умирать, то Бахирев, задушевный приятель умиравшего, и сам видавший самозванца, просил по-дружески Червяка перед смертью сказать истину: был то Петр III

или самозванец Пугачев. На это Червяк положительно отвечал, что «это никто иной был, как император Петр III, потому,— прибавил он,— что таких знаний, распорядительности и проницательности не может быть в простом человеке. И мне,— говорит,— Александр Сергеевич Пушкин толковал, что это был самозванец, донской казак Емельян Пугачев и присвоил себе имя умершего императора; но я этому не верю. Где новым людям знать, что в старину было!» [76].

В государственных архивах Москвы и Оренбурга были найдены документы, благодаря которым удалось — с различной степенью полноты и точности — выявить биографические сведения о самом рассказчике и о названных им собеседниках Пушкина.

Антон Петрович Бородин родился в 1799 г., четверть века спустя после Пугачевского восстания, в 1816 г. он вступил в службу рядовым казаком, в 1823 г. произведен в хорунжие, в 1834 г.— в есаулы, в 1848 г.— в войсковые старшины и в 1853 г. вышел в отставку [77]. На беседах с Пушкиным в Уральске Бородин не был, и сам он, судя по его рассказу, расспрашивал об этом одного из казаков, беседовавших с поэтом. Но если бы Антону Петровичу довелось разговаривать с Пушкиным, он мог бы сообщить ему немало интересного о Пугачевском восстании и о самом Пугачеве по семейным преданиям и по рассказам родни: он принадлежал к известному старшинскому клану Бородиных — ярых противников восстания. Следует заметить, что Антон Бородин был внучатым племянником яицкого войскового старшины Мартемьяна Михайловича Бородина (1737—1775), который со своей командой оборонял Оренбург, осажденный пугачевцами; осенью 1774 г. он был в составе конвойного корпуса, сопровождавшего арестованного Пугачева из Яицкого городка в Симбирск, а затем из Симбирска в Москву. Мартемьян Бородин неоднократно упоминается на страницах пушкинской «Истории Пугачева» при описании его действий в военных операциях против повстанцев (IX, 27, 51, 101 и др.).

Обратимся к упомянутой в рассказе А. П. Бородина колоритной фигуре пушкинского собеседника — священнику по прозвищу Червяк. Настоящее и полное его имя — Червяков Василий Иванович. Именно так он назван в книге историка уральского казачества А. Б. Карпова «Памятник казачьей старины» (Уральск, 1909). В ней

говорится, что рассказами Червякова о событиях в Яицком городке при Пугачеве воспользовался при создании своей книги Пушкин [78].

Обнаруженные в делах Оренбургского архива клировые ведомости — послужные списки священнослужителей Уральска — позволили установить важнейшие факты биографии Червякова, причем одна из этих ведомостей датирована 1833 г.— годом, в который Пушкин посетил Уральск. Ведомость сообщает, что второй священник Михайло-Архангельской соборной церкви Василий Иоаннов Червяков по происхождению своему — «священнический сын», в семинарии не обучался, от роду ему 74 года. Таким образом, Червяков родился в 1759 г. и Пугачевское восстание застал 14—15-летним отроком. Он был свидетелем событий, происходивших в то время в Яицком городке; не один раз, вероятно, видел приезжавшего туда Пугачева, многое знал о восстании со слов бывших пугачевцев-казаков, постоянно встречаясь и общаясь с ними за свою многолетнюю службу церковником в Уральске. И вместе с тем возражение вызывает свидетельство А. П. Бородина о том, что Червяков был будто бы писарем у Пугачева. По содержанию авторитетнейших источников (сохранившихся документов повстанческого происхождения, протоколов следственных показаний Пугачева и ближайших его сподвижников) нам хорошо известны все секретари, писари и копиисты, служившие в секретариате Пугачева и в его Военной коллегии, и среди них не было Василия Червякова. Не было его и среди писарей войсковой канцелярии Никиты Каргина — пугачевского атамана в Яицком городке.

По данным клировой ведомости, Василий Червяков с 1775 г. начал службу церковником в Уральске, был определен в дьячки Петропавловской церкви [в], десять лет спустя назначен в дьяконы Михайло-Архангельского собора, в 1794 г. по грамоте епископа Платона он стал священником церкви Казанской богоматери, а в 1796 г. переведен на должность второго священника Михайло-Архангельского собора, где продолжал служить и в 1833 г. Церковное начальство не раз отмечало усердную службу Червякова: епископскими грамотами он в 1797 г. был «удостоен ношением скуфьи [г] зеленого цвета», а в 1825 г.

[в] Та самая церковь, в которой 1 февраля 1774 г. священник Сергей Михайлов венчал Пугачева с Устиньей Кузнецовой.

[г] Скуфья — бархатная ермолка, комнатная шапочка. Более высоким знаком отличия считалась ало-синяя скуфья.

награжден набедренником [д]. В 1815 г. по царскому указу Червяков был награжден наперстным бронзовым крестом в память Отечественной войны 1812 г. Ведомость отмечает, что Червяков — священник хорошего поведения, но вместе с тем графа́ о штрафах указывает на отдельные его прегрешения: в 1824 г. Оренбургская духовная консистория оштрафовала его на 2 руб. за то, что он «вопреки начальственному предписанию» уклонился от дачи письменного показания по какому-то делу, а в 1828 г. та же консистория наказала его 50-ю земными поклонами за то, что он допустил дележ денежного дохода в алтаре соборной церкви [79]. После памятной встречи с Пушкиным Червяков еще несколько лет продолжал священническую службу, это, в частности, устанавливается по клировой ведомости 1839 г. [80] В названной выше книге А. Б. Карпова говорится, что Василий Червяков умер в 1841 г. [81] в возрасте 82 лет от роду.

Из рассказа А. П. Бородина явствует, что Червяков и в беседе с Пушкиным и в предсмертных своих словах, сказанных задушевному приятелю Бахиреву, показал себя человеком, признавшим Пугачева не за самозванца, а за истинного императора Петра III. Такая убежденность Червякова, его вера в истинность «царского» происхождения Пугачева представляются невероятными для священника, которому как современнику восстания было хорошо известно, что церковь не только осуждала, но и проклинала Пугачева и его сторонников. Объяснение противоцерковной и антиправительственной позиции Червякова в оценке личности Пугачева следует искать в том, видимо, что он всю свою жизнь провел среди народа в Уральске, где, по наблюдению Пушкина, «казаки (особливо старые люди)» были «привязаны к памяти Пугачева» и считали, что он был «великий государь Петр Федорович» (IX, 373).

Сложно было что-либо узнать о другом пушкинском собеседнике, упомянутом в рассказе А. П. Бородина,— казаке Бахиреве. Дело в том, что человек с такой фамилией не значился в именных списках Яицкого и Уральского казачьих войск, но там были названы несколько

[д] Набедренник — длинный плат из бархата, богато изукрашенный шелковым шитьем; во время церковной службы надевался на пояс.

казаков с фамилиями Бахаревы[e] и Бакировы. Надо полагать, что это были модификации одной казачьей фамилии, причем преобладала фамилия Бахаревы. Так, в списках 1772 и 1776 гг., близких по времени к Пугачевскому восстанию, учтено восемь казаков Бахаревых, находившихся в службе[82]. Все они были очевидцами восстания, а некоторые из них, вероятно, находились в рядах повстанцев. Последнее совершенно точно известно в отношении одного из них — Василия Ивановича Бахарева (1750 г. рождения). Он одним из первых примкнул в сентябре 1773 г. к Пугачеву, участвовал в составе его войска в походе к Оренбургу и в осаде этого города. После поражения Пугачева в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости В. И. Бахарев попал в плен и с сотнями других пленных был пригнан в Оренбург. При допросе в Оренбургской секретной комиссии группы яицких казаков, в числе которых были Василий Бахарев, Максим Ворожейкин, Наум Муромцев и другие (всего 21 человек), следователь — гвардии капитан-поручик С. И. Маврин — спросил, за какого человека принимали они бывшего своего предводителя, за истинного императора Петра III или за самозванца, донского казака Пугачева? На этот вопрос подследственные ответили: «Наше-де дело темное, как скажут, так и почитаем, и слышем-де ныне, что он обманщик, за такового и мы почитаем. Повиновение же самозванцу делали, смотря на старших яицких казаков, кои имеют чины атаманские и полковничьи, и что они приказывали, то и исполняли»[83]. Секретная комиссия определила «высечь нещадно плетьми» всех подследственных, а после, приведя к присяге, отослать в Яицкий городок, к прежнему месту казачьей службы.

Какой же именно казак из Бахаревых был современником Пугачевского восстания, знал самого Пугачева, а 60 лет спустя, в сентябре 1833 г., мог беседовать с Пушкиным и к тому же быть очевидцем разговора поэта со священником Василием Червяковым? Обращение к находящейся в Оренбургском архиве книге ревизской переписи населения Уральского казачьего войска 1834 г. позволило выявить всех Бахаревых, а затем найти среди

[e] Фамилии Бахарев и Бахирев происходят от созвучных и сходных по смыслу понятий бахарь и бахирь, означающих: а) рассказчик, сказочник; б) говорун, краснобай, хвастун, бахвал (*Даль В. И.* Толковый словарь. М., 1955, т. 1, с. 56).

них такого казака, биографические сведения о котором оптимально соответствовали данным разыскиваемого пушкинского собеседника. Скорее всего, это был 81-летний отставной уральский казак Степан Иванович Бахарев (1753 г. рождения); в момент ревизской переписи он находился в Генварцевском форпосте под Уральском[84]. В дни Пугачевского восстания Степан Бахарев был 20-летним казаком. Содержание его беседы с Пушкиным неизвестно, однако с известной долей вероятия можно предположить, что разговор шел о причинах приверженности казачества к Пугачеву. Это была одна из основных причин поездки Пушкина в Уральск.

Ветеран-пугачевец Пьянов

Рассказывая в третьей главе «Истории Пугачева» о своеволии яицких казаков, которые, внешне оказывая почтение «государю Петру Федоровичу», фактически не без успеха пытались управлять его действиями, Пушкин привел слова Пугачева: «*Улица моя тесна*», сказанные им старому товарищу Денису Пьянову на свадьбе младшего его сына (IX, 27), а в примечании пояснил, что это слышано им «от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доныне здравствующего в Уральске» (IX, 102). Ссылаясь на беседу с ним, Пушкин в «Замечаниях о бунте» писал, что Пугачев был посажёным отцом на свадьбе Дмитрия Пьянова (IX, 373).

Отец пушкинского собеседника отставной казак Денис Степанович Пьянов (1724—1774) познакомился с Пугачевым задолго до его выступления. Приехав в ноябре 1772 г. в Яицкий городок, Пугачев целую неделю прожил в доме у Дениса Пьянова, где произносил дерзкие речи, «поносил начальство», угнетавшее народ, открыл свое намерение увести яицких казаков на вольные земли Прикубанья, на р. Лабу, а притом «уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать» (IX, 13). Пугачев уехал, а вскоре до Яицкого городка дошла весть о его аресте в Малыковке (18 декабря). Узнав об этом, Денис Пьянов бежал из дома и около года скрывался в старообрядческих скитах и казачьих хуторах в прияицкой степи. Возвратился он в Яицкий городок в декабре 1773 г., незадолго до вступления отряда пугачевского атамана М. П. Толкачева. 7 января 1774 г. в Яицкий городок приехал Пугачев, на этот раз в роли «Петра III»,

к которому и явился Денис Пьянов [85]. Вскоре состоялась свадьба его младшего сына, описанная Пушкиным в «Истории Пугачева». Имя младшего сына Дениса Пьянова «Дмитрий», названное Пушкиным, вошло в литературу, указатели, биографические словари [86].

С. А. Попов, уже не раз упоминавшийся нами, изучая в Оренбургском архиве ревизскую перепись населения Уральского казачьего войска 1834 г., натолкнулся на запись о жившем в Уральске престарелом отставном казаке Пьянове. Это был Михаил Денисович Пьянов. Других Пьяновых в Уральске не оказалось. Обнаруженная С. А. Поповым запись сообщает: «Михайла Денисов Пьянов, 95 лет; по 7-й ревизии [ж] было 78 лет. Михайлин зять Нефед Михайлов Толоконников, 44-х лет. Нефеда Михайлова жена Евдокия, 42-х лет» [87]. С. А. Попова заинтересовал вопрос: «Кто же ошибся в имени Пьянова: Пушкин ли, называвший его Дмитрием Денисовичем, или же перепись 1834 г., указавшая, что его звали Михаилом Денисовичем? Не можете ли Вы выяснить: сколько сыновей было у Дениса Пьянова и как их звали?».

Задача показалась весьма занимательной и для ее решения нужно было обратиться в московские архивы, где хранятся основные комплексы документов, освещающих события Пугачевского восстания. В ЦГАДА нашлись протоколы следственных показаний Дениса Степановича Пьянова на допросах 22 апреля 1774 г. в Яицкой комендантской канцелярии и 10 мая того же года в Оренбургской секретной комиссии [88], а также протоколы показаний его жены Аграфены Саввишны Пьяновой на допросах 16 января и 15 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии [89]. Однако на этих допросах ни Денис Пьянов, ни его жена Аграфена ничего не говорили о своих сыновьях. Лишь на допросе в Оренбурге Денис Пьянов упомянул о своей снохе, сшившей Пугачеву пестрядинную рубаху. Эта сноха была женой старшего сына Пьянова, так как упомянутое выше событие происходило в ноябре 1772 г. [90], а младший сын Пьянова женился позднее, уже во время восстания, в январе 1774 г., ибо Пугачев присутствовал на этой свадьбе, будучи не только посажёным отцом жениха, но и «государем Петром Федоровичем».

[ж] VII ревизия проводилась в Уральске в июне 1817 г.

Самый ранний по времени документальный источник о сыновьях Дениса Пьянова [91] удалось найти в ЦГВИА. В делах канцелярии шефа казачьих войск генерал-аншефа Г. А. Потемкина обнаружен именной список уральских казаков, датируемый мартом 1776 г., в котором учтены рядовые казаки Леонтий и Михаил Пьяновы [92]. Имя «Дмитрий Пьянов» в этом списке не значится.

Научная сотрудница Башкирского филиала Академии наук СССР И. М. Гвоздикова разыскала в одном из фондов ЦГА БАССР книгу ревизской переписи населения Уральского казачьего войска по VI ревизии, проводившейся в 1811 г., где имеется запись об отставном 69-летнем казаке Михаиле Пьянове [3] и его семье [93]. Имя «Дмитрий Пьянов» в этом списке не значится.

Отсутствие имени Дмитрия Пьянова среди уральских казаков, учтенных именным списком 1776 г. и ревизскими переписями 1811 и 1834 гг., вызвало вопрос: а был ли у Дениса Пьянова сын Дмитрий? Вместе с тем возникли следующие предположения: 1) Пушкин ошибочно назвал Дмитрием Михаила Пьянова, проходящего по учетным документам 1776, 1811 и 1834 гг.; 2) собеседником Пушкина был Михаил Пьянов; 3) Пугачев был посажёным отцом на свадьбе у Михаила Пьянова.

Последнее из этих предположений документально подтвердилось протоколом следственных показаний пугачевского секретаря и «думного дьяка» Ивана Яковлевича Почиталина. На допросе в Оренбургской секретной комиссии он рассказал, что, находясь в январе 1774 г. в Яицком городке, Пугачев выбрал «двух девок, которыя ему были нравны, и женил двух своих любимцев: меня — Почиталина и Михайлу Пьянова; свадьба была на щот Пугачева, и платье на невест положил он свое; моя жена — дочь казака Семена Головачева, которой убит, а Пьянова — дочь же казака Ивана Пачколина, которой ныне на Яике» [94].

Показание Почиталина и данные о Михаиле Пьянове, содержащиеся в именном списке 1776 г. и ревизских переписях 1811 и 1834 гг., удостоверяют, что младшего сына Дениса Пьянова звали Михаилом Денисовичем, а следовательно, Пушкин, называя его Дмитрием Денисовичем, допустил ошибку в имени. Ошибка произошла,

---

[3] Старший сын Дениса Пьянова Леонтий не значится в переписи; он, видимо, скончался ранее 1811 г.

скорее всего, оттого, что Пушкин записал свою беседу с Пьяновым не сразу же в Уральске, а несколько недель спустя в Болдине, при доработке и дополнении текста третьей главы «Истории Пугачева». Прочие же факты биографии Михаила Пьянова, изложенные Пушкиным, соответствуют в основных чертах содержанию рассказа Почиталина (характер отношения Пугачева к семейству Пьяновых, его участие в свадьбе Михаила и др.). Почиталин называл Михаила Пьянова любимцем Пугачева, а его любовь можно было заслужить верной службой и преданностью. Пушкин с удивлением и, пожалуй, не без уважения отмечал непоколебимую привязанность престарелого Михаила Пьянова к памяти Пугачева, который по-прежнему почитался им не иначе, как «великий государь Петр Федорович» (IX, 373).

Нашлось документальное свидетельство об участии Михаила Пьянова в Пугачевском восстании. В августе 1774 г., когда преследуемый карателями Пугачев отступал со своим войском на юг, в безлюдную степь Нижнего Поволжья, и дело близилось к трагической развязке, генерал-майор П. С. Потемкин, действуя по полномочию Екатерины II, обратился с увещеванием к укрывающимся на Яике казакам-пугачевцам. Потемкин предлагал им сдаться властям, принеся «души и сердца с повиновением», обещал им исходатайствовать у Екатерины II помилование, угрожая вместе с тем, что «естли сие последнее объявление не приведет в раскаяние окаменелыя в злости сердца, тогда над таковыми излиется уже весь праведный гнев монархини, и оружие ея величества умножится на истребление и казнь всех преступников» [95]. Многие из пугачевцев восприняли призыв Потемкина к капитуляции как последний шанс избегнуть наказания. Среди сотни казаков, явившихся с повинной к начальнику Яицкой секретной следственной комиссии гвардии капитан-поручику С. И. Маврину, был и Михаил Пьянов.

На допросе у Маврина Пьянов сообщил, что он «от роду себе имеет 22 года» [96], происходит «из казачьих детей». При первом приступе повстанцев к Яицкому городку (18 октября 1773 г.) против них была отряжена казачья команда старшины А. И. Витошнова, где был и Пьянов. Но команда Витошнова почти в полном составе, включая и Пьянова, перешла на сторону Пугачева. Потом Пьянов был в походе пугачевского войска на Оренбург, при взятии Илецкого городка и крепостей Рассыпной,

Нижне-Озерной и Татищевой, а позднее, в октябре—декабре 1773 г., участвовал в осаде Оренбурга, где «противу высылаемых из онаго команд в сражение употреблялся». В конце декабря того же года повстанческий отряд атамана М. П. Толкачева вступил в Яицкий городок и осадил находящуюся в центре, у собора Архангела Михаила, крепость, где засел гарнизон во главе с подполковником И. Д. Симоновым и верные властям казаки. В январе 1774 г. на помощь Толкачеву пришел из-под Оренбурга отряд атамана А. А. Овчинникова, а вслед за ним приехал и сам Пугачев, в свите которого был и Пьянов. В течение трех месяцев, с начала января по начало апреля 1774 г., Пьянов участвовал в боевых действиях при осаде в Яицком городке внутренней крепости, был «на приступах к воинскому ретраншаменту», который так и не удалось взять ни штурмами, ни голодной блокадой.

Когда в начале апреля 1774 г. руководители восставших узнали о движении к Яицкому городку корпуса генерал-майора П. Д. Мансурова, то отправили против него отряд Овчинникова, который вскоре потерпел поражение, после чего бежал через оренбургские степи и горы Южного Урала на соединение к Пугачеву в Магнитную крепость. Пьянов не ушел с Овчинниковым, а остался в Яицком городке с казачьей командой, по-прежнему содержавшей в блокаде городовую крепость, но «противу следующих сюда воинских команд не выезжал». А когда каратели «приближились к Яицкому городку, тогда, убоявся того, что он состоял з бунтовщичьей стороны, скрылся у себя в доме, где до сего времени тайно и пробавлялся». В августе 1774 г. он, «пришед в раскаяние, сам явился». Свои показания заключил заявлением, что за время пребывания в рядах восставших он «воровства, грабительства и смертного убивства не чинил» [97].

Рассмотрев дело, Маврин записал в решении, что Михаил Пьянов «хотя и сам явился, но верные казаки донесли, что имел довольно случаю в прошедшую зиму явитца, следовательно, верил злодею, что государь», а посему он «сечен плетьми, приведен к присяге и написан без очереди на четыре месяца на дальныя форпосты» [98].

При чтении этих документов обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — ни Маврин, ни «верные казаки» вполне обоснованно не поверили в искренность раскаяния Пьянова; 60 лет спустя это под-

твердилось словами Пьянова в беседе с Пушкиным. На вопрос поэта: «Расскажи мне... как Пугачев был у тебя посажёным отцом?» — последовало: «Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович» (IX, 373). Второе — умолчание Пьянова о том, что он был одним из любимцев Пугачева и что тот был посажёным отцом на его свадьбе; умолчание понятное, ибо эти факты были бы явно предосудительными в глазах властей и могли повлечь за собой более суровое наказание.

В беседе Пушкина с Пьяновым среди других тем речь зашла о своеволии яицких казаков в их отношениях с предводителем восстания. Переданные Пьяновым слова Пугачева «*Улица моя тесна*» выразительно увенчали собой пушкинскую характеристику положения предводителя восстания в ближайшем его окружении, среди яицких казаков — инициаторов и вожаков восстания. Пугачев, по словам Пушкина, «ничего не предпринимал без их (яицких казаков.— *Р. О.*) согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна*, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына» (IX, 27). Для данной характеристики Пушкин использовал и другие источники, в частности, показания корнета Федора Пустовалова из «Хроники» П. И. Рычкова (IX, 324), а в качестве иллюстраций привел рассказы о судьбе близких к Пугачеву людей, писаря Д. Н. Кальминского и майорши Е. Г. Харловой, казненных яицкими казаками (IX, 27—28).

Теперь нам известны и другие высказывания Пугачева относительно своевольства яицких казаков. Когда однажды, будучи со своим войском на правобережье Волги, Пугачев выразил атаману А. А. Овчинникову недовольство по поводу самочинных расправ казаков над пленными, то атаман резко ответил ему: «Мы-де не хотим на свете жить, чтобы ты наших злодеев, кои нас раззоряли, с собою возил, ин-де мы тебе служить не будем». И Пугачев, выслушав эти дерзкие слова, вынужден был, по собственному его признанию, замолчать, ибо Овчинников был «первой человек во всей его толпе» [99].

В другом следственном показании Пугачев заявил, что яицкие казаки вообще держались при нем независимо и «делали што хотели»[100]. При этом имелись в виду лишь некоторые из лидеров яицкого казачества, выдвинувшие Пугачева на роль «императора Петра Федоровича» и стремившиеся использовать его в узкосословных казачьих интересах; они стесняли его действия и не давали возможности развернуть его богатые дарования, нанося существенный урон делу восстания[101]. Но к этому не были причастны ни рядовые казаки, люди подобные Михаилу Пьянову, ни такие видные вожаки движения, как И. Н. Зарубин—Чика, И. Я. Почиталин, тот же строптивый атаман А. А. Овчинников и многие другие, которые оставались верны Пугачеву и шли с ним до конца.

Следует заметить, что слова Пугачева «*Улица моя тесна*», услышанные от Михаила Пьянова, Пушкин ввел в разговор Пугачева с прапорщиком Гриневым во время их поездки из Бердской слободы в Белогорскую крепость (в одиннадцатой главе «Капитанской дочки»). На вопрос Гринева: «А ты полагаешь идти на Москву?» самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» (VIII, 352).

Предание о Василии Плотникове

В дорожной записной книжке Пушкина есть краткая заметка: «Вас. Плотников. Пуг[ачев] у него работником» (IX, 493), внесенная для памяти о предании, услышанном поэтом от кого-то из казаков-старожилов в Уральске. К тому времени поэт располагал всего лишь одним документальным свидетельством о Плотникове — приговором Сената от 10 января 1775 г. по делу Пугачева и его сподвижников, опубликованным в т. 20 «Полного собрания законов». Василий Плотников и ряд его товарищей (Денис Караваев, Григорий Закладнов и др.) как первоначальные сторонники Пугачева, которые, «условясь с ним о возмущении яицких казаков, делали первые разглашения в народ», осуждены были Сенатом к жесточайшему наказанию, их надлежало «высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу» (IX,

189—190). Этими крайне скупыми данными и исчерпывались все комментарии к пушкинской заметке о Плотникове в специальной литературе [102].

Для установления истинности уральского предания о Плотникове нужно было изучить протоколы следственных показаний Пугачева и его ближайших сподвижников И. И. Зарубина — Чики, М. Г. Шигаева, Т. Г. Мясникова, И. Я. Почиталина, Г. М. Закладнова, Д. К. Караваева, Я. Ф. Почиталина и самого В. Я. Плотникова. Ни один из них ничего не говорил о том, что Пугачев служил в работниках у Плотникова накануне восстания, летом и в начале осени 1773 г., когда Пугачев скрывался в степных прияицких хуторах. Убедительнее всего невероятность такой ситуации устанавливается при чтении следственных показаний Василия Яковлевича Плотникова.

Наиболее обстоятельные автобиографические показания Плотников дал на допросе 24 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. Как сообщил Плотников, родился он в 1734 г.; 19-летним юнцом начал казачью службу, но, прослужив около шести лет, вышел в отставку из-за болезни ног. В восстании 1772 г. на Яике Плотников не участвовал, но как сторонник «мятежной» стороны казачьего войска не избежал репрессий, был осужден к выплате 15-рублевого денежного штрафа. Он пытался уклониться от этого взыскания, не будучи в состоянии из-за крайней его бедности «заплатить толикого числа денег», но был арестован, закован в кандалы и содержался в заключении до тех пор, пока не внес в казну половину штрафной суммы.

В конце августа 1773 г. Плотников, встретившись с казаком Денисом Караваевым, узнал от него, что в Таловом умете появился неведомый человек (это был Пугачев), который выдает себя за «императора Петра Третьего» и готов вступиться за казаков Яицкого войска. После некоторых колебаний Плотников вошел в группу заговорщиков, действующих в Яицком городке в пользу новоявленного «государя Петра Федоровича». Они вербовали ему сторонников среди верных казаков, обсуждали план выступления, заготавливали знамена и оружие.

Вечером 15 сентября Плотников вместе с Иваном Почиталиным и Тимофеем Мясниковым выехали из Яицкого городка на речку Усиху (в 40 верстах от городка), где находился в то время Пугачев, и на другой день добрались до степного лагеря. Там и состоялось знакомство

Плотникова с Пугачевым. В их беседе обсуждались возможности и перспективы казачьего выступления. «Што, чадо, говорят обо мне в городе, хочет ли войско меня принять?» — спросил Пугачев. «Говорят, ваше императорское величество, разно,— ответил Плотников,— иныя согласны, и говорят, што отказать вам нельзя». Взвесив эти слова, Пугачев раскрыл собеседнику свой замысел, учитывающий двоякое развитие событий в зависимости от той или иной позиции яицкого казачества: «Мне бы-де несколько надобно людей, ежели бы-де сот пяток, так и довольно. Я бы-де пришел с ними к Яицкому городку, и коли-де примут в город, так хорошо, а не примут, так и нужды нет: я бы мимо прошел. Мне-де нужно, штоб Яицкое войско проводило меня до Санкт-Петербурга». Вечером 16 сентября в лагерь Пугачева примчался на взмыленном коне казак Степан Кожевников, он поднял тревогу вестью о выступившей сюда из Яицкого городка розыскной военной команде, которой велено арестовать «государя» и его сторонников. Пугачев тотчас велел седлать лошадей и бежать с Усихи к Яику-реке, в хутор братьев Толкачевых. Плотников, не имевший верховой лошади, остался в брошенном лагере, ему обещали, что за ним позднее приедет казак с запасной лошадью. Всю ночь и утро следующего дня провел Плотников в напрасном ожидании, а в полдень его нашла здесь и схватила розыскная команда. Вечером 18 сентября Плотникова привезли в Яицкий городок. Он был допрошен в комендантской канцелярии, причем допрос шел с пристрастием, с битьем плетьми, но он скрыл многие обстоятельства своей поездки к Пугачеву и не выдал его сторонников, находившихся еще на свободе. В течение девяти месяцев Плотников находился в тюремном заключении в Яицком городке, откуда в июне 1774 г. был перевезен в Оренбург и сдан для следствия в Оренбургскую секретную комиссию [103].

В ноябре Плотникова с партией колодников доставили из Оренбурга в Москву, где в Тайной экспедиции Сената началось главное дознание по делу Пугачева. 17 ноября предстал перед следователями и Плотников, на этом допросе он подтвердил свои показания, данные им ранее в Оренбурге [104]. 10 января 1775 г., сразу же по свершении смертной казни над Пугачевым и четырьмя его товарищами, партию приговоренных к каторжным работам, среди которых были В. Я. Плотников, Д. И. Ка-

раваев, Г. М. Закладнов, И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков, И. И. Ульянов, А. Т. Долгополов и Канзафар Усаев, отправили из Москвы в прибалтийский город Рогервик. В пути Плотников тяжело заболел, а по прибытии в Ревель (Таллин) скончался, где и был похоронен 29 января 1775 г.[105]

Судя по протоколам показаний Плотникова и других пугачевцев на допросах в Оренбурге, уральское предание о службе Пугачева в работниках у Плотникова лишено было реальных оснований: Плотников был малоимущим казаком и не имел возможности нанимать работников; к тому же и встретился-то и познакомился он с Пугачевым лишь за день до начала восстания, когда тот действовал уже в роли «императора» [106]. Предание о Плотникове, услышанное в Уральске, покоилось на устойчиво жившей здесь народной легенде, которую принял во внимание Пушкин, когда в начале второй главы «Истории Пугачева» писал: «В смутное сие время, по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимаясь за всякие ремесла» (IX, 13) [107].

Который из Федулевых?

После посещения Уральска в бумагах Пушкина появилась запись: «Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного — и ночью въехал было в Ор[енбург]» (IX, 497), отображающая рассказ, услышанный от уральских казаков. Поэт вспомнил эту запись при работе над третьей главой «Истории Пугачева». Повествуя о боевых стычках, происходивших под стенами осажденного Оренбурга между повстанцами и командами гарнизона, Пушкин поведал о том, что «нередко сам Пугачев являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле,— и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под устцы» (IX, 27) [108]. В примечании к этому тексту Пушкин использовал свою запись о Федулеве, значительно расширив описание эпизода введением ряда выразительных деталей: «В другой раз Пугачев, пьяный, лежа в кибитке, во время бури сбился с дороги и въехал в оренбургские ворота. Часовые его окликали. Казак Федулев, правивший лошадьми, молча поворотил и успел ускакать. Федулев, недавно умерший, был один из ка-

заков, предавших самозванца в руки правительства» (IX, 102).

При обработке первоначальной записи Пушкин дополнительно ввел пояснение, что Федулев — «один из казаков, предавших самозванца в руки правительства». Источником этого утверждения послужил не рассказ, услышанный Пушкиным в Уральске, а официальные документы. Поэт знал об яицком казаке Иване Петровиче Федулеве из трех правительственных публикаций, помещенных в т. 19 и т. 20 «Полного собрания законов», перепечатанных в составе приложений к «Истории Пугачева». Федулев упоминается в «Описании происхождения дел и сокрушения» Пугачева, обнародованном при манифесте Екатерины II от 19 декабря 1774 г. (IX, 179), в приговоре Сената по делу Пугачева, объявленном 10 января 1775 г. (IX, 191), в «Объявлении прощаемым преступникам», опубликованном Сенатом 11 января 1775 г. (IX, 193). Иван Федулев в июле — августе 1774 г. служил полковником в войске восставших, а позднее, встав на путь предательства, организовал заговор против Пугачева, 8 сентября он с группой заговорщиков арестовал Пугачева и неделю спустя выдал властям. Невзирая на «пугачевское» прошлое Федулева и главных его сообщников по заговору, правительство помиловало их, но все-таки сочло необходимым выслать на поселение в Прибалтику [109].

В дни восстания возникали самые неожиданные коллизии и повороты событий, но как-то не хотелось верить в то, чтобы Иван Федулев, запятнавший себя предательством, мог совершить незадолго перед тем такой поступок, как спасение Пугачева. И благодаря архивным документам удалось установить, что казаки, рассказывая Пушкину о приключении с Пугачевым у стен Оренбурга, наверняка имели в виду не Ивана Федулева, а его однофамильца и родственника. Из неопубликованного протокола показаний Ивана Федулева на допросе в Яицкой секретной комиссии видно, что он примкнул к восстанию в январе 1774 г. в Яицком городке, где и находился до середины апреля, а в пугачевских отрядах под Оренбургом вовсе не бывал [110]. Следовательно, он и не мог участвовать в упомянутом происшествии с Пугачевым, случившемся «в бурю», зимой 1773/74 г. у Оренбурга. Это косвенно подтверждается еще одним наблюдением. По документам, хранящимся в Центральном государственном

историческом архиве Эстонской ССР, известно, что Иван Федулев умер в Пернове 11 декабря 1803 г.[111] Исходя из этого, следует признать, что казаки, говоря Пушкину о «недавно умершем» Федулеве, имели в виду, конечно, не Ивана Федулева, скончавшегося за 30 лет до приезда поэта в Уральск.

Но что за человек был тот, другой Федулев, спасший Пугачева от поимки под Оренбургом? В ходе архивных разысканий выяснилось, что им был яицкий казак Василий Максимович Федулев (родился в конце 1740-х годов) [112].

В конце января 1774 г. при сватовстве Пугачева к Устинье Петровне Кузнецовой Василий Федулев заочно фигурировал в роли подставного жениха. Аксинья Петровна Толкачева, жена атамана М. П. Толкачева, бывшая свахой у Пугачева, рассказывала на следствии, что Пугачев при сватовстве «приказал заложить в сани лошадь, и велел ей, Аксинье, ехать с Почиталиным и с ее мужем к Кузнецову и дочь ево еще посмотреть, подтвердя притом, когда-де спросят: „За ково ее смотрите?“, то скажите, что за гвардейца Василья Федулева (которой из яицких же казаков)» [113]. Василия Федулева называли «гвардейцем», потому что он служил в «гвардии», созданной в октябре 1773 г. для охраны Пугачева. «Гвардия» эта, по свидетельству ее командира сотника Т. Г. Мясникова, состояла «из выбранных нарочно для сего лутчих яицких казаков двадцати пяти человек. И буде куда он отлучался, то всегда за ним ездили, и для сего и назывались они гвардиею» [114]. Потому-то Василий Федулев как «гвардеец» личной охраны и мог сопровождать Пугачева в той памятной поездке в буран, которая едва не закончилась пленом, чего удалось избежать благодаря редкому самообладанию в критическую минуту казака-«гвардейца».

Упоминание о Василии Федулеве встретилось в протоколе московского допроса Пугачева. 31 августа 1774 г. отряд повстанцев, следуя левым берегом Волги, приблизился к Николаевской слободе (расположенной напротив правобережного г. Камышина) и тут натолкнулся на неприятельскую заставу. Произошла схватка, в ходе которой, как вспоминал Пугачев, из числа неприятелей «двух человек скололи: одного он, Емелька, а другова — племянник казака Федулева (Ивана.— *Р. О.*), Василий Федулев» [115].

Архивные разыскания других документальных источников для уточнения биографии Василия Федулева увенчались успехом. Среди следственных материалов Яицкой секретной комиссии, хранящихся в ЦГАДА, был обнаружен протокол допроса Василия Федулева, освещающий его участие в Пугачевском восстании [116]. В середине октября 1773 г. он был включен в карательную казачью команду сотника П. Л. Копеечкина, отправленную из Яицкого города в Ранние хутора по Яику, где появились пугачевские эмиссары, собиравшие казаков под знамена восстания. По приезде на хутора никого из пугачевцев не застали, но в самой команде поднялся мятеж. Казаки, в том числе и Василий Федулев, предводительствуемые есаулом Яковом Серебрецовым, арестовали Копеечкина и его сторонников, а затем отправились в Бердскую слободу к Пугачеву. Там Копеечкина казнили, а казаков его команды зачислили в войско восставших. Тогда-то Василий Федулев и был зачислен в «гвардию» Пугачева. В ноябре — декабре 1773 г. он участвовал в боях под Оренбургом, не раз «выходил на сражение против оренбургских вылазок». В один из дней этого периода осады Оренбурга и произошел памятный эпизод со спасением Пугачева, но Василий Федулев ничего не сказал об этом на допросе. Это умолчание было продиктовано защитной тактикой подследственного: не в его интересах было усугублять свою вину и меру наказания.

В начале января 1774 г. Василий Федулев отправился с отрядом атамана А. А. Овчинникова из Бердской слободы в Яицкий городок, а вскоре туда приехал и Пугачев. Казаки осадили находившуюся в центре городка крепость, Василий Федулев «стоял вокруг ретраншамента на карауле». В начале апреля того же года, по приближении к Яицкому городку карательного корпуса генерала П. Д. Мансурова, Василий Федулев бежал из городка в верховья р. Чеган, где пристал к отряду атамана Овчинникова, с которым, пройдя сотни верст через оренбургские степи и горы Южного Урала, вышел на соединение с Пугачевым к крепости Магнитной. В составе пугачевского войска Василий Федулев проделал поход от верховий Яика до низовий Волги, участвовал во всех боях и во взятии крепостей Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой, городов Красноуфимска, Осы, Казани, Саранска, Пензы, Саратова и Камышина. 25 августа 1774 г. Пугачев потерпел решительное поражение в бит-

ве у Солениковой ватаги под Черным Яром, бежал с остатками своего войска в заволжские степи и к 8 сентября вышел к р. Большой Узень. Здесь Василий Федулев узнал об аресте Пугачева группой заговорщиков во главе с «чиновными старшинами» И. П. Федулевым, Ф. Ф. Чумаковым и И. А. Твороговым. Казаки поехали к Яицкому городку принести повинную властям и сдать им в руки своего бывшего предводителя. Василий Федулев, заболевши в пути, отстал от них и в течение месяца отлеживался у знакомых казаков в Песчанных хуторах. В Яицкий городок он явился 17 октября 1774 г., был допрошен в секретной комиссии и заключен в тюремный острог [117].

Пять месяцев спустя, 14 марта 1775 г., состоялось определение Тайной экспедиции Сената по делу 219 уральских [118] казаков — бывших пугачевцев (в их числе был и Василий Федулев). В определении объявлялось, что хотя все они за их преступления «достойны смертной казни», но, учитывая добровольную явку с повинной, предписано их «от смертной казни, а равно и от всякого наказания избавить и из-под караула освободить». Определение было утверждено резолюцией Екатерины II «Быть по сему» [119].

Василий Федулев прожил после восстания около 40 лет. Последнее документальное известие о нем относится к кануну Отечественной войны 1812 г. В книге ревизской переписи населения Уральска по VI ревизии (1811 г.) назван 67-летний отставной казак Василий Федулев [120], а так как его нет в книге VII ревизии (1817 г.), то он, видимо, скончался между 1811—1817 гг. Потому-то казаки, рассказывая Пушкину об истории, приключившейся с Пугачевым и Федулевым у стен Оренбурга, и говорили об этом Федулеве как о «недавно умершем».

Кто именно из казаков поведал Пушкину о примечательном приключении? Отвечая на этот вопрос, нельзя выйти за границу предположений, ибо никаких прямых свидетельств пока не найдено. Возможно, что рассказчиком был Михаил Денисович Пьянов, любимец Пугачева, узнавший об этом происшествии либо от самого предводителя восстания, либо от «гвардейца» Василия Федулева. Вероятнее же всего, на наш взгляд, предположение, что история эта была сообщена поэту кем-то из потомков Василия Федулева, в доме которого давний эпизод со

спасением Пугачева мог служить излюбленной темой семейных рассказов. Если так и было, то информаторами Пушкина могли быть сыновья покойного Василия Федулева отставные казаки Федор и Пимен, жившие в то время в Уральске: они учтены в книге ревизской переписи населения Уральска по VIII ревизии (июнь 1834 г.). Федору Васильевичу было тогда 48 лет, а Пимену Васильевичу — 34 года [121].

Предание об аресте Пугачева

Будучи в Уральске, Пушкин услышал от казаков предание об аресте Пугачева заговорщиками 8 сентября 1774 г. у степной реки Большой Узень. Предание это поэт кратко изложил в своих дорожных заметках: «Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед.—Разве я разбойник, говорил Пугачев» (IX, 497). Значительно полнее воспроизвел Пушкин рассказ казаков об аресте предводителя восстания в восьмой главе «Истории Пугачева». Когда заговорщики, окружив Пугачева, заявили ему, что они намерены явиться с повинной в Яицкий городок и выдать самого его, Пугачева, властям, тогда произошла такая сцена: «Что же? сказал Пугачев, вы хотите изменить своему государю?— Что делать! отвечали казаки, и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. *Я давно видел вашу измену*, сказал Пугачев, и подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: *вяжи*! Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. *Разве я разбойник*? говорил он гневно. Казаки посадили его верхом, и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков, и закричал, чтоб вязали изменников. Но никто уже его не слушал» (IX, 77). Воспроизведенное Пушкиным предание [и] отходило от истины в отдельных лишь деталях, но в основе своей верно передавало картину ареста Пугачева и события,

[и] В 1833 г. в Уральске не было в живых ни одного из очевидцев ареста Пугачева, но живы были их потомки в первом поколении.

происходившие при его конвоировании в Яицкий городок. Это устанавливается при обращении к следственным показаниям главарей противопугачевского заговора И. А. Творогова, Ф. Ф. Чумакова, И. П. Федулева и И. С. Бурнова.

Наиболее обстоятельно арест Пугачева изображен в протоколе показаний Творогова. Когда Пугачеву открылось предательство «чиновных старшин», то он «переменялся в лице,— то побледнеет, то покраснеет, а напротив того, и мы,— вспоминал на следствии Творогов,— дрожмя дрожали». Когда же казак Бурнов бросился, по знаку Федулева, к Пугачеву и «схватил его спереди за руки, повыше локтей», то Пугачев, «помертвев, робким и прерывающимся голосом говорил: „Што ето? Што вы вздумали? На ково вы руки подымаите?“» Но заговорщики были непреклонны, они заявили Пугачеву: «Мы не хотим больше тебе служить»,— и потребовали сдать оружие, шашку, кинжал и патронницу. Пугачев пытался было оговорить старшин: «Ай, робята, што вы ето вздумали надо мною злодействовать! Вить вы только меня погубите, а то и сами не воскреснете! Полно, не можно ли, детушки, етово отменить! Напрасно вы меня губите»,— но в конце концов, уступая силе, вынужден был сдать оружие, сказав при этом Бурнову, который все еще держал его за руки: «Мне-де бесщестно отдать ето тебе [к], а я отдам полковнику своему Федулеву». Обезоружив Пугачева, заговорщики посадили его на лошадь, и, «ведя оную за повод, ехали все вокруг него» [122].

При аресте Пугачев не был связан, ехал, как и другие, на верховой лошади. Он решил воспользоваться слабым присмотром за собой, чтобы бежать и укрыться в степи. Подозвав Творогова, он отъехал с ним в сторону и направился к густым зарослям камыша. Пугачев снова стал уговаривать Творогова: «Иван! Што вы ето делаете? Вить ты сам знаешь божие писание: кто на бога и на государя руки подымет, тому не будет прощения ни здесь, ни в будущем веке. Ну што вам пользы,— меня потеряете и сами погибнете! Полно, подумайте-ка хорошенька, не лутче ли кинуть ето дело!» Но Творогов твердо ответил: «Нет, уж, батюшка, и не говори! Што задумали и положили, то так тому и быть,— отменить нельзя». Внезапно

[к] Бурнов был рядовым казаком, а к тому же исполнял и обязанности палача, потому-то Пугачеву и было «бесщестно» отдать ему в руки свое оружие.

Пугачев стегнул лошадь плетью и бросился в степь к камышам, крикнув Творогову: «Ну, прощай, Иван! Оставайся!» Творогов, а вслед за ним и другие заговорщики, Т. Д. Железнов, И. Ф. Астраханкин и И. П. Федулев, кинулись в погоню за Пугачевым, после ряда приключений настигли его, заломили руки за спину и связали их. И тут, как вспоминал Творогов, связанный Пугачев, «злобствуя» на заговорщиков, кричал: «Как-де вы смели на императора своего руки поднять? За ето-де воздастся вам,— естли не от меня, так есть у меня наследник Павел Петрович!», но потом уже стал просить, чтобы его развязали, что и было сделано после обещания Пугачева, «что не уйдет уже более» от них [123]. В несколько ином свете изобразил это событие Иван Федулев. Когда Пугачева схватили и собирались было связать, то он «закричал: „Ково вы вяжете? Ведь естли я вам ничего не зделаю, то сын мой Павел Петрович ни однова человека [из вас] живова не оставит!“ И так ево связать поопасались» [124]. Отправившись в путь от Большого Узеня к Яицкому городку, заговорщики везли Пугачева не связанного, но крепко присматривали за ним.

Два или три дня спустя, когда отряд остановился на привал у степной речки Балыкты, Пугачев, действуя в сговоре с казаком Михаилом Маденовым, предпринял новую попытку к освобождению. Заметив лежащие без присмотра на земле саблю и пистолет, Пугачев схватил их и бросился к главарям заговора, крича казакам: «Вяжите, про так их мать, старшин-та, вяжите!». Подскочив к Ивану Федулеву, он вскинул пистолет, спустил курок, но кремень осекся. Федулев, вскричав: «Атаманы-молодцы, не выдайте!» пошел с обнаженной саблей на Пугачева, которого стали окружать другие заговорщики. Пугачев, отмахиваясь саблей от Федулева, попятился назад, и в этот момент Бурнов нанес ему древком копья сильный удар в плечо, а Чумаков схватил сзади за руки. Пугачева обезоружили, «заворотили назад руки веревкою» и связали, но так как он опять стал угрожать возмездием, ибо «великий князь, яко его сын, за нево вступитца», то его развязали, посадили на «худую» (изнуренную) лошадь и повезли в Яицкий городок, куда и явились в ночь на 16 сентября 1774 г.[125]

Столь же отчетливо, как и главарям заговора, запомнились обстоятельства ареста и конвоирования Пугачева многим другим очевидцам, явившимся тогда в Яицкий го-

родок. Их рассказы об этих событиях стали достоянием сыновей и внуков. Кто-то из них и поведал о том Пушкину, для которого это народное предание стало основным источником при изображении картины ареста предводителя восстания на страницах восьмой главы «Истории Пугачева» [126].

23 сентября 1833 г. Пушкин выехал из Уральска по Сызранскому тракту к Волге. Ближе к вечеру он остановился для отдыха и перемены лошадей у постоялого двора. Это был Таловый умет, где 60 лет назад, в августе 1773 г., в доме уметчика Степана Оболяева, известного больше по прозвищу Еремина Курица, укрывался Пугачев, встречаясь здесь с первыми своими соратниками яицкими казаками Денисом Караваевым, Максимом Шигаевым, Иваном Зарубиным и Тимофеем Мясниковым и обсуждая с ними планы предстоящего вооруженного выступления. 19 сентября 1774 г. Пугачев снова побывал на Таловом умете, но уже невольником в оковах: конвойная команда, сопровождавшая его из Яицкого городка в Симбирск, остановилась здесь на привал [127]. Приметы прошлого, овеянные воспоминаниями о «славном [л] мятежнике», как называл Пугачева Пушкин, сопровождали поэта на том же пути из Уральска в Симбирск, та же осенняя степь под ненастным небом, та же бесконечная дорога, размытая дождями, те же печальные селения, редкие перелески, та же опасная переправа через разбушевавшуюся Волгу под Сызранью и, главное,— тот же народ, сохранивший привязанность к памяти своего вождя. Вспоминая свою поездку по пугачевским местам Поволжья и Приуралья, Пушкин писал в 1836 г.: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою» (IX, 389). Таков был главный итог поездки поэта, способствовавшей созданию двух гениальных его произведений — «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

[л] У Пушкина слово «славный» означало «знаменитый», «известный».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1 *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969, с. 85—90.

2 Упомянутые указы Пугачева опубликованы в сборнике «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774». М., 1975, док. № 3, 4, 17.

3 *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами, с. 85—90.

4 Рапорт С. Л. Наумова И. Д. Симонову от 20 сентября 1773 г.— ЦГАДА, ф. 199 (портфели Г. Ф. Миллера), п. 152, д. 10, л. 3—6.

5 ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 76.

6 Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1.

7 Протокол показаний Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г. в Московском отделении Тайной экспедиции Сената.— Красный архив, 1935, № 69—70, с. 185 (далее: Московский допрос Пугачева). См. также протокол показаний Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— Вопросы истории, 1966, № 4, с. 111 (далее: Яицкий допрос Пугачева).

8 Яицкий допрос Пугачева, с. 113.

9 Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 231.

10 Протокол показаний В. Я. Плотникова на допросе 24 августа 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 252.

11 Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 231—231 об.; Протокол показаний В. Я. Плотникова на допросе 24 августа 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 252.

12 Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 231 об.

13 Московский допрос Пугачева, с. 188; протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 188 об.

14 Московский допрос Пугачева, с. 189.

15 Экстракт следствия над яицкими казаками в августе 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 40. О преданиях на Яике относительно грамоты царя Михаила Федоровича (утраченной во время пожара в конце XVII в.) см. также: *Рычков П. И.* Топография Оренбургская. СПб., 1762, ч. 2, с. 79—80; *Короленко В. Г.* У казаков. Из летней поездки на Урал.— В кн.: Ко-

роленко В. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914, т. 6, с. 152—153.

16 Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 230.

17 Яицкий допрос Пугачева, с. 113.

18 Московский допрос Пугачева, с. 189.

19 Протокол показаний И. Н. Зарубина — Чики на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 331.

20 Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 111.

21 Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 232 об.

22 Документы ставки Е. И. Пугачева..., с. 371.

23 Манифест Екатерины II от 17 марта 1775 г.— В кн.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1930, т. 20, № 14275, с. 85.

24 Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1, 9—11, 13, 14, 17—21, 23.

25 Там же, док. № 47—55, 57—59, 64, 65.

26 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 198—199 об.

27 *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева).— В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975: Сб. статей. М., 1976, с. 222—247.

28 ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 206 об. Отец пугачевского писаря Яков Почиталин говорил на допросе, что и его любил Пугачев, «но не за его какую-либо отменную услугу, ибо он [Яков] — человек не артикульной и не бывалой: так не мог угодить и перед ним вертеться как другия, а любил его за то только, что сын его при нем был писарем, а напоследок думным дьяком, которого он очень любил» (там же, л. 234). Первым любимцем Пугачева называли Ивана Почиталина в своих следственных показаниях повстанческие полковники Афанасий Соколов — Хлопуша и Иван Творогов (Красный архив, 1935, № 68, с. 168; Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки, с. 144, 145).

29 Московский допрос Пугачева, с. 205.

30 Протоколы показаний яицких казаков И. Филимонова и Н. Шанина на допросе 8 марта 1774 г. в Оренбургской губернской канцелярии.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7183, л. 159—159 об., 161.

31 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 204 об.— 205.

32 Московский допрос Пугачева, с. 209.

33 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 188—210; отдельные фрагменты этого документа опубликованы в кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 107—112.

34 Записка от 4 августа 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 662, л. 6.

35 ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 105—105 об.

36 Там же, л. 226—226 об.

37 Расписка Ревельской губернской канцелярии от 29 января 1775 г. о приеме колодни-

ков от поручика Максутова.— ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 225.

38 Свидетельства Ревельской губернской канцелярии о смерти Закладнова (28 января) и Плотникова (29 января 1775 г.).— ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 225, 225а.

39 Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 339—341.

40 Там же.

41 Там же, с. 432.

42 Известна точная дата смерти Салавата Юлаева, он скончался 26 сентября 1800 г. (Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 341, 431). Канзафар Усаев умер 10 июля 1804 г. (там же, с. 433).

43 *Петрунина Н. Н.* К творческой истории «Капитанской дочки».— Русская литература, 1970, № 2, с. 79—92; *Она же.* У истоков «Капитанской дочки».— В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 73—123.

44 Полное собрание законов Российской империи, т. 20, № 14233, с. 1—12.

45 До последнего времени считалось, что собеседником Пушкина был Николай Сергеевич Свечин (1759—1850), однако Н. Н. Петрунина установила, что с Пушкиным беседовал Никанор Михайлович Свечин (1772—1848) — племянник первого (*Петрунина Н. Н.* К творческой истории «Капитанской дочки», с. 82).

46 *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами, с. 36, 57.

47 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 13. Сообщение об этих трех пугачевских посланиях в Оренбург имеются в «Хронике» очевидца оренбургской осады П. И. Рычкова, опубликованной Пушкиным: «Городские казаки имели с некоторыми наездниками их переговор, при котором передали они злодеевы три письма, из коих, как слышно было, одно на русском языке, указом к губернатору, но самым глупым стилем о сдаче города писанное; другое на немецком языке, но самый худой перевод из того указа; а третие ничего не значущее, но в одних только черточках (наподобие того, как незнающие грамоте дети иногда пишут) состоящее, и такими ж пустыми чертами не в одном месте подписанное письмо, видно самим злодеем, как незнающим грамоте, для обмана находящихся при нем простаков писанное, в том виде, якобы он знает грамоте и сам от себя партикулярно к губернатору писал» (IX, 276). В «Хронике» Рычкова дано изложение показаний корнета Федора Пустовалова, перебежавшего 16 марта 1774 г. из лагеря повстанцев в Оренбург и сообщившего, что пленные офицеры «находятся в Пречистенской крепости в ведомстве поручика Шванвича, который определен там от злодея атаманом» (IX, 322).

48 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 17. Указ опубликован в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 26.

49 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 18. Указ опубликован в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 27.

50 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 19. Об этом «автографе» и других «манускриптах», исполненных рукой Пугачева, см. подробнее: *Овчинников Р. В.* Автографы Пугачева.— Вопросы архивоведения, 1960, № 6(16), с. 56—59.

51 Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 27.

52 Яицкий допрос Пугачева, с. 117. На допросе в Москве Пугачев, вспоминая этот же эпизод, показал, что он, обратившись к Шванвичу, сказал: «„Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбурхскому губернатору, чтоб он принял меня в город с щестию и драться бы перестал". Шваныч письмо написал. Он [Пугачев], посмотря ево, сказал: „Хорошо"».— Красный архив, 1935, № 69/70, с. 202.

53 Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 220—220 об.

54 Протокол показаний М. А. Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1931, т. 3, с. 212.

55 «Указ на немецком языке писал офицер Шванович, 2-го гранодерскаго полку подпоручик» (Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 111).

56 «И оной Шванович после, как ему, Шигаеву, сказывали, писал от самозванца к оренбургскому господину губернатору указ по-немецки» (Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 86).

57 Московский допрос Пугачева, с. 202—203.

58 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 1.

59 ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 1.

60 См. прим. 53, 55, 56.

61 Пугачевщина, т. 3, с. 215.

62 ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 2, л. 6—7.

63 Сборник Русского исторического общества, СПб., 1880, т. 27, с. 3.

64 Пугачевщина, т. 3, с. 207—215. Пушкинист Г. П. Блок, опираясь на материалы фамильного архива Шванвичей, написал и опубликовал в 1940 г. очерк, освещающий биографии предков М. А. Шванвича (выходцев из Германии), самого М. А. Шванвича и его родственников со стороны старшего брата Николая (*Блок Г. П.* Путь в Берду. Пушкин и Шванвичи.— Звезда, 1940, № 10, с. 208—217; № 11, с. 139—149).

65 ЦГВИА, ф. 490, оп. 3/214, д. 150.

66 Об этом знал и Пугачев со слов Шванвича (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 202).

67 ЦГВИА, ф. 490, оп. 3/214, д. 150.

68 Там же.

69 Протокол показаний М. А. Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— Пугачевщина, т. 3, с. 208—211.

70 Московский допрос Пугачева, с. 202.

71 Пугачевщина, т. 3, с. 212.

72 ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 2, л. 155.

73 *Овчинников Р. В.* Автографы Пугачева, с. 56—59.

74 Пугачевщина, т. 3, с. 212—213.

75 Протокол показаний Пугачева на допросе 2—6 октября 1774 г. в Симбирске.— Вопросы истории, 1966, № 5, с. 114.

76 Пугачевщина т. 3, с. 213.

77 ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 12, л. 236.

78 Протокол показаний Л. А. Творогова на допросе 10 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 219, 219 об.

79 Пугачевщина, т. 2, с. 214.

80 Записка С. И. Маврина от 4 августа 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 662, л. 6; Записка П. С. Потемкина от 20 декаб-

ря 1774 г.— Там же, д. 515, л. 240.

[81] ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 110.

[82] Там же, ф. 259, оп. 113, д. 297, л. 1.

[83] Там же, л. 2—4.

[84] Там же, ф. 7, д. 3704, ч. 26, л. 10.

[85] Там же, ч. 3, л. 4.

[86] Рапорт тобольского губернатора Б. А. Гермеса генерал-прокурору Сената Г. Р. Державину от 28 марта 1803 г.— Там же, д. 2047, ч. 10, л. 231.

[87] Уже черновая редакция «Замечаний о бунте» имеет ссылки на страницы «Истории Пугачевского бунта», напечатанной в типографии в конце ноября 1834 г. (IX, 799).

[88] Дмитрий Николаевич Шванвич был отставным полковником гвардии Финляндского полка, Сергей Николаевич Шванвич — отставным полковником гвардии Измайловского полка (*Блок Г. П.* Путь в Берду.— Звезда, 1940, № 11, с. 149; *Гулевич С.* История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806—1906. СПб., 1909, ч. 5, отд. 5, с. 33; Дело о дворянском происхождении рода Шванвичей.— ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 33, д. 666, л. 1—68).

[89] *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами, с. 169—178.

[90] Там же, с. 181—184.

[91] ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 74.

[92] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей земли Русской. М., 1836, т. 4, с. 275. Пушкин пользовался рукописями некоторых статей этого издания, присланными ему Д. Н. Бантышом-Каменским при письме от 7 мая 1834 г. (XV, 143—144). В бумагах Пушкина сохранился его конспект статьи о Рейнсдорпе (IX, 777).

[93] ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 73—73 об.

[94] Там же, л. 93; см. аналогичный текст в «Хронике» Рычкова (IX, 305).

[95] ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 74; опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 62.

[96] Пугачевское послание от 23 февраля было приложено к рапорту Рейнсдорпа, посланному 27 апреля 1774 г. в Военную коллегию (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 72).

[97] ЦГАДА, ф. 6, д. 494, л. 85 об.

[98] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей, т. 4, с. 142. Из статьи об атамане И. Н. Белобородове (там же, т. 1, с. 238—241) Пушкин заимствовал данные Бантыша-Каменского о том, что Белобородов «вместе с Падуровым заведывал письменными делами» у Пугачева (IX, 28), что не подтверждается источниками.

[99] Речь идет об автографах трех писем Падурова, два из которых от 4 ноября 1773 г. были адресованы атаману оренбургских казаков В. И. Могутову и старшине яицких казаков М. М. Бородину, а третье от 19 декабря 1773 г. послано к тому же Бородину (ЦГАДА, ф. 349, д. 7183, л. 202—207 об.; письма опубликованы в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 103, 104, 107а).

[100] Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 207 об. Рукой М. Д. Горшкова было написано другое, более раннее письмо на обороте послания Рейнсдорпа командующему карательными войсками от 23 января 1774 г., перехваченного пугачевцами (Доку-

менты ставки Е. И. Пугачева..., док. № 56).

101 Супонин (Супонев) Семен, яицкий казак, столоначальник повстанческой Военной коллегии в ноябре 1773 — марте 1774 г. Весной 1774 г., после поражения Пугачева в боях под Оренбургом, Супонин бежал к Яицкому городку, более четырех месяцев скрывался в степных хуторах, выжидая пока пройдет полоса репрессий, а 16 августа явился с повинной к властям, в тот же день был освобожден на поруки. Вскоре он начал службу рядовым казаком. С марта 1776 г. служил писарем в Уральской войсковой канцелярии.

102 Пустаханов (Пастаханов) Игнатий Яковлевич, бузулуцкий казак, столоначальник повстанческой Военной коллегии в ноябре 1773 — марте 1774 г. В апреле 1774 г. арестован карателями, содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой претерпел «нещадное наказание плетьми». Впоследствии служил казаком, в 1789—1802 гг. был атаманом в Бузулуцкой крепости.

103 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 209.

104 Установлено сходство рукописной графики пугачевского послания от 23 февраля 1774 г. и указов Военной коллегии от 18 декабря 1773 г., 25 февраля и 1 марта 1774 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 49, 64, 65), указы эти написаны рукой неизвестного нам писаря коллегии.

105 *Петрунина Н. Н.* Вокруг «Истории Пугачева».— В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969, т. 6, с. 234—236, 239.

Глава II

1 *Рычков П. И.* Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии (1776 г.).— Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, ф. 36, оп. 1, № 521/442, л. 62. Принимая во внимание активное участие бердских казаков в Пугачевском восстании, власти решили установить у Бердской слободы памятный «позорный» знак кары — виселицу (ЦГАДА, ф. 1100, д. 12, л. 4).

2 *Рычков П. И.* Лексикон, или словарь топографический, л. 61 об.— 62.

3 Сочинения и письма А. С. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903, т. 7, с. 278.

4 *Модзалевский Л. Б.* Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Л., 1929, с. 27.

5 Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935, с. 339.

6 *Попов С. А.* Оренбургские собеседники А. С. Пушкина.— Советские архивы, 1969, № 5, с. 113—116.

7 ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 399 об.— 400. Подробнее см.: *Попов С. А.* Из дорожной книжки Пушкина.— Урал, 1977, № 4, с. 149—152.

8 По данным VIII ревизии, А. Т. Мордвинцевой в 1834 г. было 12 лет (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 363 об.— 364), следовательно, родилась она в 1822 г.

9 Ирина Афанасьевна Бунтова рассказывала приехавшим в Бердскую слободу Е. З. Во-

ропиной и П. И. Шелашникову, что вместе с Пушкиным был оренбургский офицер — инженер-капитан Константин Демьянович Артюхов, директор Неплюевского военного училища в Оренбурге (Письмо Е. З.Ворониной к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 658—660).

10 *Севастьянов С. Н.* Несколько указаний о пребывании А. С. Пушкина в Бердах.— Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900, вып. 6, с. 233—234.

11 *Свиньин П. П.* Картина Оренбурга и его окрестностей. Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году.— Отечественные записки, 1828, ч. 35, № 99, с. 22.

12 *Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине.— В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 222, 223.

13 ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 112 об.

14 *Даль В. И.* Толковый словарь. М., 1955, т. 4, с. 363, 648; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940, т. 4, с. 597.

15 Протокол показаний Мусы Улеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 644—650; рапорт старшины Каргалинской слободы Абдрафика Абдуллина оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 2 апреля 1774 г. с реестром бухарских товаров, отобранных у Мусы Улеева.— Там же, ф. 1100, д. 7, л. 185—186.

16 Это может служить доказательством того, что Пушкин осматривал бывший «дворец» Пугачева и, возможно, беседовал с владельцем этого дома Карпом Ситниковым, в то время как Свиньин и Даль отразили в своих воспоминаниях полученные из вторых рук и не вполне точные предания об украшении «золотого дворца» Пугачева латунными листами.

17 ЦГАДА, ф. 1100, д. 1—14.

18 ЦГВИА СССР, ф. 20, д. 1230—1240.

19 ЦГАДА, ф. 6, д. 421, 436, 441, 467, ч. 12—13; ф. 349, д. 7250—7373.

20 Там же, д. 510.

21 Там же, л. 27 об.— 28 об., 34—34 об. и др.

22 Там же, л. 56. На полях списка рукой чиновника секретной комиссии гвардии капитан-поручика С. И. Маврина внесена резолюция о наказании Ситникова: высечь «плетьми и написать попрежнему в казаки».

23 Там же, ф. 349, д. 7309, л. 26 об.— 27.

24 Перепись 1772 г.— ЦГВИА, ф. 8, д. 1536, л. 408—530; перепись 1774 г.— Там же, ф. 20, д. 1238, л. 501—512 об.; перепись 1776 г.— Там же, ф. 52, д. 101, л. 150—222.

25 В ревизской переписи 1834 г. учтена семья Карпа Константиновича Ситникова (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 399 об.— 400).

26 ЦГВИА, ф. 52, д. 305, ч. 3, л. 15 об.— 16.

27 Там же, ф. 13, оп. 2/110, св. 164, ч. 4, л. 689 об.— 690, 730 об.— 731.

28 Там же, ф. 41, д. 284, л. 34 об.— 35.

29 Там же, ф. 13, оп. 2/110, св. 153, д. 22, л. 24 об.— 25.

30 Там же, ф. 489, д. 3054, л. 14 об.— 15, 59.

31 Формулярный список за январь 1802 г.— ЦГВИА, ф. 489, д. 3055, л. 71 об.

32 ГАОО, ф. 173, оп. 11, д. 5, 7, 8, 19.

33 Там же, оп. 1, д. 1197, л. 42 об.

34 ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 144, л. 349 об.

[35] Рапорты караульных офицеров в Оренбургскую губернскую канцелярию.— Там же, ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 249, 269 об.
[36] ЦГАДА, ф. 349, д. 7208, л. 11 об.
[37] *Севастьянов С. Н.* Указ. соч., с. 234.
[38] ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 112 об.
[39] *Севастьянов С. Н.* Указ. соч., с. 234.
[40] Перепись бердских казаков 1891 г.— ГАОО, ф. 49, оп. 1, д. 11, л. 9.
[41] Их предок, бердский казак Федор Смолин, принимал участие в Пугачевском восстании, был арестован карателями, умер в оренбургском остроге 12 апреля 1774 г. (Рапорт караульного офицера капитана И. Саврасова.— ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 202).

Глава III

[1] *Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине.— В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 222—223.
[2] Письма из Оренбурга 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 647, 658—660.
[3] Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 43, п. 5, д. 1, л. 4.
[4] *А. И. М*[*акшеев*]. Рассказы о Пугачеве.— Русская старина, 1870, № 10, с. 418.
[5] *Севастьянов С. Н.* Несколько указаний о пребывании А. С. Пушкина в Бердах.— Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900, вып. 6, с. 233—234.
[6] ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 25, л. 90 об.— 91; *Попов С. А.* «Старуха в Берде» — Южный Урал, 1966, 14 янв., с. 4; *Он же.* Оренбургские собеседники А. С. Пушкина.— Советские архивы, 1969, № 5, с. 115—116.
[7] Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 658; Дневник К. А. Буха, запись от 8 июля 1835 г.— Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 43, п. 5, д. 1, л. 4.
[8] ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 396—397.
[9] *Попов С. А.* Оренбургские собеседники А. С. Пушкина, с. 115.
[10] Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 43, п. 5, д. 1, л. 4.
[11] *А. И. М*[*акшеев*]. Указ. соч., с. 418.
[12] Архив Оренбургского городского бюро ЗАГС, метрическая книга церкви в Бердской станице за 1848—1856 гг., л. 41 об. Подробнее см.: *Попов С. А.* Еще о «старухе в Берде».— Южный Урал, 1977, 9 окт., с. 4.
[13] Русский архив, 1902, № 8, с. 658—660.
[14] Генеалогическая таблица рода Бунтовых, составленная С. А. Поповым по метрическим книгам и другим архивным источникам.
[15] ГАОО, ф. 173, оп. 11, кн. 8. Запись обнаружена С. А. Поповым.
[16] ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), кн. 144, л. 359.
[17] Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 659.
[18] ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 350.
[19] Список колодников от 31 мая 1774 г. (там же, д. 510, л. 152, 157).
[20] ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4479, л. 1.
[21] Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 659—660.
[22] *Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине, с. 223.
[23] *Зенгер Т.* Николай I — редактор Пушкина.— В кн.: Литературное наследство. М., 1934,

т. 16—18, с. 524—532; *Петрунина Н. Н.* Как увидела свет «История Пугачева».— В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 130—135.

[24] При письме А. Х. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. Пушкин послал на цензуру Николая I свои «Песни о Стеньке Разине» (XIII, 333). Шеф жандармов письмом от 22 августа 1827 г. известил Пушкина о мнении царя относительно этих песен — они, «при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (XIII, 336).

[25] *Зенгер Т.* Указ. соч., с. 532; *Измайлов Н. В.* Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».— В кн.: Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 295—296; *Петрунина Н. Н.* Указ. соч., с. 135, 161—162.

[26] *Пушкин А. С.* История Пугачевского бунта. СПб., 1834, с. 52 (вторая пагинация).

[27] *Зенгер Т.* Указ. соч., с. 528, 531—532.

[28] Впервые по первозданному пушкинскому тексту «История Пугачева» была напечатана в 1938 г. в составе 17-томного Собрания сочинений Пушкина (М.; Л., 1938, т. 9, кн. 1; «разинский» эпизод — на с. 51, прим. к нему — на с. 112).

[29] *Зенгер Т.* Указ. соч., с. 528, 531—532; *Гроссман Л. П.* Степан Разин в творчестве Пушкина.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1952, т. 20, вып. 2, с. 76—81; *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 295—296; *Чхеидзе А. И.* «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, с. 108; *Петрунина Н. Н.* Указ. соч., с. 135, 161—162.

[30] В действительности Разин осаждал Симбирск в сентябре 1670 г., а в начале октября того же года потерпел там решительное поражение и отступил на Дон.

[31] ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 144 об. В записи, кроме Степана Андреевича Разина, учтены: его 37-летний сын Маркел и сын последнего 6-месячный Леонтий; кроме того, упомянут старший сын С. А. Разина Денис (род. 1796), который был «пленен киргисцами в 1822 году». Находка ревизской записи о С. А. Разине обнародована в печати: *Попов С. А.* Еще о «старухе в Берде».— Южный Урал, 1977, 9 окт., с. 4. Научная сотрудница Башкирского филиала Академии наук И. М. Гвоздикова обнаружила в 1978 г. в Центральном Государственном архиве Башкирской АССР в Уфе книгу ревизской переписи Уральского казачьего войска 1811 г., где учтен Степан Разин, живший в то время в Илецкой станице (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 188, л. 366 об.— 367).

[32] ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 71 об.

[33] Там же, д. 467, ч. 10, л. 349—350 об.

[34] Не оказалось Разиных среди жителей Нижне-Озерной станицы, учтенных ревизскими переписями 1816 и 1834 гг. (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 25, 58).

[35] *Карпов А. Б.* Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911, ч. 1, с. 57—60, 721, 757—759, 786—788, 807—811; *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край. Казань, 1890, вып. 2, с. 229—235; *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966, с. 19—22.

[36] ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 27, л. 54 об.

[37] Крестьянская война под предводительством Степана Рази-

на: Сб. документов. М., 1957, т. 2, ч. 1, с. 128, 129, 150, 151, 164, 169, 194, 302, 303, 426, 458, 463.

38 Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1869, вып. 30. Селения по Саранскому уезду, с. 85.

39 ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 28 (ч. 1—3), 29, 30.

40 ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 28, ч. 1, л. 1823.

41 Там же, л. 367—367 об.

42 Речь идет о походе 1716 г., когда экспедиция не смогла выйти за пределы России; из яицкого казачьего отряда, дошедшего до Гурьева, 500 казаков были возвращены в Яицкий городок (*Витевский В. Н.* Яицкое войско до появления Пугачева.— Русский архив, 1879, № 9, с. 424).

43 ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 28, ч. 1, л. 367—367 об.

44 ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 349 об.

45 ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4479, л. 1.

46 Там же, ф. 98, оп. 2, д. 25.

47 Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгелькс от 26 ноября 1833 г.— Русский архив, 1902, № 8, с. 659.

48 *Витевский В. Н.* Яицкое войско до появления Пугачева.— Русский архив, 1879, № 10, с. 227—229.

49 *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 294—295.

50 Протокол показаний Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г. в Московском отделении Тайной экспедиции Сената.— Красный архив, 1935, № 69/70, с. 207—208.

51 Полтора месяца спустя, 8 мая 1774 г., Овчинников привел свой отряд под Магнитную крепость к Пугачеву. Обрадованный Пугачев спросил верного атамана: «Как ты ис Татищевой ушол, и где ты был, и этих людей, кои с тобою пришли, где нашел?» На что Овчинников ответил: «Я-де против Голицыной каманды стоял до тех пор и стрелял, докудова все заряды выстрелил, а потом, падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына, а за мною поспели убежать только казаков человек с триста» (там же, с. 210).

52 Рапорты П. М. Голицына генерал-аншефу А. И. Бибикову от 22 и 24 марта 1774 г.— ЦГВИА, ф. 20, д. 1236, л. 390—390 об., 397—399 об.

53 Рапорт коменданта Чернореченской крепости майора Х. Краузе губернатору И. А. Рейнсдорпу от 1 апреля 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 12, л. 245—245 об.

54 Рапорт Краузе Рейнсдорпу от 2 апреля 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 12, л. 250—252.

55 Рапорт Мансурова Рейнсдорпу от 9 апреля 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 344.

56 *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 25; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977, с. 154—165.

57 Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 114 об.

58 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2, с. 110.

59 Рапорт подпоручика саранского гарнизона С. Иванова казанскому губернатору генерал-аншефу Я. Л. Бранту от 4 августа 1774 г.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 189—191.

60 Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской сек-

ретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 90—90 об.

61 Т. И. Падуров на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии сообщил, что перед выступлением из Берды Пугачев «приказал раздавать находящуюся тут медную казну народу в жалованье тож и распоить вино, котораго было тут несколько бочек. А как бочки выкатили, и народ бросился к ним с жадностию, отчего и зделался необычайной крик и беспорядок, то самозванец приказал яицким казакам выбивать из бочек дны, а потом, видя продолжающийся беспорядок, приказал скоро-наскоро всем за собою выступать» (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 481).

62 В апреле 1775 г. Оренбургская войсковая канцелярия составила ведомость об ущербе, понесенном селениями казачьего войска в дни восстания. По Бердской слободе ущерб казенному имуществу исчислялся в сумме 198 руб. 19 коп., а по частновладельческому имуществу определен суммой в 4095 руб. 50 коп. (ЦГВИА, ф. 52, д. 52, л. 288 об.). И хотя весь этот урон отнесен по ведомости за счет повстанцев, но фактически в неменьшей степени причастны к нему как правительственные войска, вступившие в Бердскую слободу в конце марта 1774 г., так и жители Оренбурга, грабившие слободу в течение нескольких дней. О последнем упоминал П. И. Рычков в своей «Хронике»: «Между тем носился в городе слух, что в Берде городскими людьми учинены были великие грабительства и хищения и якобы многие пожитки, в руках злодеев находившиеся, разными людьми вывезены в город» (IX, 327).

63 *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 292—293.

64 Протоколы показаний Пугачева на допросах в Яицком городке и в Москве.— Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118—119; Красный архив, 1935, № 69—70, с. 205.

65 Протокол показаний У. П. Кузнецовой на допросе 12 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 198—199. Устинья была арестована 16 апреля 1774 г. при вступлении в Яицкий городок карательной команды генерала П. Д. Мансурова, содержалась под следствием в Оренбурге, а потом в Москве. По приговору Сената, утвержденному Екатериной II, Устинья вместе с семьей Пугачева сослана в Кексгольм. Последние документальные известия о ней относятся к июлю 1803 г. (подробнее см.: *Овчинников Р. В.* Судьба семьи Е. И. Пугачева.— В кн.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1970, т. 3, с. 481—485).

66 Протокол показаний П. М. Кузнецова на допросе 12 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 118—119.

67 Протокол показаний Е. П. Кузнецова на допросе 16 сентября в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 316—316 об.

68 Когда Пугачев, возвратившись в Бердскую слободу, объявил всем, что «он женился на казачьей дочери Устинье Петровне, и приказывал почитать ее за государыню, я зачал уже понимать, что он, конечно, не ис-

тинной государь, а самозванец, делая сие заключение из того, что естли бы он был точной государь, то от живой супруги не поступил бы на такое презренное супружество, да и в такое еще время, когда надлежало ему стараться утверждать себя на царство» (Протокол показаний Т. И. Падурова на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 479).

69 «Когда ж Пугачев обвенчался, то в народе зделалось сумнение, что Пугачев не государь, и многия между собою говорили: „Как-де етому статца, чтоб царь мог женитца на казачке?" — А потому многия начали из толпы ево расходится, и усердие в толпе к ево особе истребляться» (Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 109—110).

70 Когда Максим Горшков узнал о женитьбе Пугачева, то стал мыслить о нем «иначе нежели прежде, потому что прямому царю на простой казачьей девке жениться казалось мне неприлично, и с того времени, усумнясь я о его достоинстве, заключил, что, конечно, он не государь: государь бы на сие, будучи на его месте, не поступил. Однакож и за сим сумнением остался я в его службе» (Протокол показаний М. Г. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 114).

71 Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 115—115 об.

Глава IV

1 *А. К.* Рассказ моей бабушки.— В кн.: Невский альманах на 1832 год. СПб., 1832, с. 258—259. Автором этой повести был оренбургский литератор А. П. Крюков (1803—1833), создавший ряд стихотворных и прозаических произведений, освещающих жизнь Оренбургского края (подробнее см.: *Фокин Н. И.* К вопросу об авторе «Рассказа моей бабушки».— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1958, № 261, с. 155—163).

2 Записки И. И. Осипова, И. С. Полянского и М. Н. Пекарского, содержащие свидетельства о захвате Пугачевым Нижне-Озерной крепости (IX, 553, 585, 601), попали в руки Пушкина лишь после выхода в свет «Истории Пугачева».

3 Имя атамана Нижне-Озерной станицы установлено по ведомости Войсковой канцелярии Оренбургского казачьего войска, представленной 28 апреля 1833 г. в губернское правление (ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10626, л. 30).

4 Степан Киселев вместе с другими жителями Нижне-Озерной крепости подписал 29 января 1772 г. прошение в Оренбургское духовное правление об определении Ивана Данилова в дьячки местной церкви (ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 3903, л. 20), а 9 мая 1777 г. Степан Киселев и другие прихожане той же церкви подписали договор с Василием Абрамовым об исполнении им должности церковного старосты (там же, д. 4479, л. 1).

5 ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 349.

6 ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 58, л. 204 об.

7 *Попов С. А.* Оренбургские собеседники А. С. Пушки-

на.— Советские архивы, 1969, № 5, с. 114—115.

[8] Книга ревизской переписи 1834 г.— ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 58, л. 283 об.

[9] Там же, л. 205 об.

[10] Именной список жителей Нижне-Озерной крепости 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 350.

[11] Там же, л. 349, 350.

[12] Полный текст этой песни, записанный в 1858 г. со слов уральского казака И. М. Бакирова, приведен: *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков.— В кн.: Железнов И. И. Полн. собр. соч. СПб., 1900, т. 3, с. 166—168.

[13] Сообщение это сходно с рассказом бердской казачки И. П. Бунтовой, записанным в ноябре 1833 г. Е. З. Ворониной (Русский архив, 1902, № 8, с. 659).

[14] *Мякутин А. И.* Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904, т. 1. Песни исторические, с. 270.

[15] Формулярные списки о службе З. И. Харлова от 30 марта и 20 октября 1764 г.—ЦГВИА, ф. 490, оп. 3/214, д. 205, л. 109 об.— 110, 319 об.— 320.

[16] Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, такожде кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1771 год. СПб., 1771, с. 69.

[17] *Каменский Е. С.* История 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка (1707—1798 гг.). М., 1900, т. 1, с. 455—463; т. 2, с. 22.

[18] Формулярные списки офицеров Санкт-Петербургского карабинерного полка за 1772 г.— ЦГВИА, ф. 490, оп. 5/216, д. 150, л. 85 об.

[19] *Попов С. А.* Оренбургские собеседники А. С. Пушкина, с. 114.

[20] *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 285—286.

[21] ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 66—66 об.

[22] Там же, л. 65—65 об.

[23] Там же, л. 67—67 об.

[24] Там же, л. 70.

[25] Записки о жизни и службе А. И. Бибикова, составленные его сыном сенатором А. А. Бибиковым. СПб., 1817, с. 26.

[26] *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина. СПб., 1910, с. 10.

[27] *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 287; *Чхеидзе А. И.* «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, с. 248.

[28] Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 113 об.

[29] ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 421 об.

[30] Прапорщик Александр Фигнер — род. в 1744 г.— «венгерской нации из иноземцев», участник Семилетней войны (в кампаниях 1758—1762 гг.), «грамоте по-российски и по-немецки читать и писать умеет, и часть арифметики и з геометриею знает» (Формулярный список 1773 г.— ЦГВИА, ф. 490, оп. 5/216, д. 447, л. 30 об.— 31).

[31] Прапорщик Петр Хабалеров (Кабалеров) — род. в 1746 г. в дворянской семье, владелец 10 душ крепостных, в военной службе с 1762 г., «грамоты не знает» (Формулярные списки 1769 и 1773 гг.— ЦГВИА, ф. 490, оп. 3/214, д. 100, л. 511 об.— 512; оп. 5/216, д. 447, л. 39 об.— 40).

[32] Антип Скопин служил с 1772 г. писарем комендант-

ской канцелярии Нижне-Озерной крепости.

33 Очевидцами казни капрала Бикбая Усманова были его родной брат казак-пугачевец Муса Усманов и двоюродный племянник Бикмурат Ниязов, о чем имеются упоминания в протоколах их показаний на допросах в Яицкой секретной комиссии в сентябре 1773 г. (ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 381 об., 422).

34 *Чхеидзе А. И.* Указ. соч., с. 66, 68; *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 288.

35 Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 97 об.

36 ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 12—12 об.

37 Там же, д. 1231, л. 200.

38 *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966, с. 97—183.

39 ЦГВИА, ф. 490, д. 137, л. 663 об.— 664.

40 ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 30—31 об.

41 Протокол показаний Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицком городке.— Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115; Протокол показаний Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г. в Москве.— Красный архив, 1935, № 69/70, с. 192.

42 Красный архив, 1935, № 69/70, с. 192—193. Любопытные показания о Кальминском содержатся в протоколе допроса яицкого казака-пугачевца М. Т, Ерыклинцева. Он рассказал, что повстанцы поймали Кальминского в шести верстах от Чаганского форпоста, отобрали у него почту, а потом, «обрезав косу, взяли с собою и, доехав до Сластиных хуторов, во оных расположились, и помянутого сержанта Кальминского самозванец намерялся повесить. Однако он, стоя пред ним на коленках, говорил: „Батюшка, надежа-государь, помилуй, я тебе стану служить всею верою и правдою“. Напротив чего самозванец ему, Кальминскому, сказал, что: „Бог и я, государь, тебя прощаю“. Почему он, Кальминской, в ево шайке и предостался» (Протокол допроса М. Т. Ерыклинцева 12 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 356).

43 Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

44 Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, док. № 3. В тот же день, 19 сентября, Кальминский составил текст присяги «Петру III» (там же, док. № 93), который, как вспоминал Пугачев, был одобрен казаками-повстанцами: «...все единогласно закричали: „Готовы тебе, надежа-государь, служить верою и правдою“» (Красный архив, 1935, № 69—70, с. 193).

45 Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 4, 5.

46 ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 8, 60—60 об., 77.

47 Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 94. Рукой Кальминского написаны письма казака-повстанца С. И. Акутина к отцу — старшине И. К. Акутину, и походного атамана А. А. Овчинникова к старшине М. М. Бородину, отправленные в тот же день в Яицкий городок с казаком И. Дыннико-вым (там же, док. № 95, 96).

48 Вопросы истории, 1966, № 4, с. 116.

49 *Севастьянов С. Н.* Несколько указаний о пребывании А. С. Пушкина в Бердах.— Тр. Оренбургской ученой архив-

ной комиссии. Оренбург, 1900, вып. 6, с. 233.

50 Полная запись песни приведена в кн.: *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 3, с. 166—168.

51 ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 2, л. 246.

52 Вместе с М. И. Суриной осталась и ее дочь Алена Петровна (капитанская дочка!), которая как сирота обеспечивалась продовольствием, выдаваемым ей пугачевским атаманом Нижне-Озерной крепости К. Разнолишниковым (Документы ставки Е. И. Пугачева..., с. 85). Вдова капитана Сурина и ее дочь проживали в Нижне-Озерной крепости и после Пугачевского восстания. В делах Оренбургского духовного правления хранится договор жителей Нижне-Озерной крепости с В. Абрамовым (от 9 мая 1777 г.) об исполнении им обязанностей церковного старосты; в числе прочих договор подписала «вдовствующая госпожа капитанша Марина Сурина» (ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4479, л. 1).

53 ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 858.

54 Там же, л. 30—32.

55 Там же, л. 73—73 об.

56 Там же, л. 147.

57 Там же, л. 1.

58 Там же, л. 159.

59 Команда капитана Сурина столкнулась с повстанцами вблизи урочища Бикет, на полпути из Нижне-Озерной в Рассыпную крепость. О провале противопугачевской экспедиции Сурина и о его казни повстанцами Пушкин знал (IX, 514) по журналу Оренбургской губернской канцелярии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 181) и по «Хронике» П. И. Рычкова (IX, 214).

60 Эти слова Пушкин выписал из рапорта генерал-майора П. М. Голицына президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву от 19 апреля 1774 г. (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 59).

Глава V

1 ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 169—174 об.

2 Речь идет о рапортах И. Д. Симонова в Военную коллегию и к казанскому губернатору генерал-аншефу Я. Л. Бранту, а также о письме к правителю Младшего казахского жуза Нурали (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 49—49 об., 283, 348—348 об., 351 и др.).

3 Имеются в виду рапорты П. Д. Мансурова к генерал-майору П. М. Голицыну от апреля 1774 г. (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 56, 57—57 об., 58).

4 Протоколы показаний М. Кожевникова, С. Степанова, В. Тиманова, М. Ховрина, И. Воротникова, Г. Синельникова (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 66—68 об., 448—448 об., 449—450 об.; д. 1231, л. 418—422 об.).

5 Именные указы Пугачева: от 17 сентября 1773 г. к яицким казакам, от 19 сентября 1773 г. к солдатам и офицерам гарнизона Яицкого городка; экстракт двух указов Пугачева от 17 февраля и 14 марта 1774 г. к подполковнику Симонову и гарнизону осажденной крепости Яицкого городка (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 76, 77; д. 1233, л. 130).

6 *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969, с. 18, 70—74, 86, 96, 198, 206, 208, 212—214, 216, 224—229 и др.

7 Отечественные записки, 1824, кн. 52, с. 151—174; кн. 53, с. 319—347.

8 Близкий к оригиналу текст письма А. П. Крылова (но без указания имен автора и

корреспондента) напечатан П. И. Бартеневым в кн.: Архив князя Воронцова. М., 1880, кн. 16. Бумаги графа С. Р. Воронцова, с. 470—512.

[9] Мои наблюдения и суждения относительно атрибуции статьи «Оборона крепости Яика от партии мятежников» изложены в работе «В поисках автора «весьма замечательной статьи» (об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева»)».— История СССР, 1979, № 4, с. 173—179.

[10] *Карпов А. Б.* Памятник казачьей старины. Краткие очерки по истории Уральского войска. Уральск, 1909.

[11] Следствие и суд над Е. И. Пугачевым. Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Яицком городке.— Вопросы истории, 1966, № 3, с. 130—136; № 4, с. 111—126.

[12] Так, например, угощали казаки приехавшего в Уральск в 1837 г. великого князя Александра Николаевича (*Гуляев А. Л.* Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева. Уральск, 1895, с. 27—28).

[13] Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 83. Другие три экземпляра книги предназначались В. А. Перовскому, В. И. Далю и К. Д. Артюхову (директору Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге).

[14] *Модзалевский Б. Л.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома.— В кн.: Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 21—27; Ведомость уральской войсковой канцелярии о штаб- и обер-офицерах казачьего войска от 10 марта 1833 г.— ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10626, л. 47 а; Послужной список В. А. Покатилова за 1837 г. и его же формулярный список за 1838 г.— ЦГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 936, л. 4—10; д. 2608, л. 13—22.

[15] *Даль В. И.* Новый атаман (Письмо из Уральска).— Северная пчела, 1834, 7 мая, с. 403—404; статья Даля перепечатана Б. Л. Модзалевским в кн.: Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 21—27.

[16] *Жуковский В. А.* Дневники.— Русская старина, 1902, № 5, с. 327—328.

[17] Выступление уральских казаков в 1837 г. освещается в работах: *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. СПб., 1866, ч. 1, с. 75—80; *Гуляев А. Л.* Отрывки из прошлого Уральского войска. Уральск, 1895, с. 27—34; *Карпов А. Б.* Памятник казачьей старины. Краткие очерки по истории Уральского войска, с. 79—82.

[18] Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, сектор рукописей, ф. 244 (архив А. С. Пушкина), оп. 1, инв. № 844, л. 4.

[19] Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929, с. 27; Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подгот. и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935, с. 339.

[20] Рукою Пушкина, с. 340.

[21] Следует заметить, что Бизянов не назван в числе знакомых Пушкина в биографическом словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975).

[22] В списке яицких казаков, составленном в сентябре 1772 г., учтены: Бизянов Петр Федорович (50 лет),

Бизянов Григорий Прокофьевич (27 лет), Бизянов Иван Прокофьевич (20 лет), Бизянов Петр Иванович (23 года).— ЦГВИА, ф. 8 (Генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии), оп. 4/93, д. 1536, л. 420 об., 425, 443, 494, 503.

23 Протоколы показаний П. Ф. Бизянова и И. П. Бизянова на допросах в 1774 г. в Яицком городке.— ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 15—15 об.; д. 505, л. 39.

24 *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. СПб., 1866, ч. 1—2.

25 *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891, т. 1—2.

26 *Гуляев А. Л.* Отрывки из прошлого Уральского войска. Из записок полковника А. Л. Гуляева.

27 Там же, с. 27, 28, 32, 33.

28 Там же, с. 77—145.

29 *Иванин М. И.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг. СПб., 1874, с. 127, 128, 130, 133—134 и др.; *Юдин П. Л.* Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае.— Русская старина, 1896, № 6, с. 524, 527, 528 и др.; *Захарьин (Якунин) И. Н.* Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и первое посольство в Хиву в 1842 году. (По рассказам и запискам очевидцев). СПб., 1898, с. 118 и др.; *Он же.* Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901, ч. 2, с. 18, 86, 96, 99.

30 *Захарьин (Якунин) И. Н.* Хива. Зимний поход в Хиву..., с. 118; *Он же.* Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. 2, с. 86.

31 *Даль В. И.* Письма о Хивинском походе.— В кн.: Даль В. И. Полн. собр. соч. СПб., 1898, т. 10, с. 495 (письмо от 3 февраля 1840 г.).

32 *Железнов И. И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков, т. 3, с. 111.

33 Список полковникам по старшинству. СПб., 1838, с. 93.

34 ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10626, л. 47а.

35 Список генералам по старшинству. СПб., 1852, с. 429.

36 Список генералам по старшинству. СПб., 1857, с. 296.

37 Русский инвалид, 1858, 18 мая, с. 449.

38 ЦГВИА, ф. 489, д. 3090, л. 52 об.— 53; д. 3091, л. 34 об.— 36; д. 3095, л. 225 об.— 227.

39 Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / Сост. М. О. Бендер. СПб., 1905, т. 1, с. 109.

40 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 448, 501 и др.

41 Там же, л. 512—514.

42 Там же, л. 512. Выражение «дать последовательный крест» означало, по-видимому, предписание о награждении знаком ордена, который по его достоинству превышал бы имевшиеся уже у Бизянова ордена. 20 июня Чернышев подал Николаю I доклад, коим предлагал наградить Бизянова либо орденом Владимира 3-й степени, либо «дать ему корону на один из имеющихся уже у него орденов св. Станислава или св. Анны 2-й ст.» (там же, л. 531—533 об.). Царь распорядился «Дать Бизянову корону на орден Анны 2-й ст.» (там же, л. 531).

43 Там же, л. 517.

44 Там же, л. 519—528.

45 Год спустя после этой находки в ЦГВИА в сентябре 1978 г. в Оренбургском архиве были найдены формулярные списки Бизянова 1834 и 1838 гг. (ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11100, л. 1—10; д. 11548, л. 3—12). Данные этих списков идентичны сведениям

формулярного списка 1837 г., хранящегося в ЦГВИА.

[46] Бизянов Константин Федотович в 1870-х годах был генерал-майором и наказным атаманом Уральского казачьего войска (Столетие Военного министерства. 1802—1902. Казачьи войска, СПб., 1907, т. 11, ч. 3, с. 271).

[47] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 519 об., 527.

[48] Там же, л. 519 об. Сведения об этом периоде служебной деятельности Бизянова (с 1798 по 1815 г.) отражены и в его формулярных списках 1812—1815 гг. (ЦГВИА, ф. 489, д. 3090, л. 173 об.; д. 3091, л. 267 об.; д. 3095, л. 225 об.).

[49] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 519 об.

[50] Там же, л. 520.

[51] *Милютин Д. А.* История войны между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857, т. 2, с. 117, 118, 124—130, 243—262, 316, 327 и др.

[52] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 520—527.

[53] Там же, л. 520. Общеизвестен живейший интерес Пушкина к зловещей фигуре Аракчеева, всесильного временщика в правлении Александра I. Узнав о смерти Аракчеева (21 апреля 1834 г.), Пушкин день спустя писал жене: «Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться» (XV, 130).

[54] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 521.

[55] Там же, л. 521.

[56] *Михайловский - Данилевский А. И.* Записки 1814 и 1815 годов.— В кн.: Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. СПб., 1850, т. 7, с. 380.

[57] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 521.

[58] Там же, л. 522.

[59] В день 14 декабря 1825 г. Уральская казачья лейб-сотня Бизянова, квартировавшая в деревне Емельяновка под Петербургом, была вызвана Николаем I в столицу, но в город не вступала, расположившись в качестве резерва у одной из городских застав (*Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года.— В кн.: Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926, с. 173, 175).

[60] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1166, л. 523—525.

[61] Список яицких казаков, составленный 7 сентября 1772 г.— ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 425. Г. П. Бизянов родился в 1745 г., умер в начале XIX в.

[62] Протокол показаний П. И. Бизянова на допросе в Оренбургской следственной комиссии в августе 1772 г.— Там же, л. 111—112.

[63] Об участии П. И. Бизянова и М. П. Толкачева в свадьбе Пугачева см.: Протокол показаний Д. С. Пьянова на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки, с. 117—118.

[64] Протокол показаний И. П. Бизянова на допросе в Яицкой секретной комиссии в августе 1774 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 39.

[65] *Жуковский В. А.* Дневники.— Русская старина, 1902, № 5, с. 328.

[66] *Юдин П. Л.* О первом посмертном издании сочинений Пушкина.— Русский архив, 1893, № 9, с. 124.

[67] ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10626, л. 36—39, 47—48; д. 11100, л. 1—50.

68 Вот список уральских казаков и казачек, очевидцев Пугачевского восстания (в скобках указывается их возраст): Антипов Яков Григорьевич (75), Астафьев Иван Астафьевич (80), Бирюкова Афимья (80), Бодырев Максим Иванович (76), Ворожейкин Андрей Игнатьевич (75), Гасилина Наталья (92), Голованов Иван Иванович (80), Головачев Иван Иванович (73), Гордеев Матвей Алексеевич (75), Горшкова Марья (80), Донсков Петр Дмитриевич (75), Ерыклинцев Федор Дмитриевич (82), Есина Фетинья (80), Жигулин Андрей Егорович (90), Журавлев Андрей Федорович (80), Зеленцов Федор Кириллович (76), Зеленцова Ирина (75), Землянушнов Максим Петрович (90), Землянушнова Василиса (80), Зузанов Василий Федорович (80), Кабанов Иван Петрович (80), Кадомцева Анна Емельяновна (84), Калентьева Мавра (80), Калинин Иван Данилович (80), Каньков Никита Иванович (90), Канькова Екатерина (85), Колесников Михаил Иванович (78), Коптелов Яков Максимович (90), Криков Иван Сергеевич (80), Круглов Василий Иванович (85), Крынкин Борис Иванович (75), Крынкина Мавра (75), Кузнецов Иван Иванович (86), Кукляев Петр Данилович (75), Кунаковсков Денис Васильевич (85), Курина Екатерина (80), Кучкин Григорий Яковлевич (80), Кучкина Василиса (75), Любавин Василий Семенович (88), Любимова Евдокия (96), Маденов Никита Михайлович (74), Маштаков Иван Тимофеевич (100), Мизинов Петр Андреевич (92), Мирошихин Аким Иванович (80), Овчинников Иван Лукьянович (88), Овчинников Яков Афанасьевич (80), Победимов Василий Карпович (75), Победимова Пелагея (90), Подкоряшнов Яков Ермолаевич (75), Поликарпова Агафья (80), Потерянова Анна Андреевна (85), Почиталина Анна Васильевна (82), Проклятова Дарья (80), Пьянов Михаил Денисович (95), Свешников Алексей Филиппович (90), Седов Кузьма Иванович (80), Силантьев Петр Иванович (80), Силантьева Василиса (80), Синильников Григорий Васильевич (76), Сладкова Евдокия (90), Солодовников Степан Сергеевич (88), Сумкина Афимья (83), Сумкина Прасковья (80), Сутягина Мавра (80), Тужилкин Андрей Петрович (80), Тясмина Акулина (90), Чеботарев Петр Иванович (80), Шалимов Федор Петрович (80), Шароварников Алексей Максимович (75), Щелоков Михаил Иванович (80) (ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 505—790).

69 Протокол показаний Пугачева на допросе в Москве в ноябре 1774 г.— Красный архив, 1935, № 69—70.

70 Протокол показаний С. Солодовникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июне 1774 г.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7270, л. 7—7 об.

71 Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 160; см. также показания казаков Ф. Азовцева, А. Ульянова, И. Кирсанова и других на допросе в Яицкой секретной комиссии (там же, с. 170).

72 *Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине.— В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 229.

73 *Железнов И. И.* Уральцы.

Очерки быта уральских казаков, т. 3, с. 139, 153, 162, 167, 189, 201.

74 *Михайлов М.* Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1857 гг.).— Морской сборник, 1859, № 9, с. 26—27.

75 Документы о следствии над Е. И. Пугачевым в Яицком городке.— Вопросы истории, 1966, № 3, с. 131; № 4, с. 123.

76 *Савичев Н. Ф.* Нечто из времен катастроф.— Уральские войсковые ведомости, 1884, № 18.

77 Список штаб- и обер-офицеров Уральского казачьего войска по старшинству за 1846 год (ЦГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 7369, л. 153 об.). Приказы по Отдельному Оренбургскому корпусу за 1853 г.— ЦГА БАССР, ф. 2, д. 15216, л. 45.

78 *Карпов А. Б.* Указ. соч., с. 76.

79 Клировая ведомость 1833 года.— ГАОО, ф. 173 (Оренбургское духовное правление), оп. 9, д. 128, л. 6 об.— 7. Сведения о документе сообщены С. А. Поповым.

80 ГАОО, ф. 173, оп. 9, д. 174, л. 6 об.— 7.

81 *Карпов А. Б.* Указ. соч., с. 76. Здесь ошибочно утверждается, что Василий Червяков умер в возрасте 96 лет, что превышает точные данные клировых ведомостей на 14 лет.

82 ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/93, д. 1536, л. 425, 429, 435 об., 495, 499, 500; ф. 52, оп. 194, д. 101, л. 152 об., 154, 156, 165 об., 166 об., 176 об.

83 Протокол показаний В. И. Бахарева, М. А. Ворожейкина, Н. И. Муромцева и других на допросе в Оренбургской секретной комиссии в мае 1774 г.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 413—414.

84 ГАОО, ф. 98 (Оренбургская казенная палата), оп. 2, д. 65, л. 302 об.— 303.

85 Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 г.— Вопросы истории, 1966, № 3, с. 135; Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Москве 4—14 ноября 1774 г.— Красный архив, 1935, № 69/70, с. 176—178; Протокол показаний Д. С. Пьянова на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 116.

86 *Чхеидзе А. И.* «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, с. 49; *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 291, 293, 297; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1940, т. 9, кн. 2, с. 904; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 336.

87 ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 723 об.— 724. Позднее С. А. Попов воспроизвел эту запись в статье «Собеседники Пушкина в Уральске» (Южный Урал, 1978, 5 янв.).

88 ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 20—20 об.; д. 506, л. 34—37 (опубл. в кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 115—118).

89 ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 83—86; ф. 349, д. 7183, л. 2—2 об.

90 Пугачевщина, т. 2, с. 116.

91 Денис Пьянов скончался 50 лет от роду 12 августа 1774 г. в тюремном остроге Оренбургской секретной комиссии (Пугачевщина, т. 2, с. 115).

92 ЦГВИА, ф. 52, оп. 199, д. 101, л. 162.

93 ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 188, л. 649 об.— 650.

94 Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 109. В черновике протокола допроса записаны слова Почиталина, что Пугачев «на

свадьбе сам присудствовал и много веселился» (ЦГАДА, ф. 349, д. 7318, л. 10).

95 *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 3, с. 267—270.

96 Показание М. Пьянова на допросе в 1774 г. о своем возрасте (22 года) расходится со свидетельством ревизской переписи 1834 г. о его возрасте (95 лет, следовательно, в 1774 г.— 35 лет). Скорее всего, правильно показание М. Пьянова, данное им в 1774 г., ибо, по свидетельству И. Я. Почиталина, оба любимца Пугачева, Почиталин и Пьянов, в 1774 г. были молодыми казаками; точно известно, например, что Почиталину шел в то время 21-й год (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 188).

97 Экстракт решенным делам о колодниках, содержащихся в Яицком городке, посланный капитан-поручиком С. И. Мавриным генералу П. С. Потемкину при рапорте от 31 августа 1774 г.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7221, л. 6—6 об.

98 Там же, л. 6.

99 Протокол показаний Пугачева на допросе в Москве 4—14 ноября 1774 г.— Красный архив, 1935, № 69—70, с. 216—217.

100 Протокол показаний Пугачева на предварительном допросе в Москве 4 ноября 1774 г.— Вопросы истории, 1966, № 7, с. 131.

101 *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 290; *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966, с. 45, 47, 110—111 и др.

102 Рукою Пушкина, с. 341; *Измайлов Н. В.* Указ. соч., с. 276.

103 Протокол показаний В. Я. Плотникова на допросе 24 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 161—171 об.

104 Протокол показаний В. Я. Плотникова на допросе 17 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената.— ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, с. 251—252.

105 Свидетельство о смерти В. Я. Плотникова от 29 января 1775 г.— ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 225а.

106 Протокол показаний В. Я. Плотникова на допросе 24 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 164—168; Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 188—189; Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 132.

107 В данном случае Пушкин использовал, помимо предания о Плотникове, приведенное в «Хронике» П. И. Рычкова известие о том, что Пугачев был работником у отставного яицкого казака Данилы Шелудякова (IX, 252; в тексте «Истории Пугачева» упоминание об этом см.: IX, 14, 98, 103).

108 Пушкинский текст основывается на дневниковой записи П. И. Рычкова от 5 января 1774 г., приведенной в его «Хронике» (IX, 291).

109 И. П. Федулев (род. около 1740 г.) по указу Сената от 28 февраля 1775 г. выслан в Прибалтику вместе с другими главарями противопугачевского заговора Ф. Ф. Чумаковым, И. А. Твороговым, а также с непричастными к заговору казаками П. А. Пустобаевым, В. С. Коноваловым, К. Т. Кочуровым, К. И. Фофановым и Я. Ф. Почита-

линым (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 3, л. 244—245). И. П. Федулев был поселен с первыми тремя в городе Пернове (*Лосенкова Г. В.* Документы о пребывании в Эстонии некоторых участников Крестьянской войны 1773—1775 годов в России.— Советские архивы, 1973, № 3, с. 66—70).

[110] Протокол показаний И. П. Федулева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 284—288.

[111] *Лосенкова Г. В.* Указ. соч., с. 70.

[112] Список яицких казаков «непослушной» (мятежной) стороны, составленный 7 сентября 1772 г. в Яицкой комендантской канцелярии.— ЦГВИА, ф. 8, оп. 4/96, д. 1536, л. 449 об.

[113] Протокол показаний А. П. Толкачевой на допросе 15 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 158.

[114] Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 112 об. Сведения о повстанческой «гвардии» имеются в протоколах следственных показаний пугачевских полковников А. Т. Соколова — Хлопуши и М. Г. Шигаева (Красный архив, 1935, № 68, с. 168; ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 94 об.— 95), а также в показаниях писаря Полуворотова, приведенных в «Хронике» П. И. Рычкова (IX, 234).

[115] Протокол показаний Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г.— Красный архив, 1935, № 69—70, с. 222.

[116] Протокол показаний В. М. Федулева на допросе 17 октября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 333—334.

[117] Там же.

[118] Указом Сената от 15 января 1775 г. яицкие казаки были переименованы в уральских (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1832, т. 20, № 14235, с. 15—16).

[119] ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 451—455.

[120] ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 188, л. 615 об.

[121] ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 525 об.

[122] Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 157—158.

[123] Там же, с. 158—159; Протокол показаний Ф. Ф. Чумакова и И. А. Творогова на допросе 14 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 365—365 об.

[124] Протоколы показаний И. П. Федулева и И. С. Бурнова на допросах 16 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 286 об., 310 об.

[125] Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии.— В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 160—161; Протоколы показаний Ф. Ф. Чумакова, И. А. Творогова и И. П. Федулева на допросах 14 и 16 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии.— ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 365 об.; д. 505, л. 287.

[126] Справедливости ради следует заметить, что при описании ареста Пугачева и его конвоирования в Яицкий городок Пушкин использовал, помимо предания уральских казаков, некоторые свидетельства о том же, приведенные в «Хронике» П. И. Рыч-

кова (IX, 353—354), но эти свидетельства имели характер дополнительных источников, подтверждающих рассказ казаков.

127 Рапорт командира конвойной команды генерал-поручика А. В. Суворова генерал-аншефу П. И. Панину от 19 сентября 1774 г.— ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 630.

1 октября 1774 г. Пугачев был доставлен в Симбирск к генералу П. И. Панину.

Дважды побывав в сентябре 1833 г. в Симбирске, Пушкин со слов одного из старожилов записал предание о публичном допросе Пугачева Паниным и ввел эту сцену в «Историю Пугачева». Когда конвоиры привели окованного цепями Пугачева, Панин спросил его: «„Кто ты таков?“ — *„Емельян Иванов Пугачев,* отвечал тот.— Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин.— *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает*... Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови, и вырвал у него клок бороды“» (IX, 78).

Услышанное Пушкиным предание имеет заметные черты сходства со свидетельствами современных тому событию источников. Сам Панин в письме от 1 октября 1774 г. своему брату — канцлеру Н. И. Панину писал, что был возмущен дерзостью Пугачева, за что тот и «отведал от распаленной... моей крови несколько пощечин, а борода,— которою он Российское государство жаловал,—довольного дранья» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ОР, ф. 222, д. 7, л. 30). Ссылаясь на рассказы очевидцев, Г. Р. Державин сообщил в своих записках, что при публичном допросе Пугачева, когда Панин «надменно спросил» Пугачева: «как он смел поднять оружие против его?», Пугачев не без сарказма ответил: «Что делать, ваше сиятельство, когда уж воевал против государыни!» Взбешенный таким язвительным ответом, «граф не вытерпел и вырвал у него несколько волос из бороды» (*Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел.— В кн.: Державин Г. Р. Соч. СПб., 1876, т. 6, с. 497).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА)

Ф.6 — Госархив, разряд VI — Уголовные дела по государственным преступлениям;
Ф.7 — Госархив, разряд VII.— Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция Сената;
Ф.199 — Портфели Г.-Ф. Миллера;
Ф.248 — Сенат;
Ф.259 — Секретная экспедиция I департамента Сената;
Ф.349 — Тайная канцелярия, Казанская и Оренбургская секретные комиссии;
Ф.1100 — Оренбургская губернская канцелярия («Канцелярия оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа»);
Ф.1274 — Фамильный архив Паниных.

Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА)

Ф.8 — Генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии;
Ф.13 — Казачья экспедиция Военной коллегии;
Ф.20 — Секретная экспедиция Военной коллегии;
Ф.41 — Канцелярия президента Военной коллегии Н. И. Салтыкова;
Ф.52 — Канцелярия шефа иррегулярных войск Г. А. Потемкина;
Ф.405 — Департамент военных поселений;
Ф.489, Ф.490 — Коллекции офицерских сказок;
Ф.ВУА — Военно-ученый архив.

Центральный Государственный Исторический архив СССР (ЦГИА СССР)

Ф.1343 — Департамент герольдии Сената.

Центральный Государственный архив Башкирской АССР (ЦГА БАССР)

Ф.2 — Уфимское губернское правление;
Ф.138 — Уфимская казенная палата.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф.6 — Канцелярия оренбургского генерал-губернатора;
Ф.49 — Бердское станичное правление;
Ф.98 — Оренбургская казенная палата;
Ф.172 — Оренбургское духовное правление;
Ф.173 — Оренбургская духовная консистория.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей (ГБЛ, ОР)

Ф.43 — Архив К. А. Буха;
Ф.222 — Архив П. И. Панина.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. **А. С. Пушкин.** Гравюра Т. Райта, 1837 г.
2. **Е. И. Пугачев.** Гравюра, приложенная к пушкинской «Истории Пугачевского бунта». СПб., 1834.
3. **Именной указ Пугачева казакам Яицкого войска от 17 сентября 1773 г.** (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 76. Подлинник)
4. **Именной указ Пугачева Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г.** (на нем. яз.) (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 18. Подлинник)
5. **Вид на город Оренбург с левого берега р. Урал.** Гравюра по рис. П. П. Свиньина. 20-е годы XIX в.
6. **Георгиевская церковь в Форштате (предместье Оренбурга), с колокольни которой пугачевская артиллерия обстреливала город в ноябре 1773 г.** Фотография XIX в.
7. **Дом Смолиных в Бердской слободе, на месте которого стояла изба казака К. Е. Ситникова — «государев дворец» Пугачева в ноябре 1773 — марте 1774 г.** Фотография С. А. Попова, 1976 г.
8. **Село Нижне-Озерное, бывшая Нижне-Озерная казачья станица, которую 20 сентября 1833 г. посетил Пушкин.** Фотография С. А. Попова, 1954 г.
9. **Дом атамана повстанцев М. П. Толкачева в Яицком городке (ныне г. Уральск), где останавливался Пугачев, приезжая из-под Оренбурга.** Фотография начала XX в.
10. **Дом в Яицком городке (ныне г. Уральск), принадлежавший родственникам Устиньи Кузнецовой — второй жены Пугачева.** Фотография В. Г. Короленко, 1900 г.
11. **Собор архангела Михаила в Яицком городке (ныне г. Уральск) — цитадель внутренней городской крепости, осаждаемой отрядами Пугачева в январе — апреле 1774 г.** Фотография 1979 г.
12. **Дом наказных атаманов Уральского казачьего войска в г. Уральске, где у атамана В. О. Покатилова останавливался Пушкин 21—23 сентября 1833 г.** Фотография 1979 г.

На обложке помещены: **рисунок П. И. Рычкова с видом Яицкого городка в середине XVIII в. и страницы из «архивных» тетрадей Пушкина с выпиской из пугачевских дел архива Военного министерства.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. «В грубых, но сильных выражениях...» 8

Глава II. В мятежной Бердской слободе . . 36

Глава III. «Имел я большой успех...» 49

Глава IV. В крепости Нижне-Озерной . . . 70

Глава V. «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно...» 93

Примечания 134

Список использованных архивных фондов 157

Список иллюстраций 158

Реджинальд Васильевич Овчинников

НАД «ПУГАЧЕВСКИМИ» СТРАНИЦАМИ ПУШКИНА

Редактор издательства **Р. И. Коробейникова**
Художник **М. М. Бабенков**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технический редактор **Л. И. Куприянова**
Корректор **Г. Г. Петропавловская**

ИБ № 22441

Сдано в набор 10.03.81
Подписано к печати 01.06.81
Т-10220. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 8,8 Усл. кр.-отт. 9,1. Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 200000. 1-ый завод (1—100000). Тип. зак. 310
Цена 60 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

КОЗЛОВ В. П.
Колумбы российских древностей. — М.: Наука, 1981, 9,7 л., 60 к.

В книге рассказывается о том, как в первой четверти XIX в. известному государственному деятелю Н. П. Румянцеву удалось объединить вокруг себя блестящую плеяду ученых, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории. Широко привлекая архивные материалы, автор показывает организационную деятельность членов Румянцевского кружка, подробно освещает принципы их изысканий и подбора материалов по истории государства, литературы и культуры средневековой России.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·НАУКА·